

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ, ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ И
ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. М. ГОРЬКОГО

А. Н. Коган

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Учебное пособие

ЕКАТЕРИНБУРГ . 1992

ББК С556. 355я7
К57

Печатается по постановлению редакционно- издательского совета Уральского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. А. М. Горького

Коган А. Н. Социология культуры: Учеб. пособие. Екатеринбург: УрГУ, 1992..120 с.

Это учебное пособие является первым в стране пособием такого рода, в нем сделана попытка соединить теоретические положения социологии культуры с изложением своеобразия методики и техники прикладных исследований культуры. Предлагаются принципиально новые подходы к изучению культуры личности, группы и общества в целом, дается анализ современного кризисного состояния культуры в стране и предлагаются некоторые пути выхода из него.

Пособие предназначено для студентов социологических отделений и факультетов, преподавателей социологии, студентов и преподавателей факультетов и институтов культуры, а также для профессиональных социологов, ведущих соответствующие исследования.

Рецензенты: Институт экономики
УрО РАН; д-р филос. наук, проф.
Б. С. Павлов

ПРЕДИСЛОВИЕ

В период перехода России к новым экономическим отношениям первостепенное значение приобретают проблемы культуры, духовного возрождения страны. Без такого возрождения Россия не станет цивилизованной даже при условии успешного преодоления экономического и политического кризиса. В свою очередь, возрождение культуры может осуществиться только на научной основе, предполагающей постоянное изучение культурного уровня населения, реальных культурных потребностей, интересов, ориентаций.

Социология культуры из положения аутсайдера в социологической науке страны, в котором она находится сейчас, должна выйти на первый план. Этому мешает полное отсутствие отвечающих современным требованиям учебников и учебных пособий по курсу социологии культуры в целом и по отдельным его темам. Автор не питает иллюзий, что предлагаемое вниманию читателя учебное пособие сможет восполнить этот пробел. В лучшем случае оно может поставить ряд теоретических и методических проблем курса социологии культуры, предназначенного для студентов социологических факультетов и отделений, а также для будущих специалистов по истории и теории культуры. Пособие представляет собой расширенную запись ряда лекций, прочитанных на социологическом отделении философского факультета Уральского государственного университета в 1991/92 учебном году. В нем содержатся сведения о предмете, месте и функциях социологии культуры, культурной коммуникации, судьбах культуры в условиях научно-технической революции и перехода к «информационному обществу», особенностях культуры российских города и деревни, диалоге и развитии национальных культур, об актуальной культуре. Специальные главы посвящены соотношению социологии культуры и социологии общественного сознания, социологии культуры и социологии образования. В заключительной главе рассмотрены особенности методики и техники социологического исследования культуры в современный период и некоторые возможные пути выхода ее из затянувшегося кризиса.

Проблемы социодинамики культуры, а также соотношения социологии культуры с такими частными теориями, как социология морали, науки, религии, искусства, политическая социология специально не рассматривались.

В пособии почти нет ссылок на литературу и цитаты. В нем мне хотелось прежде всего изложить собственные мысли и взгляды,

результаты многолетней работы в коллективах, изучающих социологию культуры. Я стремился дать по каждой из тем практические советы социологу, который будет проводить соответствующие исследования, предостеречь его от возможных ошибок, которые допускались в свое время и мною. Хотя я далеко не во всем согласен с положениями ряда работ по социологии искусства, образования и пр., я не счел нужным загружать пособие этой полемикой.

Жанр и размеры издания не дали возможности предпослать каждой главе обзор имеющейся отечественной и зарубежной литературы, хотя список основных работ, рекомендуемых студентам, содержится в методических приложениях к пособию.

Автор будет искренне благодарен за все конструктивные критические замечания по отдельным главам и учебному пособию в целом.

Глава 1. ПРЕДМЕТ, МЕСТО И ЗАДАЧИ СОЦИОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ

Социология культуры является, пожалуй, наиболее слабо разработанной научной дисциплиной во всей советской социологии. Очевидно, это объясняется двумя основными причинами. Во-первых, общим «остаточным» подходом к культуре, который в определенной мере сохраняется и до настоящего времени. Если наша социология изучала человека, то, в первую очередь, как «человека производственного», как «решающую производительную силу». Даже свободное время рассматривалось прежде всего как время восстановления рабочей силы перед новым трудовым днем. С этой точки зрения культура, образование, наука (за исключением науки, работающей на оборону) понимались как второстепенные «отрасли» народного хозяйства, а занятая в них интеллигенция — как люди, «обслуживающие» рабочий класс и крестьянство. Во-вторых, изучение этих научных дисциплин связано с особыми трудностями: развитие культуры не всегда можно выразить в процентах и таблицах, здесь обычно невозможны «лобовые» вопросы, не действуют многие распространенные в других социологических дисциплинах методики.

Культура характеризует развитие человека и связана с «ядром» его личности, духовным миром, с решением основных вопросов смысла его бытия. Вот почему социологи нередко предпочитали культуре более «спокойные» и «привычные» области социологии. Нельзя не замечать и того, что в культуре наиболее живучи насаждавшиеся десятилетиями догмы и идеологические мифы, влияние которых сказывается и сегодня¹. Эти мифы о советской культуре как «высшем этапе» развития мировой культуры, о нашем народе как «самом культурном», «самом читающем», «самом образованном» и т. д. приходили в вопиющее противоречие с результатами конкретных социологических исследований, с реальными фактами жизни. Не случайно многие серьезные исследования культуры, проведенные в 70-е—начале 80-х гг., не смогли увидеть света, в лучшем случае они издавались мизерными тиражами под грифом «для служебного пользования».

Сейчас речь идет о необходимости возрождения и интенсивного развития социологии культуры, ибо без резкого подъема культуры невозможно обновление страны, выход из тяжелого, затянувшегося социально-экономического и духовного кризиса. Социология культуры является частной (специальной) социологической теорией, наряду с социологией труда, управления, досуга и т. д. Ей при-

¹ См., напр.: Основы социалистической культуры / Под ред. проф. В. А. Зоца. Киев, 1991.

сущи общие закономерности социологии как науки в целом, и в то же время она обладает своими внутренне-присущими ей закономерностями, своей системой понятий. Для понимания их надо, хотя бы очень кратко, остановиться на сущности культуры как общественного явления.

Культура и ее роль в жизни общества

В отличие от всех остальных живых существ человек принадлежит одновременно двум мирам: земному, преходящему миру и вечному миру духовных ценностей — миру культуры. С раннего детства, овладевая речью, мы уже тем самым входим в мир вечных ценностей человечества, узнаем назначение тех или иных окружающих нас предметов, учимся пользоваться ими, в школе мы осваиваем самый первый, поверхностный слой культуры, получаем ключ к вратам этого мира. Развитие человека, продолжающееся всю его жизнь — проникновение в бездонный мир непреходящих ценностей культуры. Нередко культуру рассматривают только как «совокупность накопленных человечеством ценностей», подчас ограничивая ее только ценностями художественной культуры. Такой подход оказывается слишком узким и потому неверным. В процессе любой практической деятельности человек изменяет мир, причем не только реально, но и идеально — в своем сознании. Изменяя мир, он изменяется и сам, совершенствуя свои способности, потребности, обогащая знания, мировоззрение, социальные чувства, словом, свои социальные («сущностные») силы.

В самом общем плане культура и есть «человеческий срез» истории, она отражает изменения человека в ходе исторического развития. Культура является средством его социализации, т. е. приобщения к общественному целому, становления как члена общества. Но сама эта социализация в ходе освоения культуры происходит как индивидуализация личности, как обретение ею своего, непохожего на других «я». Социализация и индивидуализация — две стороны одного и того же процесса освоения культуры.

Культура — сфера свободы человека, ибо она освобождает его от шаблонов и стереотипов конформистского подражания окружающим, является залогом самостоятельности, суверенности его личности. Культура позволяет человеку стать мастером своего дела, возвыситься до уровня лучших образцов профессиональной деятельности (профессиональная культура). Она обеспечивает свободу его политической деятельности — умение разобраться в широком спектре программ и платформ политических партий и движений.

Однако, являясь сферой свободы, культура воспитывает дисциплину и ответственность, без которых свобода не существует. Культура — нормативная система, ее нормы — социальные ожидания, требования общества к каждому человеку, начиная от этикета, норм повседневного поведения и кончая нормами права и морали.

Часто культуру считают определенной «отраслью» народного хозяйства страны, даже — «отраслью сферы услуг». Согласиться с этим невозможно. Культура — «сквозная» общественная система, она как бы пронизывает все общество, все его структуры.

Нет такого общественного явления, о котором нельзя было бы судить с позиций культуры, ибо она входит как составной элемент в любой «блок» социальной жизни. Многообразие видов культуры соответствует при этом многообразию форм самой человеческой деятельности.

Культуру можно рассматривать как **общественную систему сущностных сил человека в процессе его многообразной социальной деятельности.**

Культура **опредмечивает** духовное богатство человека, накопленные им знания, навыки, умения, социальные чувства, которые в процессе творческой деятельности воплощаются в **ценности** культуры, имеющие общественную значимость. С другой стороны, само творчество возможно лишь в том случае, если личность **распредмечивает** (осваивает) уже накопленные ценности культуры, превращая их в свое духовное богатство.

Культура представляет собой нормативные требования к любой деятельности человека, она, по верному замечанию Гегеля, возвышает его до общепринятых в мире стандартов. В то же время она является необходимым условием плюрализма человеческой деятельности, ее свободы, бесконечного индивидуального многообразия. Культура как **создание** человеческих рук и мозга противостоит природе (натуре). Однако культура совершенствует саму природу, обеспечивает ее сохранение и рациональное использование (экологическая культура).

Культура — достояние всего человечества. Она включает в себя все лучшее, самое ценное, созданное каждой эпохой, всеми национальными культурами, всеми слоями населения. В этом смысле в культуре остаются именно вечные **общечеловеческие** ценности. Но любая общечеловеческая ценность культуры несет печать создавшей ее эпохи и одновременно выступает достоянием **национальной** культуры и того или иного слоя внутри этой нации. Поэтому культура всегда предполагает диалектическое единство общечеловеческого и национального.

Культуру следует рассматривать как **процесс**, как непрерывное течение: в ней всегда возникает нечто новое, причем не только новые произведения, но и новые школы и направления. Одновременно устаревшее, не выдержавшее «испытание временем», безвозвратно уходит, гибнет. Это говорит о том, что культуру нельзя рассматривать в статическом, неподвижном состоянии.

В сложной системе культуры различают культуру «ученую», созданную профессиональными ее деятелями (сегодня в основном интеллигенцией) и культуру «фольклорную» (народную), создателем и носителем которой выступают сами народные массы;

Народное мирозерцание, народная этика и педагогика, народная медицина, народный спорт и различные виды народного искусства. Эта культура передается обычно устной традицией от поколения к поколению, поэтому ее часто называют «традиционной культурой».

Как видим, культура представляет собой весьма сложную и внутренне противоречивую систему. Эти противоречия обуславливают относительную самостоятельность культуры, ее самодвижение. Изучение культуры — всегда анализ деятельности человека в системе общественных отношений, ее побудительных мотивов и условий реализации. При этом социология культуры имеет свой, особый ракурс изучения человеческой деятельности. Она интересуется социолога именно с точки зрения ее влияния на развитие личности, каково бы ни было это влияние — положительное или отрицательное, ведущее ее к деградации. Это влияние всецело зависит от содержания деятельности.

Любая деятельность может быть как обогащающей духовный мир личности, так и ведущей к ее деградации. Однако часто в социологических исследованиях и трудовая, и политическая, и духовная деятельности вне зависимости от содержания рассматриваются как обогащающие человека. Механический, тяжелый труд, активная деятельность в консервативных, националистических организациях, чтение бульварной литературы или посещение фильмов, воспевающих насилие и порнографию, ведут к деградации личности.

Поэтому решающее значение для социолога имеет не сам факт участия человека в той или иной деятельности, а реальное содержание последней, ее фактическое влияние на развитие человека. Важны и мотивы занятия этой деятельностью. Даже самой полезной социально-политической деятельностью человек может заниматься в силу внешних, весьма неблагоприятных причин — желания получить те или иные привилегии, карьеристских побуждений. В таком случае даже полезная, развивающая деятельность оказывается для человека внешней, глубоко безразличной ему, не самоцелью, а лишь средством для достижения внешних по отношению к ней целей.

Вот почему, уточняя выдвинутый выше тезис, следует сказать, что социолог изучает не только саму деятельность, ее содержание и влияние на развитие личности, но также стимулы и мотивы, побуждающие к занятиям именно этой деятельностью.

Таким образом, социологические исследования культуры неизбежно становятся изучением внутреннего мира человека, «ядра» его личности. В конечном счете, исходным их моментом, краеугольным камнем всегда оказывается изучение потребностей и интересов. Вне этого социология культуры не существует. Вот почему многие исследования, проводимые в рамках этой научной дисциплины, на самом деле не относятся к ней и выступают иссле-

дованиями труда, быта, организаций и т. п., но не культуры. В строгом смысле слова социология культуры — это социология личности, рассмотренной в одном аспекте: с точки зрения ее развития в процессе многообразной социальной деятельности. Из сказанного следует важный вывод. В нашей литературе, как и в общественном сознании, культура обычно рассматривается только в позитивном плане. В жизни же, наряду с прогрессивной культурой, есть и культура реакционная. Ее иногда называют «антикультурой», т. е. культурой, противостоящей прогрессу. Содержание деятельности определяет и содержание культуры, в которой опредмечивается эта деятельность. Прогресс и регресс — два различных и противостоящих друг другу направления развития, в том числе и развития личности.

В современных условиях личность становится ареной борьбы противоположных, разновекторных культур, от ее культурного выбора зависит ее духовный мир и социальная позиция. Проблема культуры в конечном итоге — **проблема выбора** тех или иных ценностей, определяющих **направленность** развития личности. Иными словами, направленность личности — это содержание ее культурной деятельности.

Эти методологические положения должны, по нашему мнению, быть положены в основу социологии культуры и определять методику и технику ее конкретных прикладных исследований.

Понятийный аппарат

Социология культуры, как и другие социологические дисциплины, имеет свой **понятийный аппарат**. Исходное, ключевое понятие — «культура» — уже было рассмотрено выше. Обратим внимание на некоторые другие ее основные понятия, составляющие определенную систему. Мы считаем, что культура включает в себя три основных «блока»: когнитивный, поведенческий и праксеологический. Разумеется, такое деление весьма условно, ибо все эти «блоки» тесно связаны и, взаимопересекаясь, взаимодействуют. Но для социологического анализа культуры, более глубокого понимания системы ее понятий такое деление, очевидно, имеет определенный смысл.

Когнитивный «блок» характеризует культуру как движущуюся, развивающуюся совокупность социального опыта, накопленного человечеством — мировоззренческих парадигм, знаний, навыков, умений — во всех видах социальной деятельности. Его основной социологической единицей выступают **ценности культуры**. Иногда ценностью культуры считают то или иное ее произведение, **отчуждаемое** от автора (или авторов) и существующее в предметно-вещной форме: книга, картина, скульптура и т. д. Однако такой подход слишком узок и потому неточен. Ценность культуры может существовать и в виде **деятельности**, неотчуждаемой от ее автора.

Так, все виды исполнительского искусства (танец, вокал, игра актера на сцене, эстрадное искусство и т.д.) существуют именно как деятельность исполнителя и только в тот временный интервал, который занимает эта деятельность.

Другой вопрос, что эту деятельность можно снять на пленку, записать, но это уже будет сохранение, репродуцирование такой деятельности. То же самое можно сказать о деятельности учителя, лектора, оратора, адвоката, священника.

Таким образом, ценность культуры рассматривается как результат культурной деятельности или сама эта деятельность, имеющие общезначимую культурную ценность для той или иной социальной общности людей.

В качестве такой общности может рассматриваться какая-то группа людей, профессия (ценность профессиональной культуры), религиозная общность, социально-демографическая группа (например, ценности молодежной культуры), класс, народ, нация, все человечество.

Живая человеческая деятельность регулируется поведенческим «блоком» культуры. Цель такого регулирования — добиться соответствия деятельности социальным ожиданиям общества. Средством этого регулирования выступают нормы культуры. Эти нормы являются устойчивыми требованиями социальной общности к качеству деятельности и поведению членов этой общности.

Прежде всего нормативность характерна для правовой и нравственной культуры, последняя включает в себя и нормы (правила) этикета — личного повседневного поведения людей в обществе. Однако нормативность присуща и науке, и художественной культуре, и религии. Более того, нормативна вся профессиональная культура, ибо она предъявляет к людям данной профессии требования, соответствующие высшим имеющимся образцам — так называемым «мировым стандартам». Нормы культуры конкретизируются соответствующими обрядами, обычаями, ритуалами, системой запретов («табу»). Эти социальные институты тоже фактически являются нормами, предписывающими образцы должного поведения в тех или иных конкретных обстоятельствах. Ценности и нормы культуры тесно связаны: сами эти нормы являются культурными ценностями. Ценности и нормы культуры в их единстве составляют субстанцию культуры, ее «тело».

Когнитивный и поведенческий «блоки» синтезируются праксеологическим «блоком». Этот блок регулирует саму культурную деятельность людей, поэтому его можно назвать «культуроорганизующим». Средством такого регулирования культуры, точнее сказать — ее самоорганизации, выступают социальные институты культуры. Институционализация культуры берет начало в глубокой древности, с ритуальных организаций жрецов. Постепенно этот процесс охватывает все виды и сферы культуры. Социальными институтами становятся образование, наука, право, религия, мораль, искусство.

Каждый из них, в свою очередь, имеет в своей структуре целый ряд социальных институтов, организующих их деятельность.

Изучение личностного аспекта культуры тоже опирается на целую систему понятий, важнейшими из которых выступают: «культурные потребности, интересы, установки», «культурная деятельность», «культурная среда» и др. Легко увидеть, что в этом случае используется общий понятийный аппарат социологии личности, взятый в одном его ракурсе — применительно к культуре. Очевидно, ключевым понятием здесь является «культурная деятельность». Она не выступает каким-то особым, отдельным видом человеческой деятельности, наряду с материально-производственной, политической, экономической, педагогической и др. Скорее, это качество любой социальной деятельности, характеристика значения этой деятельности для развития человека.

Культурная деятельность, т. е. деятельность по созиданию, распространению и потреблению ценностей культуры, может являться составной частью любой социальной деятельности: материально-производственной, экономической, бытовой и т. д. Однако, занимаясь этими видами деятельности, человек ставит перед собой иные, утилитарные, внекультурные задачи.

Деятельность может называться культурной постольку, поскольку она влияет на развитие личности (в том или ином направлении). Вместе с тем, существует деятельность, специальной целью которой выступает именно развитие личности. Такую деятельность называют «культурной» в более узком и строгом смысле слова. Именно такую деятельность и изучает обычно социология культуры.

Источником этой деятельности выступают культурные потребности человека. Сюда относится целая группа его высших социальных потребностей — в развитии, самореализации и самоутверждении, в творчестве собственной жизни, поисках ее цели и смысла. Именно эти потребности характеризуют уровень культуры, духовности человека. В широком смысле к культурной может быть отнесена любая потребность, если ее реализация связана с развитием личности. То же самое следует сказать и об интересах и установках, конкретизирующих потребности. Культурная коммуникация осуществляется в определенной культурной среде, которую мы понимаем как устойчивую совокупность вещественных и личных элементов, окружающих социальный субъект и непосредственно влияющих на его культурное развитие и культурную деятельность. В советской социологической литературе под этим углом зрения изучались культурная среда города, деревни, трудового коллектива, общежития, семьи и т. д.

К числу вещественных элементов культурной среды относятся: а) количество и состояние учреждений культуры, их материальная база и кадры (в расчете на 10 тыс. населения). Специфическая сложность состоит в том, что в силу ведомственной разобщенности

учреждений культуры социолог должен свести воедино данные по государственным (министерства культуры и ведомственным), профсоюзным, кооперативным и частным предприятиям, сделать определенные пересчеты, ибо государственные и профсоюзные учреждения культуры имеют разную систему отчетности; б) культура социального пространства региона (культура города, села, общественных учреждений, дворов, квартир и пр.); в) предметы долговременного культурного пользования, находящиеся в личной собственности населения.

Личностные элементы культурной среды включают: а) уровень образования и квалификации населения; б) господствующие установки на культурную деятельность; в) состояние духовной атмосферы в регионе, культуры межличностных отношений.

Таким образом, эмпирические исследования социолога культуры сводятся к изучению основных элементов цепочки: **культурные потребности — культурная среда — реальная культурная деятельность**. Сочетание этих трех элементов рассматривается отдельно для каждой из выявленных в процессе пилотажных исследований культурных групп.

Предмет социологии культуры

Предметом социологического изучения культуры может быть: во-первых, вся система культуры как единое целое или любой из ее видов, взятые во взаимодействии с другими общественными системами; во-вторых, каждый из элементов социодинамики культуры, культурной коммуникации, взятый в соотношении с другими элементами культуры или в соотношении с другими системами общества.

В первом случае исследуется: 1) роль и место культуры в жизни данного социума. Цель такого исследования — изучение культурного уровня тех или иных социально-демографических групп (населения города или деревни, населения регионов, профессиональных групп и т. д.). Это наиболее трудоемкие и обширные по своему объему исследования. Действительно, исследователю предстоит дать анализ уровня развития всех видов материальной и духовной культуры, учитывая, что у каждого индивида развитие различных видов культуры происходит неравномерно в зависимости от его склонностей и интересов, от специфики его профессиональной деятельности. Не случайно в западной социологической литературе распространены термины: «человек политический», «человек художественный» и т. д. Равномерного овладения всеми видами культуры не бывает, в противном случае мы бы имели дело с идеальным типом дилетанта. Поэтому, на наш взгляд, интегративный показатель культурного развития человека (или групп) весьма условен и относителен. В советской социологической литературе в качестве такого интегративного показателя нередко берет-

ся уровень общего образования (низшее, среднее, высшее). Однако этот показатель тоже весьма относителен, ибо, как известно, высокий уровень образования далеко не всегда гарантирует соответствующий уровень культуры. Во всяком случае, такой надежный интегративный показатель нам не известен; 2) уровень освоения того или иного вида культуры отдельной личностью, группой или социумом в целом; 3) методы социологического анализа отношения общества, его руководящих органов к культуре. Методы такого анализа различны, к ним относятся: а) анализ статистики ассигнований на культуру в сравнении с затратами на другие социальные нужды (одномоментный или лучше в динамике); б) анализ затрат времени на культурную деятельность в общей структуре бюджета времени личности, группы или общества в целом; в) контент-анализ материалов, связанных с культурой, в печати, в передачах радио и телевидения, письмах и жалобах населения и т. д. Большое значение имеет анализ официальных документов, затрагивающих проблемы культуры.

Во втором случае можно говорить о трех основных аспектах исследования: 1) изучение **внутреннего взаимодействия** элементов культурной коммуникации. При таком подходе предметом изучения окажется взаимодействие между производством, сохранением, распределением и потреблением культуры, причем предметом изучения может быть любой из этих элементов в соотношении с остальными (или любым из них). Распространены также исследования взаимоотношений профессиональных или самодельных творцов культуры с потребителями (например, «писатель — читатель», «идеолог — участники политических действий», «артист — публика» и т. д.), критикой, органами управления и т. д. Соответственно, таким же предметом исследования может стать критик или потребитель культуры, т. е. любой участник культурной коммуникации; 2) любой из перечисленных выше элементов культурной коммуникации может исследоваться в соотношении с **иными системами общества** (экономической, политической, семейно-бытовой, экологической, художественной и др.). На «стыках» этих общественных систем возникают специфические предметы социологического исследования культуры: производство, семья, быт, досуг, воспитательная деятельность и т. д.; 3) наконец, возможны сравнительные исследования степени освоения личностью, группой или обществом того или иного **вида культуры**, который в этом случае и становится предметом исследования (например, нравственная, художественная и другие виды культуры).

От точного определения предмета социологии культуры во многом зависят направление и характер исследований, применяемый социологом инструментарий. В современных исследованиях наших социологов основное внимание уделяется, к сожалению, не **внутренним закономерностям** самой культуры, а влиянию на нее других общественных систем. При этом в тени остается относительная

самостоятельность развития культуры, источники ее **самодвижения**. Мы полагаем, что такой особой, имманентной для культуры закономерностью является ее **диалогичность**. Культура всегда диалог, обмен сущностными силами между группами и отдельными людьми. В отношениях между коммуникатором и объектом (потребителем) культуры последний не пассивен: в процессе активного восприятия ценностей культуры он выступает субъектом творческой деятельности, оказывающим определенное влияние на коммуникатора, на сам процесс духовного производства. Проще говоря, творец культурных ценностей (кто бы он ни был — политик, этик, теолог, ученый, художник и т. д.) сознательно или бессознательно вынужден учитывать реальные потребности социума, потребителей культуры. Субъект-объектное отношение фактически превращается здесь в **субъект-субъектное**. Например, ученик на уроке в школе или студент на лекции включается в культурную коммуникацию лишь в том случае, если он перестает быть субъектом, пассивно воспринимающим монолог учителя, лектора, вступает в активный диалог с ним. Практически это может выражаться в вопросах аудитории, потере или напряжении ее внимания, словом, в **обратной связи**, в сигналах аудитории, которые чувствует любой опытный лектор. Порочность системы преподавания в нашей школе (средней и высшей) как раз и состоит в монологичности обучения, в присущем авторитарной педагогике превращении учащегося в простой пассивный «объект», что ведет к разрыву культурной коммуникации, потере интереса к учебе.

Я умышленно взял простейший случай непосредственной личной коммуникации (урок, беседа, лекция, митинг). Чаще всего ее участники разделены в пространстве и времени. Посредником между ними оказывается ценность культуры, тиражированная, сохраненная и распространенная социальными институтами культуры. Эти институты осуществляют и **отбор** поступающих к потребителю произведений на основе определенных содержательных, идеологических и коммерческих критериев.

Именно эту культурную коммуникацию в конкретных условиях данного социума, определенной социальной и культурной среды, и изучает социолог культуры, причем под одним обязательным углом зрения: как эта коммуникация влияет на развитие личности потребителей культуры и ее творцов (в народной, фольклорной культуре эти социальные роли совпадают).

Долгое время любое социологическое исследование, если оно связано с культурой, относилось у нас к социологии культуры, что совершенно неверно. Поэтому если социолог изучает структуры управления учреждениями культуры, то его исследования следует отнести отнюдь не к социологии культуры, а к социологии управления, изучение структуры руководства в театре или в клубе — к социологии организаций. Вообще, занимаясь учрежде-

ниями культуры (и ограничивая свое исследование только ими), социолог тем самым рассматривает лишь условия культурной деятельности, а не ее саму. Учреждения культуры, разумеется, всегда интересовали и будут интересоваться социологию культуры, но лишь как необходимый элемент культурной коммуникации.

Сложность анализа предмета культуры обусловлена и тем, что культура выступает «вертикальным сечением» всех общественных систем, не включаясь полностью ни в одну из них. В этом смысле мы можем говорить о культуре производства, быта, экономической, политической, экологической, эстетической, нравственной, правовой, физической культуре и др. Существует столько видов культуры, сколько видов самой человеческой деятельности.

При наличии общих закономерностей каждый из перечисленных видов культуры обладает своими специфическими закономерностями, учитывать которые должен любой социолог, занимающийся конкретными видами культуры. Таким образом, социология культуры включает в себя несколько относительно самостоятельных научных дисциплин, которые могут быть объединены в три связанные друг с другом группы.

1. Группа социологических дисциплин, связанных преимущественно с изучением материальной культуры: а) социология культуры материального производства; б) социология культуры быта; в) социология физической культуры; г) социология сексуальной культуры.

2. Группа социологических дисциплин, относящихся преимущественно к духовной культуре: а) социология образования; б) социология науки; в) социология нравственной культуры; г) социология религиозной культуры; д) социология художественной культуры.

3. Группа социологических дисциплин, которые не могут быть однозначно отнесены ни только к материальной, ни только к духовной культуре, т. е. представляющих собой «вертикальное сечение» и материальной и духовной культуры: а) социология политической культуры; б) социология правовой культуры; в) социология экономической культуры; г) социология эстетической культуры; д) социология экологической культуры.

Разумеется, охватить все эти сферы не сможет ни один социолог, ибо для этого надо иметь специальные познания в каждом из видов культуры, что, по понятным причинам, невозможно. Поэтому в мировой практике социология культуры ограничивается обычно только вторым из перечисленных выше «блоков», т. е. социологией духовной культуры. При этом социолог чаще всего ограничивается каким-либо ее видом: социологией образования, науки, морали, религии, искусства. Более того, в современный период наблюдается и более узкая специализация. Скажем, в социологии искусства выделяются как особые научные дисциплины социология театра, чтения, кино, концертной деятельности, изобразительных искусств. В социологии образования выделяются социология сред-

ней школы, профессионально-технического образования, высшей школы. Можно предположить, что такая дифференциация социологических дисциплин со временем будет углубляться.

Сложность социологии культуры заключается, наконец, в том, что квалифицированный социолог культуры должен хорошо знать и ряд смежных наук, а именно: **историю** данного вида культуры (морали, религии, искусства и т. д.); **теорию** (для социолога, изучающего образование, необходимо знание педагогики, для социолога морали—этики, для социолога науки—философии науки, для социолога религии—теологии, для социолога искусства—искусствоведения); специальные методики исследования данного вида культуры.

Принцип подхода к социологическому исследованию культуры и его типы

Прежде всего различают **институциональный** и **личностный** подходы. В первом случае предметом изучения является тот или иной **социальный институт** культуры, включая и ее учреждения. Так изучаются культурные традиции, обычаи, обряды, ритуалы, социальная преемственность в культуре и т. д. Чаще всего предметом социологического анализа становятся учреждения культуры: киностудии и кинотеатры, театры, клубы, библиотеки, музеи и др. Однако при таком подходе исследованием охватываются лишь реальные посетители указанных учреждений, носители тех или иных традиций и обычаев. Остальные же выпадают из поля зрения социолога. К тому же при подобном подходе человек предстает не в его целостности: в совокупности его ориентаций и установок, культурных потребностей и интересов, а только как «посетитель» учреждения культуры или же как носитель культурной традиции (обряда, обычая, ритуала). Вот почему в последнее время все заметнее проявляется стремление сочетать институциональный подход с личностным. **Личностный** подход призван раскрыть духовный облик человека, дать представление о его культурном уровне. Как мы видели, сделать это очень сложно, вот почему такой подход применяется в нашей социологии очень редко и к тому же, чаще всего, не лучшим образом. Дело в том, что вследствие абсолютизации принципа классового подхода личность в социологических исследованиях рассматривалась только через призму ее места в социальной структуре общества. При этом изучался не живой, конкретный, эмпирический человек, а личность как социально-классовый, социально-профессиональный или социально-демографический тип. Однако в исследованиях культурного уровня людей такой подход оказывается явно недостаточным и подчас становится причиной ошибочных выводов. Можно ли составить четкое мнение, например, об уровне культуры советского рабочего? Вряд ли, ибо этот уровень резко отличается у квалифицированных рабочих крупной индустрии, рабочих совхоза, жилищной конторы и рабочих сцены театра. Попытка «усреднения» разных групп

приведёт только к конструированию некоего «среднего рабочёго»; не имеющего аналога в реальной жизни. С помощью таких искусственных «конструкций» административная система стремилась скрыть наличие у нас значительных групп малообразованных, некультурных рабочих.

Основной единицей в исследованиях культуры, должна стать, по нашему мнению, культурная группа, т. е. группа людей, имеющих сходные потребности и интересы, близкие установки и ориентации на определенные ценности культуры, сопоставимое отношение к самостоятельному культурному творчеству.

Такая группа может рекрутироваться из представителей разных социальных групп, например, исследования доказывают принадлежность к одной культурной группе значительной части высококвалифицированных рабочих и среднего персонала — техников, входящих в состав ИТР, а также некоторой части инженеров (особенно мастеров). Однако чаще всего в той или иной культурной группе преобладают представители определенной социальной группы. Относясь к одной социальной группе, люди нередко могут входить в разные культурные группы (например, рабочая молодежь и пожилые кадровые рабочие). Разумеется, между представителями одной и той же культурной группы всегда имеются серьезные индивидуальные различия, причем, чем выше культурный уровень группы, тем эти различия, как правило, более значительны. Однако в каждой группе ее членов объединяют общие доминирующие интересы, преобладающие виды культурной деятельности. Само собой разумеется, человек не может быть жестко «закреплен» за той или иной культурной группой: в ходе своего культурного развития он переходит из одной группы в другую.

Иногда культурные группы оформляются, например, в общества филателистов, книголюбов, спортивные секции или, скажем, клуб поклонников Аллы Пугачевой, но чаще всего такие группы существуют неформально, неконтактно. Человек обычно не знает свою культурную группу, не осознает себя ее членом, хотя стихийно тянется к людям, имеющим близкие ему интересы.

Культурная группа не должна противопоставляться социальной, более того, структура культурных групп в каждой из социальных групп позволяет глубже понять социальную дифференциацию общества. Для социологического исследования культуры особенно важен принцип конкретно-исторического подхода. Для выяснения основных тенденций развития культуры необходимо сделать сравнительный анализ статистики и панельные исследования. Без анализа господствующих тенденций развития социологический анализ культуры общества, региона или группы будет заведомо неполон. Принцип конкретности подхода у нас нередко нарушается. Например, в таких городах, как Екатеринбург или Челябинск, очень значителен процент татаро-башкирского населения. Между тем, во всех исследованиях культуры на Урале этот национальный

аспект не учитывался. В результате сейчас невозможно найти данные о культурном уровне этих групп населения уральских городов.

Что же касается характера социологических исследований культуры, то в них можно выделить ряд основных типов, определяющих предмет и задачами исследования. Мы остановимся лишь на важнейших основаниях деления социологических исследований культуры по их характеру.

1. **Монографические** исследования обычно посвящены какой-либо одной сравнительно узкой и конкретной проблеме, например: «Читательские интересы школьников старших классов средней школы». В полифоническом исследовании рассматривается ряд взаимосвязанных проблем. Так, например, в исследовании «Интересы и предпочтения учащихся старших классов средней школы в культуре» социолог сталкивается с целым рядом проблем: предпочитаемые виды культуры, структура культурной деятельности, интерес к классике и современности, любимые авторы и произведения и др.

2. Более существенным является деление исследований на **статистико-социологические** и исследования, **основанные на мнениях людей**. Это деление чаще всего относительно, ибо и второй тип исследований может включать статистические данные и наоборот; важно, какие методы преобладают в том или ином исследовании. Вопреки расхожим мнениям следует отметить, что в последнее время широко распространяются исследования культуры, целиком основанные на материалах статистики (изучение материальной базы учреждений культуры, кадров работников, посещаемости, доходов и расходов, репертуара и пр.). Однако возможности таких исследований ограничены бедностью и несовершенством, а порой и несводимостью статистических данных учреждений культуры (государственные, профсоюзные, кооперативные и частные). Поэтому данные статистики все чаще сочетаются с контент-анализом, наблюдением и опросами населения. Так, скажем, официальную статистику о количестве, темах и местах проведения лекций, организованных обществом «Знание» района, важно дополнить анализом состава их посетителей (по циклам) и мнений о качестве этих лекций.

3. Наконец, как и в других социологических дисциплинах, работы социологов по их характеру относят либо к **научным исследованиям**, обогащающим представления о культуре в целом и культуре данного общества, в частности, либо к работам, проводимым в рамках **социальной инженерии**, т. е. ставящим прикладные, важные для принятия решений управленческие задачи. Разумеется, провести четкую демаркационную линию между этими типами подчас очень нелегко. Достаточно обратиться к научному академическому журналу «Социологические исследования», который нередко публикует статьи, не идущие дальше социальной

инженерии, чтобы убедиться в условности такого разграничения. С другой стороны, некоторые работы, планируемые в рамках социальной инженерии, оказали серьезное влияние на теорию культуры. Так, выделение особого вида культуры — экологической — в западной социологии произошло на основе конкретных, «инженерных» работ, не претендовавших первоначально на научное значение.

Функции социологических исследований культуры

1. **Информационная функция.** Исследования должны дать руководящим органам материал о состоянии духовной жизни общества, тех или иных социальных и социально-демографических групп. При крайней бедности статистики в этой области без специального проведения социологических исследований составить верное представление о духовной жизни нашего общества принципиально невозможно.

2. **Регулятивная функция** тесно связана с предшествующей. Благодаря исследованиям социологов можно составить представление об интересах и потребностях, культурных запросах и деятельности любой из групп населения, определить порвостепенные нужды в области культурного строительства, выявить степень удовлетворенности деятельностью учреждений культуры.

Другими словами, социологические исследования являются неременным, обязательным условием организации **научного регулирования** процесса развития культуры. Эту функцию неверно было бы называть «управленческой», как это часто делается в нашей литературе. **Культурой**, понимаемой как способ формирования и развития личности, **управлять невозможно**: любое управление окажется здесь ничем иным, как манипулированием личностью, что и осуществлялось в условиях тоталитарного режима. Управлению поддается только создание материальной базы учреждений культуры: их строительство, финансирование и т. д. **Регулирование** культурной деятельности — процессов производства, распределения и потребления ценностей культуры — должно, на наш взгляд, прежде всего сводиться к созданию оптимальных условий, способствующих этой деятельности. В культуре невозможен приказ, окрик, грубое администрирование. Конечно, родители, семья, школа не должны занимать позицию невмешательства в выбор подростком ценностей культуры и уподобляться этим незабвенному герою пушкинского «Евгения Онегина» — отцу Татьяны Лариной, который никогда не заботился о том, какая книга «дремлет под подушкой» у дочери. Но подобное вмешательство должно быть мягким, тактичным, доброжелательным. Тем более недопустимо администрирование по отношению к творцам культуры: навязывание им тем, сроков, методов решения проблем и т. п.

Мы особо подчеркиваем это, ибо до недавнего времени социологические исследования проблем «управления культурой» были едва ли не самыми распространенными.

3. Ценностная (аксиологическая) функция очень важна для социолога. Важная задача социологических исследований культуры состоит в анализе оценок населением или какой-либо специализированной аудиторией тех или иных произведений, мероприятий, деятельности определенных учреждений культуры, рейтинга и т. д. Эти оценки могут сопоставляться с соответствующими оценками специалистов. Важно, чтобы в процессе исследований социолог не навязывал респондентам свои оценки и мнения.

4. Функция передачи культурного наследия является одной из наиболее важных для культуры, однако возможности социологических исследований этой функции сравнительно ограничены. Они сводятся главным образом к изучению отношения различных культурных групп к классике в разных видах культуры, степени овладения историей разных видов культуры и традициями народной культуры. Другими словами, социолог анализирует отношение людей к прошлому, к традициям национальной и мировой культуры. Главная задача этого анализа — выяснить, насколько эти традиции используются в современный период, как участвуют они в формировании и развитии личности.

5. Коммуникативная функция. Социология исследует роль культуры в общении людей, что практически сводится к изучению: а) роли культурного уровня человека в формировании его экстравертности (открытости, способности к общению). Такие исследования обычно проводятся совместно с психологами; б) места общения по поводу культуры в общей структуре общения данной группы людей. Речь идет о роли в общении совместного участия в тех или иных видах культурного творчества (научно-технического, политического, художественного, спортивного), совместного восприятия и потребления культуры.

6. Все перечисленные выше функции фактически концентрируются в одной — человекотворческой, раскрывающей роль культуры в формировании и развитии личности. Соответственно, основной задачей социологических исследований культуры выступает изучение ее роли. По нашему мнению, воспитание человека есть ни что иное, как его приобщение к богатствам национальной и мировой культуры, превращение его из пассивного объекта воздействия культуры в субъект активного культурного творчества. Иного содержания процесс воспитания не имеет. Скажем, нравственное воспитание — это овладение нравственной культурой, политическое воспитание — культурой политической, физическое воспитание — физической и т. д. При таком подходе любые исследования в области культуры одновременно являются и исследованиями процесса воспитания. Социологические исследования в интересующей нас сфере должны способствовать формированию цивилизованного, культурного, творческого, порядочного человека — в этом и состоит основная их цель и задача.

Помимо общих задач, социологические исследования культуры

могут ставить и некоторые специальные. К ним относится задача прогнозирования возможных тенденций развития потребностей и интересов тех или иных групп населения, их культурной деятельности — **прогностическая функция**. Частным случаем прогнозирования является **планирование**. План отличается от прогноза сравнительно четким определением желаемых параметров, сроков их достижения, средств и способов их реализации. Круг объектов такого планирования в культуре сравнительно ограничен. Речь может идти о планировании размещения новых учреждений культуры, укрепления их материальной базы и состава кадров. Что же касается роли культуры в формировании личности, то здесь возможны только вероятностные **прогнозы**. Так, современное состояние культуры нашего общества, его духовной сферы, к сожалению, не дает основания для сколько-нибудь оптимистических прогнозов формирования и развития личности. Любая попытка жесткого планирования желаемых параметров развития личности утопична и приводит на практике к появлению программ манипулирования личностью.

К специальным задачам исследования можно отнести и конкретные, узкие, поставленные социологом, скажем, оценка размещения учреждений культуры на территории города (района, области); изучение трудоустройства специалистов, окончивших высшие и средние учебные заведения культуры, и т. д.

Таковы важнейшие теоретические положения о сущности, предмете и функциях социологии культуры. Теперь можно перейти к более детальному анализу основных элементов **культурной коммуникации**.

Глава 2. КУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Культурная коммуникация — предмет социологии культуры. Культура диалогична по своей природе. Поэтому, говоря о культурной коммуникации, мы раскрываем сущность диалога, который идет между создателями (коммуникаторы) и потребителями (аудитория) культурных ценностей. Следует различать **непосредственную коммуникацию**, при которой коммуникатор и аудитория имеют непосредственное общение друг с другом, и косвенную, **опосредованную**.

В первом случае между полюсами коммуникации устанавливается прямая и обратная связь, не нуждающаяся в техническом канале и посредниках. Таковы лекция, урок, митинг, дискуссия, простая дружеская беседа. Ярким примером такой коммуникации являются замечательные «Диалоги» Сократа, дошедшие до нас в изложении Платона. Непосредственная коммуникация всегда имела и будет иметь непреходящее культурное значение. В про-

цессе непосредственного диалога огромное значение имеет именно обратная связь, своеобразное субъект-субъектное отношение. Коммуникатор и реципиент в таком диалоге постоянно меняются местами. При монологических формах общения (лекция, речь на митинге) имеется возможность задать коммуникатору вопросы, он чувствует аудиторию и т. д. Особую роль имеет непосредственная коммуникация в искусстве. Никогда прослушивание музыканта-исполнителя в записи, по радио, телевидению не заменит слушателю личного присутствия в зале. Тем более это относится к зрителям театра, цирка или спортивного состязания. Однако непосредственная коммуникация, во-первых, весьма ограничена для целого ряда видов культуры. В первую очередь это по вполне понятной причине касается художественной литературы. Сколько бы писатель ни встречался с читателями; главная связь его с ними осуществляется через книгу. В неменьшей степени это относится к ученому: не доклады на конференциях, а книги и научные статьи являются главной формой его общения с научным сообществом. Во-вторых, аудитория непосредственной коммуникации всегда более или менее ограничена. В древности, когда круг образованных людей был очень узок, непосредственная коммуникация играла доминирующую роль. Ныне же, когда потребителями культуры выступают многие миллионы людей, особое значение приобретает опосредованная культурная коммуникация.

Нас в данном случае будут интересовать не особенности массовой коммуникации, достаточно полно изученные в нашей литературе, а именно культурное значение коммуникации и специфические социальные институты, предназначенные для производства, сохранения, распространения и потребления ценностей духовной культуры.

Субъект духовного производства, создатель ценностей духовной культуры (коммуникатор) может быть как индивидуальным, так и коллективным (театральная труппа, оркестр, создатели фильма и т. д.). В предельном случае (фольклор) в качестве создателя ценностей культуры выступает народ.

Культурная коммуникация (в отличие от курса теории культуры) интересует нас не сама по себе, а как предмет исследования социолога. Под этим углом зрения и будут рассматриваться ее составные элементы.

Коммуникатор рассматривается социологом в нескольких взаимосвязанных аспектах.

Во-первых, предметом исследования выступает состав корпуса создателей ценностей культуры (профессиональных или самодеятельных) по полу, возрасту, образованию, социальному происхождению, стажу работы и т. д.

Во-вторых, условия их творческой деятельности: материальное и бытовое положение, общественный престиж, основные нужды.

В-третьих, **обстановка** в творческом коллективе (союзе, объединении), отношения с коллегами по работе и руководителями, социально-психологическая атмосфера в творческом коллективе. Анализ этой обстановки особенно важен для коллективных видов творчества (научная лаборатория, кафедра, театральная группа, коллектив киностудии, оркестра и т. д.). Здесь особенно важно выяснение социальных ролей участников коллектива, их взаимоотношений с творческими руководителями (ведущие научные сотрудники, режиссеры, дирижеры и др.) и администрацией.

В-четвертых, **возможности** повышения квалификации и профессионального мастерства, которые для многих творческих работников сейчас весьма ограничены, обеспеченность информацией о положении в других коллективах, возможность творческих командировок, участия в конференциях, семинарах и т. п.

В-пятых, материально-техническая **оснащенность** их труда: наличие необходимой литературы, приборов, помещений и пр.

В-шестых, **культурный уровень** участников духовного производства, их политические ориентации, потребности и интересы в сфере культуры, условия для самообразования и степень участия в этой деятельности.

Нередко все эти проблемы рассматриваются в комплексе применительно к тем или иным группам работников культуры (научные работники, учителя, клубные, музейные, библиотечные работники, музыканты, артисты, художники и т. д.). Подобные исследования, к сожалению, проводятся у нас сравнительно редко, хотя потребность в них несомненна.

В непосредственной коммуникации в качестве культурной ценности обычно оказывается сам акт деятельности коммуникатора. В опосредованной коммуникации этой ценностью является отчужденное от автора **произведение** — его воплощенный творческий замысел. Разумеется, произведение лишь в том случае может стать поводом культурной коммуникации, если: 1) оно имеет общественную культурную значимость, 2) материализовано в знаковой системе, понятной аудитории.

Произведение, если оно имеет действительную культурную ценность, отчуждаясь от его индивидуального или коллективного создателя, начинает как бы самостоятельную жизнь. «И книги имеют свою судьбу», — говорили древние римляне. Эта судьба может оказаться и сравнительно легкой, и трагичной, как, например, у «Данаи» Рембрандта. Произведение может «умереть» (т.е. выйти из культурного обращения) гораздо раньше смерти его автора, а может стать практически бессмертным, войти в фонд вечных ценностей мировой культуры. Забытое, казалось бы, навсегда произведение может «воскреснуть» в новую историческую эпоху, когда появится в нем общественная потребность (такова судьба многих шедевров русской церковной музыки).

Социолог изучает именно судьбу произведений культуры, опре-

деляя их общественную значимость, их популярность в тех или иных слоях общества, рейтинг их создателей и т. д.

Однако сам факт создания произведения еще не становится фактом культуры до тех пор, пока это произведение не выставлено для всеобщего обозрения (картина, скульптура), не издано (литература, наука, теология), не исполнено (музыка), не поставлено (театр). Возьмем для примера книгу.

Обычно писатель или ученый отдает рукопись в издательство, которое обеспечивает ее редактирование, подготовку к печати, издание и связь с книготорговлей. В большинстве случаев согласно специальному договору оно оплачивает труд автора. Однако роль издательства значительно шире. Книга отличается от рукописи тем, что она представляет собой самостоятельную культурную (а подчас и художественную) ценность. Издательство привлекает художника, который оформляет, а иногда и **иллюстрирует** книгу, полиграфистов и других специалистов книгоиздательского дела. Очень большое значение имеет и корпус **редакторов**, ибо хороший редактор является в какой-то мере соавтором художественной или научной книги.

Наконец, издательство **отбирает** из поступивших от авторов рукописей те из них, которые, по его мнению, наиболее достойны издания. При этом оно руководствуется тремя критериями: 1) **содержательным**: отбираются те рукописи, которые имеют наибольшую научную или художественную ценность; 2) **идеологическим**; 3) **коммерческим**. Разумеется, из этих трех критериев решающую роль должен всегда играть первый (содержательный): издаваться должны только книги, имеющие наибольшую культурную ценность. Но в нашей стране за последние две трети столетия это само собой разумеющееся правило никогда не выполнялось.

Долгие годы у нас преобладал именно **идеологический** критерий. Рукописи отбирались не по их реальным достоинствам, а по идеологической направленности. Шли в редакционную корзину прекрасные художественные произведения и научные работы, в которых имела даже робкая критика недостатков, злоупотреблений, бюрократизма и некомпетентности правящей элиты, произведения, в которых замечали хотя бы тень идеализма и религиозных идей и другие «идеологические пороки». Издательства ориентировались на серые, посредственные, но зато безупречные в идеологическом отношении произведения. Более того, сами творцы духовных ценностей делились на «идеологически проверенных», находящихся в фаворе господствующей элиты, «идеологически сомнительных» и «опальных». Многие годы не печатались творения А. Ахматовой, И. Бабеля, М. Булгакова, Е. Замятина, М. Зощенко, О. Мандельштама, Б. Пастернака, А. Платонова, М. Цветаевой и многих других признанных во всем мире писателей. С 1932 г. фактически не могли издавать свои произведения такие крупные философы, как А. Деборин и А. Лосев. Лишены были права на творче-

ство ученые, обвиненные в менделизме-морганизме, языковеды — последователи опальных школ в языкознании, химики — исследователи полимеров и др.

Ныне, к счастью, эти времена прошли, однако содержательный критерий так и не стал основным. Сегодня превалирует **коммерческий** критерий. Речь снова идет не о качестве рукописи, а о возможностях ее выгодного сбыта на книжном рынке. В результате отвергаются талантливые произведения, а рынок заполняется откровенной макулатурой.

Таким образом издательства, редакции газет и журналов, радио и телевидения превращаются в своеобразный «фильтр», препятствующий нормальной коммуникативной связи между творцами духовных ценностей и аудиторией. Такой фильтр есть и во всех других видах культуры: различные формы гласной или негласной цензуры, научные и художественные советы, выставочные комитеты, правления творческих союзов и т. д.

Разумеется, отбор произведений всегда необходим, но главным (в идеале — единственным!) его критерием должна стать объективная культурная ценность отобранных произведений.

При современной многомиллионной аудитории потребителей культуры чрезвычайно важным элементом культурной коммуникации является **тиражирование** и репродуцирование отобранных произведений, предназначенных для распространения среди населения. При **тиражировании** любой экземпляр данного тиража является подлинником и идентичен любому другому экземпляру. Так обстоит дело при издании книги. Но тиражирование уникальной культурной ценности невозможно. Любая репродукция картины, даже при идеальной полиграфии, чем-то отлична от подлинника и не может заменить его. Это относится и к копиям картины, выполненным другими художниками или самим автором (авторское повторение). Достаточно сравнить, скажем, авторское повторение известной картины А. Васнецова «Витязь на распутье» в Екатеринбургском художественном музее с подлинником в Третьяковской галерее, чтобы убедиться в этом.

Репродукция всегда в чем-то расходится с подлинником, но она необходима, ибо ни один человек не сможет посетить все музеи мира, где хранятся подлинники. Своеобразным видом репродуцирования является звуко- и видеозапись, фотографирование и киносъемка, о которых подробно будет идти речь в следующей главе.

Таким образом, учреждение-посредник многофункционально: оно осуществляет продвижение произведения к потребителю, редактирование, отбор, тиражирование и репродуцирование ценностей культуры. Социологическое изучение этого элемента культурной коммуникации в нашей стране фактически не проводилось. Это объяснялось намеренно созданным «покровом тайны», запретом говорить о деятельности этих учреждений, верно охранявших интересы административной системы.

Социологам предстоит: 1) изучение состава работников учреждений и организаций, ведающих отбором, изданием произведений для той или иной аудитории; 2) рассмотрение соотношения содержательного, идеологического и коммерческого критериев отбора произведений. Основными методами наряду с опросом самих работников этих учреждений, могут быть контент-анализ различных протоколов редакционных, издательских, художественных, ученых и других советов, а также метод экспертных оценок качества отбора произведений, установленных тиражей и т. д.; 3) оценка тех или иных издательств, редакций газет, киностудий и пр. потребителями, оценка качества оформления книг, иллюстраций, качества репродукций и т. д.; 4) анализ соответствия работы этих учреждений и организаций реальным потребностям и запросам различных слоев и культурных групп населения.

Несомненный интерес для истории представляет и ретроспективный анализ этих учреждений в период тоталитарного режима, особенно — цензуры.

Изучение деятельности учреждений-посредников приобретает ныне, в период формирования рыночных отношений, особенно важное значение. Сейчас они по преимуществу идут на поводу у наиболее отсталых групп населения, удовлетворяя низменные, невзыскательные вкусы, в то время как призваны воспитывать и возвышать эти вкусы, способствуя духовному возрождению страны. В поле зрения социолога должны находиться и различного рода «независимые» кооперативные и приватизированные учреждения и хозяйственные «малые» предприятия, ибо в первую очередь они наводняют рынок слабыми низкопробными произведениями «китчевой» массовой культуры.

Отдельным элементом культурной коммуникации ныне выступает система сохранения ценностей духовной культуры. Конечно, тиражируемые ценности культуры время уничтожить не может, разрушенные временем экземпляры можно восполнять новыми и новыми переизданиями. Другое дело — уникальные (нетиражируемые) ценности культуры, особенно те из них, где культурной ценностью является сама деятельность данного человека. История мировой культуры — подлинное кладбище навсегда, невосвратимо утраченных шедевров.

Нет, вероятно, ни одного города в России, большого или малого, где не погибли бы чудесные памятники архитектуры. Причем виновато чаще всего здесь не время, а люди. Варвары разрушили гениальные творения античной архитектуры, скульптуры и живописи. Почти не осталось вещественных памятников Финикии и Карфагена, а позднее — культуры майя и инков. Это разрушение памятников культуры шло на протяжении всей истории человечества. В истории нашей страны поистине катастрофические масштабы оно приняло в годы господства тоталитарного режима. Уничтожены старинные русские церкви, соборы и монастыри, средне-

вековые мечети и буддийские храмы. В угоду амбициям бездарных градостроителей разрушались целые кварталы старинных домов. Варварски сносились прекрасные монументальные скульптуры из-за «идеологической несовместимости» с новым строем.

Время в этом случае «помогало» людям. Можно только догадываться, каковы были полотна художника. Куинджи, потемневшие уже в наше время из-за несовершенства используемых им красок. Погибла «Тайная вечеря» Леонардо, «Даная» Рембрандта...

Навсегда утрачены шедевры исполнительского искусства. Мы можем только верить современникам, восхищавшимся скрипкой Н. Паганини или Мочаловым в роли Гамлета. Только новейшая техника конца XIX—начала XX в. спасла исполнительское искусство от забвения.

Важной задачей социолога является изучение общественного мнения, направленного на спасение памятников прошлого. Социологические исследования в этой сфере культуры могут стать фактором воздействия на руководящие органы власти, на мочь спасению тех ценностей культуры, на которые и сегодня покушаются невежественные руководители.

Социология должна вести систематические исследования учреждений, занимающихся сохранением духовной культуры. Эти учреждения, с определенной долей условности можно разделить на три типа.

1. **Архивы**, обеспечивающие сохранение документов, имеющих общественное, культурное значение — подлинных рукописей произведений, имеющих значительную культурную ценность (произведений политических деятелей, ученых, деятелей искусства и религии, проектов, чертежей, исторических документов: декретов, решений, указов, законов и т. д., писем исторически значимых деятелей культуры, их дневников, мемуаров и т. д.).

2. **Музеи**, сохраняющие преимущественно вещественные ценности культуры — картины, скульптуры, ценности профессионального и фольклорного прикладного искусства, образцов техники, предметов повседневного быта и т. д. Музеи не только хранят эти ценности культуры, но и экспонируют их для всеобщего обозрения. **Библиотеки** сохраняют книги и обеспечивают доступ к ним населения. Для сохранения музыкальных записей создаются специальные **фонотеки**, а в близком будущем следует ожидать и массового распространения **видеотек**, в которых человек мог бы взять на время видеофильм, подобно тому, как он сегодня берет на время книгу.

3. **Реставрационные мастерские**, сохраняющие жизнь ценнейших произведений архитектуры и изобразительного искусства.

В настоящее время из всех этих учреждений объектом социологического исследования стали только библиотеки и музеи. Однако эти учреждения изучаются обычно односторонне — лишь

как учреждения, обеспечивающие потребление духовной культуры. Что же касается второй, не менее важной их функции — сохранения ценностей культуры, то она, как правило, остается вне круга интересов социолога. Никто еще не проводил социологический анализ запасников музеев, в которых хранятся культурные ценности. В экспозициях большинства музеев представлено не более пятой части их фондов (а во многих — еще меньше). Обычно столь низкий процент экспонируемых фондов зависит от недостатка площадей музеев. Не стали предметом социологического анализа и хранилища библиотек, в частности, рукописные фонды, подчас недоступные для ученых. Уже сегодня важно выяснить реальную потребность населения в фоно- и видеотеках и дать необходимые прогнозы роста этих потребностей в близком будущем.

Большую сложность представляет социологическое исследование процесса распространения ценностей духовной культуры. Оно включает в себя исследование двух типов учреждений: 1) учреждений, непосредственно обеспечивающих потребление ценностей духовной культуры. Сюда относятся все типы учебных заведений, клубы, театры, кинотеатры, музеи, библиотеки, видеотеки, читальные залы, лектории и т. д.; 2) книготорговли и торговли другими ценностями культуры, а также предметами культурного пользования. Если первый из этих типов учреждений всегда находился и находится в центре внимания социологов (нередко, как мы отмечали, к их изучению и сводилась фактически вся социология культуры), то торговля предметами культурного назначения только становится объектом внимания социологов.

Между тем, в условиях перехода к рынку этот вопрос относится к числу первостепенных. Книга стала ныне предметом самой беззащитной спекуляции, причем государственная торговля старается здесь не отстать от кооператоров и частных лиц. При общем дефиците товаров народного потребления наблюдается явное перепроизводство книжной макулатуры. Создается парадоксальное положение — хорошую книгу достать практически невозможно, хотя, казалось бы, рынок во всех городах России перенасыщен книжной продукцией. Только в последнее время начинаются систематические социологические исследования книготорговли.

Аналогичное положение на рынке продукции изобразительного искусства, перенасыщенном низкопробными произведениями, а также на рынке грамзаписи и видеофильмов.

Методы изучения учреждений, организующих потребление культуры, подробно описаны в многочисленной литературе, посвященной всем этим учреждениям и каждому из них в отдельности. Что же касается изучения торговли ценностями культуры и предметами долговременного культурного пользования, то его методы в принципе не отличаются от известных методов изучения торговли, спроса и предложения в целом.

Процесс потребления ценностей духовной культуры существенно отличается от потребления материальных ценностей. Эти отличия состоят в следующем: а) ценности материальной культуры не могут потребляться беспредельно. Можно высчитать, сколько требуется человеку питания, одежды, обуви и т. д., потребление же духовных ценностей не имеет каких-либо пределов. Чем больше объем потребляемых ценностей, чем глубже осваивает их человек, тем богаче его духовный мир; б) ассортимент потребляемых материальных ценностей, в особенности — предметов народного потребления, у семей с одинаковым материальным достатком примерно одинаков. Потребление же духовных ценностей всегда избирательно и связано не столько с материальным достатком, сколько с культурным развитием человека; в) потребление духовных ценностей существенно отличается от того, происходит ли оно индивидуально или коллективно. В последнем случае действуют механизмы «заражения», подражания, «эффект зрительного зала» и т. д.

Решающую роль в духовном потреблении играют **духовные потребности** человека. Естественно, развитие духовных потребностей связано с удовлетворением потребностей материальных. Однако сколько-нибудь жесткой прямой пропорции здесь нет. Вслащайшие образцы духовности являли отшельники, проповедники, святые-аскеты, материальные потребности которых сводились к самому минимуму. А наши новоявленные миллионеры чаще всего не являются наиболее богатыми в духовном отношении людьми.

Социологическое изучение духовных потребностей очень сложно. Дело в том, что человек далеко не всегда ясно сознает свои духовные потребности. Во всяком случае, ему обычно трудно четко **сформулировать** их. Поэтому «обычные» методы анкетного опроса здесь далеко не всегда применимы. Наиболее надежным показателем развития духовных потребностей человека является традиционный для него **выбор** духовных ценностей. Этот выбор делается часто сознательно, а иногда и интуитивно, но во всех случаях он, в конечном итоге, зависит от состояния духовных потребностей. О духовных потребностях человека можно иметь представление и на основе теста — выбора им в предлагаемой ситуации тех или иных ценностей культуры.

Однако человек не всегда механически следует диктату своих потребностей. Большое значение в потреблении духовных ценностей имеет мода, престижность тех или иных явлений культуры, общественное мнение, совет друзей и знакомых. Это должен учитывать социолог. Логично предположить, что **престижное потребление**, ранее сравнительно широко распространенное, ныне, присуще лишь наиболее материально обеспеченным слоям населения, имеющим высокие доходы. Поэтому наличие в их домашней библиотеке серьезных современных книг и собраний сочинений классиков отнюдь не свидетельствует о развитых потребностях

их владельца. Иногда их ставят на видное место, чтобы **казаться** культурным в глазах других людей. Соответственно эти люди будут отвечать и на вопросы анкеты. Задача социолога — разделить действительные духовные потребности человека и иллюзии престижного потребления.

Система потребностей человека, группы и общества весьма динамична. Она непрерывно изменяется как с изменением социальной жизни, так и в процессе развития самого субъекта потребности. В современный период можно предположить следующие тенденции изменения потребностей:

1) резко усилилась потребность в дополнительных средствах для удовлетворения насущных, витальных потребностей. Люди, имевшие ранее средний достаток, очутились ныне за чертой бедности. Поэтому перед человеком остро встала задача изыскания дополнительного заработка для того, чтобы выжить в сложных условиях экономического кризиса;

2) в связи с этим повсеместно происходит **замещение** ряда духовных потребностей витальными, духовные потребности человек вынужден отодвинуть на второй план, отложить их реализацию до лучших времен;

3) это, в свою очередь, неминуемо ведет к сокращению духовного потребления у значительной части людей. В условиях повсеместного роста стоимости культурных услуг человек вынужден отказываться от ряда из них;

4) таким образом, можно ожидать дальнейшего **сокращения посещений** всех учреждений культуры, в первую очередь, наиболее дорогих из них — театров и концертов;

5) в условиях роста цен на билеты в учреждения культуры будет возрастать удельный вес **домашних** форм проведения досуга. Эта тенденция в значительной мере связана и с резким ростом **преступности**. Люди опасаются покидать квартиры в вечернее время;

6) можно ожидать сокращения домашнего, внепроизводственного **общения** людей. Прием гостей традиционно связан с их угощением. Сейчас же прием гостей стал, с одной стороны, дорогим, связанным с большими затратами, с другой стороны, трудно достать необходимые для застолья продукты. В результате потребность в общении удовлетворяется, насколько это возможно, на работе.

Все эти тенденции, безусловно, выступают источником все большей **индивидуализации** человека. Он вынужден замыкаться дома, в семье, но, поскольку эта тенденция вынужденная, она может в определенной мере усиливать внутрисемейную напряженность.

Задача социолога, работающего в области культуры, проверить наличие этих тенденций и измерить их негативное влияние на культурную деятельность человека. Здесь могут быть использованы фотографии и самофотографии использования свободного времени

семьями из различных социальных слоев общества. О замещении потребностей можно в определенной мере судить и по статистическим данным посещения учреждений культуры в городе, районе. Обычно при исследовании духовных потребностей личности социологи обращают внимание только на позитивные, способствующие ее прогрессивному развитию потребности. При этом негативные, разрушающие личность потребности (в спиртных напитках, курении, азартных играх, не говоря уже о криминальных потребностях) даже в научной литературе, объявляются «мнимыми»¹ и относятся к некой «антикультуре».

Заметим, что сам термин «антикультура» представляется грубо ошибочным: он исходит из мифа о наличии в нашем обществе единой «социалистической по содержанию и национальной по форме» культуры. В этом случае все, что не соответствовало этой единой культуре, объявлялось «антикультурой». В действительности же в нашем обществе всегда имелись и имеются ныне несколько различных (подчас противоположных) культур. Культура, ведущая к деградации личности, является, к сожалению, весьма реальной, равно как и соответствующие ей потребности — не «мнимыми», а действительно существующими, реальными потребностями.

Поэтому социолог, изучающий духовные потребности различных групп населения, не может проходить мимо них. Нельзя абсолютизировать и так называемый «закон возвышения потребностей». Я полагаю, что здесь мы имеем дело не с законом, а лишь с одной из тенденций развития потребностей, которой противостоит противоположная тенденция — упрощения, деградации, снижения роли высших, наиболее сложных духовных потребностей. Как видим, сегодня эта тенденция проявляется особенно ярко.

Снижение уровня жизни, непомерный рост цен на спиртные напитки и табачные изделия не только не ведут к ограничению негативных для прогрессивного развития личности потребностей, но даже усиливают их значение в жизни ряда слоев населения. Таким образом, общей тенденции непрерывного «возвышения» потребностей в современный период развития нашего общества не существует. Изучая реальное потребление материальных и духовных благ, социолог обязан учитывать обе эти противоположные тенденции и определять удельный вес каждой в жизни различных социально-демографических и культурных групп населения России.

Потребление заканчивает цикл культурной коммуникации, но оно же в известном смысле начинает его. Отношение аудитории к произведению, проявленный ею интерес или, наоборот, безразличие выступают в опосредованной коммуникации в качестве сигнала обратной связи. Он вселяет в автора уверенность в правильности избранного им направления или же заставляет пересмотреть его при создании новых произведений. Однако автор подчас плохо

¹ См.: Левин Б. М., Левин М. Б. Мнимые потребности. М., 1986.

представляет себе реакцию аудитории: мнение какого-то слоя, каких-то культурных групп он может принять за всеобщее. В этом случае и могут оказать ему существенную помощь социологические исследования, которые подтверждают или опровергают иллюзии автора и критики, привыкшей выносить свой вердикт от имени народа, чаще всего совершенно не зная его действительного мнения.

О роли критики в культурной коммуникации следует сказать особо. Если все изложенные выше элементы этой коммуникации можно расположить последовательно друг за другом на одной горизонтали, то критика находится как бы над этой горизонталью. Критика связана со всеми элементами культурной коммуникации.

Критик, анализируя произведение, обращается к автору, указывая ему на достоинства и недостатки его работы. Критик участвует в работе учреждений, осуществляющих отбор, тиражирование и распространение произведений. Обычно такой отбор производится на основе заказанных критику отзывов на произведения. Критик выделяет те культурные ценности, которые в первую очередь должны быть сохранены для последующих поколений. Наконец, для публики критика выступает логиком, позволяющим верно ориентироваться в безбрежном море ценностей культуры и выбирать лучшие из них.

В искусстве критика является профессией, в других же сферах культуры, в том числе в науке, критиком обычно выступает компетентный специалист, хорошо-знающий проблему, которой посвящено произведение.

Сегодня критика чаще всего изолирована от социологии. Более того, нередко критик расходится с господствующим в обществе мнением о произведении, причем истина может оказаться на его стороне. Известно, например, каким феноменальным успехом пользовались у публики «Анжелика» или «Рабыня Изаура», резко осужденные критикой. Очевидно, социологические данные об успехе этих произведений не могут изменить оценку критики. Однако в этом случае критика должна объяснить причину этого успеха, не ограничиваясь только ссылкой на неразвитость художественных вкусов публики.

Разумеется, эти творения нравились далеко не всем слоям и культурным группам. Такой дифференцированный анализ мнений аудитории — благодатный материал для размышлений критика: он может резко не соглашаться с мнением большинства, но не может не учитывать его.

Нередко взгляды критиков на одно и то же произведение диаметрально противоположны. В этом легко убедиться, сравнив оценки критиками журналов «Знамя», «Нева» и «Октябрь», с одной стороны, «Молодая гвардия», «Слово» и «Наш современник», с другой. В этом случае дифференцированный анализ мнений разных слоев публики, осуществленный социологами, может стать веским аргументом в пользу той или иной стороны.

Социологический анализ, как видим, оказывается необходимым для глубокого научного изучения всех элементов культурной коммуникации. Ее изучение — основная задача социологии культуры как научной дисциплины.

Естественно, в современный период культурная коммуникация, очень существенно отличается от ее состояния в XIX в. Это связано с научно-технической революцией и так называемой «пост-индустриальной» («информационной») цивилизацией, о которых речь пойдет в следующей главе.

Глава 3. НТР И КУЛЬТУРА

Мы стали бы самой развитой и богатой страной во всем мире, если бы наши реальные успехи в осуществлении научно-технической революции хоть наполовину соответствовали масштабам ее исследований в общественных науках. Даже опытному библиографу обозреть всю литературу по этой проблеме было бы очень нелегко. Однако литературы, посвященной влиянию НТР на культуру, очень немного. К тому же посвящена она почти исключительно появлению новых технических средств репродуцирования и распространения культуры.

Поэтому, очевидно, нет смысла подробно анализировать значение для культуры кино съемки, радио, телевидения, звуко- и видеозаписи, новой полиграфической техники, тем более, что несколько лет назад мне пришлось уже подробно освещать эти проблемы.

НТР — длительный и сложный процесс: это целая эпоха перехода к новому типу цивилизации и, вероятно, сегодня наиболее интересно и важно выяснить, что это за цивилизация и что она несет духовной культуре общества. Если сравнить литературу, посвященную НТР 50—70-х гг., и современный анализ этой цивилизации, мы увидим гигантскую разницу. Вопреки предупреждениям одного из создателей современной кибернетики Н. Винера наступающая в результате НТР цивилизация изображалась как чисто индустриальная. Не просто главное, а даже абсолютное место в культуре этой цивилизации отводилось науке, причем далеко не всей науке, а лишь естественным и техническим наукам. Весь XX в. был «веком науки», тем более это относили к последующим столетиям.

На первый план в культуре выдвигался и соответствующий тип мышления — мышление ученого-рационалиста. Происходил своеобразный «возврат» к рационализму Декарта и Спинозы. Математико-физический метод мышления стал выдаваться за всеобщий, характерный и для гуманитарных наук. Издавалось огромное количество книг, посвященных математическим (и даже физическим) методам в литературоведении, искусствознании, истории, психологии и т. д. Нет сомнения, что разработка этих проблем

была полезна: эти методы, ранее не применявшиеся в гуманитарных науках, начали приобретать там права гражданства. Беда в том, что эти методы предлагались как **основные**, ведущие в гуманитарных дисциплинах. Утверждалось, что они идут на смену «старым», «традиционным» методам и скоро вытеснят их.

В социологии математические модели объявлялись всесильными, подчас сама социология превращалась в разновидность прикладной математики. Достаточно обратиться хотя бы к печально известной «Рабочей книге социолога». Математические модели и развитый математический аппарат необходимы квалифицированному социологу, и плохо, что значительная часть наших социологов не владеет ими. Но речь идет о явной недооценке **социологической теории**, об **абсолютизации** математических моделей и методов, о превращении их в очередную моду.

Повсеместно в стране, особенно среди молодежи, шли дискуссии «физиков» и «лириков», в процессе которых ставилось под сомнение какое-либо значение гуманитарных наук и искусства для будущего физика и инженера. Так, в Уральском политехническом институте такая дискуссия проходила под девизом: «Нужен ли инженеру Чайковский?»

Эйфория первого периода НТР скоро прошла, хотя и по сей день заметны ее следы, особенно в сознании «шестидесятников» — тех, чье мировоззрение формировалось именно в эти годы. Важно подчеркнуть, что «новое мировоззрение индустриальной цивилизации» на самом деле новым назвать трудно: все его идеи можно было найти в работах русских философов столетней давности, например, в известных трудах Д. И. Писарева.

Школа в эти годы значительно усилила свою утилитарно-прикладную направленность: из школьной программы были изъяты с таким трудом внесенные в нее логика и психология, значительно сокращено было количество часов на преподавание истории, литературы, географии. Пострадала даже столь важная для мировоззрения молодежи теоретическая наука астрономия. Ей тоже не нашлось должного места в школьной программе.

Жизнь показала, что такое господство «нового индустриального типа мышления» (по существу технократического) не только не ускорило темпов научно-технического прогресса в нашей стране, но и явилось одной из причин (разумеется, не единственной) его **торможения**, ибо без широкого общего культурного развития не смогли бы создать свои теории ни Бор, ни Эйнштейн, ни Капица, ни Ландау, ни Сахаров.

Перед учреждениями культуры в 60—70-е гг. ставилась задача «стать проводниками научно-технического прогресса». Часть клубных учреждений была превращена в «Дворцы науки и культуры». Люди, пришедшие в клуб отдохнуть после рабочего дня, загонялись на лекции о полимерах или о передовых методах доменного производства. Резко сократилось число народных университетов

культуры, которые заменялись «народными университетами научно-технического прогресса». Господство «нового стиля» мышления в этот период было повсеместным, оно охватило все развитые страны мира (другой вопрос, что у нас оно нередко принимало особенно уродливые формы). Таким образом, НТР создала **новую парадигму мышления**.

Эта парадигма основывалась на величайшем влиянии НТР на всю современную мировую культуру. Благодаря ей возник ряд новых видов культурной деятельности, новых видов и жанров искусства, не только новых научных дисциплин, но и целых отраслей науки. Культурная деятельность стала более широкой и разнообразной, что является несомненным показателем прогресса культуры.

Однако в «мышлении индустриального общества» эти новые виды культурной деятельности фактически противопоставлялись «старым», «традиционным». Кино, телевидение, видеозапись постепенно выходят на первый план, тесня и все более подчиняя себе литературу, музыку, изобразительные искусства. Их субсидируют и организуют наиболее богатые и мощные монополии, их влиянию подчиняется весь земной шар. Характерно, что и В. И. Ленин из всех видов искусства важнейшим, как известно, считал **кино**, поскольку оно является и самым **массовым**.

Все без исключения новые виды культурной деятельности возникли на основе **современной техники** и в какой-то степени могут быть названы «техническими». Они никоим образом не должны конкурировать со «старыми» (прежде всего с чтением), и вообще выделение «более важных» и «менее важных» видов культурной деятельности некорректно. Любой вид культурной деятельности имеет свою специфику, свою ценность, свою уникальную культурную роль. Он незаменим и поэтому важен в не меньшей мере, чем любой другой вид.

Аберрация технократического сознания состояла именно в идее превосходства этих новых видов культурной деятельности над традиционными. В известной мере это объясняется и тем, что без «технических» видов культурной деятельности было бы невозможно широчайшее распространение **«массовой культуры»**.

Обычно появление этой культуры связывают с НТР, что, на наш взгляд, неточно. В России еще в середине XIX в. имелась так называемая «культура для народа»; в которой преобладали либо религиозные брошюры, либо душещипательные сентиментальные истории, либо приключенские повести о разбойниках. Эта литература с полным основанием по всем ее характерным чертам может быть отнесена к массовой культуре. Она и создавалась для масс, для народа.

~~Если НТР и не создала массовую культуру, то во всяком случае~~ она дала ей «второе дыхание». Современная полиграфия, кино, телевидение, радио, видео-и грамзапись превратили ее в культуру

для миллионов и десятков миллионов людей. Сами по себе телевидение и кино—видеоканал, по нему можно транслировать любую культуру. По телевидению **выступает** М. Ульянов и В. Леонтьев, камерный ансамбль и доморощенный «бард» — автор пошлых куплетов. Телевидение не создало массовую культуру, но оно дало ей невиданную раньше трибуну.

Парадигма «индустриального сознания» рассматривает массовую культуру как одно из величайших достижений НТР, как ее порождение. При этом в слова «массовая культура» вкладывается совершенно различное содержание. Чаще всего эти слова употребляются для обозначения: а) коммерческой культуры, способной благодаря своему гигантскому распространению давать огромную прибыль; б) сниженной, «второсортной» культуры, рассчитанной на малокультурную, невзыскательную аудиторию; в) манипуляторской культуры, призванной манипулировать сознанием и поведением «массового человека», массовым сознанием.

Очевидно, все эти подходы не противоречат друг другу и в совокупности раскрывают сущность этой культуры. Массовая культура — создание отнюдь не только ловких и предприимчивых дельцов, как нередко о ней говорят, она может быть и результатом сознательной **государственной политики** (фильмы «Падение Берлина», «Светлый путь», «Клятва»).

«Индустриальное» сознание мифологизирует массовую культуру, ее произведения, героев. Звезда современной эстрады, популярный киноактер или телевизионный комментатор — уже не реальный человек, а именно миф с придуманной для него биографией, внешним обликом, манерами, взглядами. Технический канал знакомит с этим мифом миллионы людей.

Стереотип мышления «индустриального общества» математизирует и формализует любое явление культуры. Вся культура для представителей этого мышления — не более, чем **информация**. Несомненно, любая культура несет информацию, имеет информационную функцию, но это не может стать основой для сведения культуры к информации. Можно ли измерить в битах музыку Чайковского, стихотворения Пушкина или игру на сцене С. Юрского? Художественная культура вообще не может быть сведена к информации, равно как и религия, нравственная культура. В противном случае сам термин «информация» расширяется до необъятных пределов и вообще теряет смысл. Сопереживание, эмоциональное воздействие информации измерить в битах невозможно: в этом случае мы уподобимся пушкинскому Сальери, который «музыку разъял, как труп».

Благодаря рассматриваемой нами парадигме мышления в загоне в стране оказалась **социальная психология**. В политическом, религиозном, нравственном сознании изучались взгляды людей, но почти полностью игнорировались **социальные чувства**.

Эта парадигма мышления привела к разрыву социологии и социальной психологии. Социологические исследования апеллировали

только к разуму опрашиваемого, хотя далеко не на каждый вопрос реципиент даже себе может дать разумный ответ.

В культуре всегда соединяется рациональное, эмоциональное и иррациональное. Не учитывающий этого обстоятельства социолог не может изучать культуру. Любое серьезное исследование в этой сфере требует объединения усилий социологов и специалистов по социальной психологии.

Таким образом, период господства узкого рационализма был весьма противоречив: он дал немало ценного культуре, но оказался препятствием ее дальнейшего развития. Уже к концу 70-х гг. на Западе появляются симптомы его близкого конца. В 1973 г. выходит нашумевшая книга Дэниела Белла — широко известного во всем мире американского социолога — «Приход постиндустриального общества». Эта книга оказалась во многом пророческой. Тремя годами раньше (сентябрь 1970) доклад Белла о постиндустриальном обществе был прочитан на VII Международном социологическом конгрессе.

Белл показал, что господствующая парадигма мышления вступила в резкое противоречие с реальным состоянием общества и потребностями людей. Главный порок индустриальной цивилизации — полное игнорирование ею человека, который рассматривался только как агент, фактор производства. Постиндустриальное общество является результатом современных достижений НТР — внедрения поколения ЭВМ, принципиально новых передовых технологий. Научно-технический прогресс привел к значительному сокращению числа рабочих и вообще — к уменьшению доли людей, занятых в материальном производстве. Соответственно, растет и будет расти количество людей, занятых в непроизводственных отраслях — науке, культуре, искусстве, сфере обслуживания, сфере досуга, туризме и пр.

Теории постиндустриального общества исходили из намечавшихся в 70-е гг. тенденций развития, но в основном имели прогностический характер, растягивая переход к постиндустриальному обществу до 2000 г. и даже далее. Это «общество науки», общество культуры. Акцент в нем переносится с экономики производства товаров на экономику услуг. Значительно увеличиваются доходы общества, повышается качество жизни. Конечно, в этой теории имелись и серьезные элементы утопии: мысль о полном искоренении бедности или идея постепенного перехода власти к ученым-экспертам. Однако прошедшее двадцатилетие в целом подтвердило прогнозы о новом типе цивилизации.

В центре нового типа цивилизации находится человек, его реальные потребности и интересы, проблемы его образования и квалификации. Это общество, обращенное лицом к человеку. Человек получает широчайший доступ к информации (вот почему эту цивилизацию часто именуют «информационной»), однако инфор-

мация является здесь средством приобщения его к ценностям культуры.

В нашей стране теория «постиндустриального» общества была встречена враждебно. В 1975 г. выходит книга Г. И. Иконниковой¹, в которой эта теория предстает как очередная досужая выдумка «платных идеологов буржуазии», направленная против марксизма и социализма. Никаких выводов наша социологическая наука из нее, к сожалению, не сделала.

Неукоснительное движение развитых стран Запада и Востока к постиндустриальному обществу потребовало и изменения господствующей парадигмы мышления. Новую парадигму можно назвать «гуманистической». В ее основании лежит идея о человеке как главной цели общественного развития.

Появление этой парадигмы было бы ошибочно считать только следствием научно-технического прогресса. Такой подход был бы глубоко ошибочным. Она явилась и следствием массовых движений: демократического движения за права и свободы человека, охватившего все континенты; движения против войны, против применения массовых средств уничтожения, прежде всего — атомного оружия; движения «зеленых» за культуру природопользования и природоохранения против грозящей человечеству экологической катастрофы; движения против неокOLONиализма за равные права всех народов, больших и малых.

Таким образом, новая парадигма мышления имеет достаточно прочную основу. Характерной ее особенностью является прежде всего отказ от рассмотрения человека как функции производства или государственной машины: производственный, политический или развлекающийся индивид. Человек не может быть сведен ни к одной из этих функций. Он должен рассматриваться как целостность. Новая парадигма мышления связана со стремлением исключить войну из жизни общества. Представим себе, что новое политическое мышление победило в нашей стране в 50-е гг. В этом случае было бы невозможно ожидать ответных шагов от США или Англии: мир еще не был готов к разрядке. Сейчас правительства уже не могут не считаться с волей народа. Новая парадигма мышления все в большей степени ориентирована на общечеловеческие ценности. Впервые люди в различных странах начинают осознавать себя членами единой общности — человечества. Это «планетарное» мышление вытекает из новых представлений о человеке как существе, связанном не только с Землей, но и с Космосом.

Все эти особенности новой парадигмы мышления не могут быть безразличны для социологии и должны находиться в постоянном поле зрения социологии культуры.

Осуществляется ли переход к этой новой парадигме мышления у нас в России? Однозначно ответить на этот вопрос очень слож-

¹ Иконникова Г. И. Теория «постиндустриального общества»: Будущее человечества и его буржуазные толкования. М., 1975.

но. Да, он, разумеется, идет, ибо наша страна не отгорожена от всей мировой культуры и происходящие во всем мире процессы не могут не коснуться такой огромной державы. Новая парадигма мышления соответствует всему духу преобразований ее экономического и политического строя, решительного освобождения от последствий господства тоталитарного режима. Однако во всех развитых странах этот процесс органично вытекал из новых успехов НТР, он совершался на базе новой техники и технологии, огромного роста производительности труда и утверждения нового качества жизни. У нас же появление первых признаков перехода к новой парадигме происходит в обстановке тяжелейшего социально-экономического, политического и духовного кризиса, в обстановке массового озлобления, накала страстей, угрозы безработицы, голода, вооруженных конфликтов. Мягко говоря, это далеко не лучшая обстановка для утверждения господства новой парадигмы мышления. Поэтому процесс ее утверждения идет у нас так медленно и связан со столь острыми противоречиями, проявляющимися и в сфере культуры.

Разумеется, новая парадигма мышления — далеко не единственное проявление влияния НТР на культуру. Это влияние весьма многообразно. Поскольку, как уже говорилось, этот вопрос в целом изучен достаточно хорошо, остановимся на нем очень кратко.

Влияние НТР на субъект духовного производства, творца ценностей культуры, может быть двояким, в зависимости от господствующей в его сознании парадигмы мышления: «технократической» или «гуманистической». От этого во многом зависит направленность его творчества. Сам процесс деятельности субъекта духовного производства состоит из трех основных этапов: 1) рождение замысла, идеи; 2) ее разработка; 3) оформление и материализация.

НТР прямого влияния на первый и второй этапы оказать не может, рождение замысла и разработка его идут в голове человека и ни в каких технических средствах не нуждаются. Пушкин писал гусиным пером, современный поэт чаще всего печатает свои стихи на пишущей машинке или компьютере. Вряд ли это можно считать прогрессом поэзии.

Однако такие технические средства оформления, материализации, несомненно ускоряют процесс работы, освобождая время для собственно творчества. В некоторых же видах культуры эти новые средства приобретают содержательное значение, влияя на сами замыслы творца. Возьмем, например, архитектуру: XX в. дал в распоряжение архитектора металл, железобетон, пластмассы. Разумеется, только благодаря этим новым материалам и можно было создать новую архитектуру современности. Композитор и дирижер получили новые электроинструменты, значительно обогатившие состав оркестра, режиссер получил в распоряжение новую технику сцены. Все же влияние НТР на процесс создания духовных ценно-

стей связано в первую очередь с информационными компьютерными системами, которые невиданно расширили не только получение самой разнообразной информации, но и качественно изменили сам диалог, культурное общение с предыдущими поколениями и современниками. Именно это общение в наибольшей степени влияет на процесс производства духовных ценностей.

Телевидение и видео позволили существенно изменить процесс сохранения духовных ценностей, дополнив начатое кино и грамзаписью дело. Выше уже говорилось об изменении процесса распространения ценностей, культуры в результате внедрения телевидения и новых средств связи (телефакс, телекс и пр.). Таким образом, НТР влияет на всю культурную коммуникацию, и это влияние характерно для всех стран мира. Методика его социологического исследования сравнительно полно рассматривалась в литературе, и мы не будем на ней специально останавливаться. Важно подчеркнуть только одно: при этом надо отрешиться от наивной и глубоко фальшивой иллюзии, будто бы все последствия НТР в нашей стране всегда положительны, а на Западе — всегда отрицательны. Жизнь достаточно зло посмеялась над подобными иллюзиями.

Думается, что между НТР и культурой существует двусторонняя связь: до сих пор говорилось о влиянии НТР на культуру, но очень существенно и обратное **влияние культуры на НТР**. От культуры зависит глубина и основательность проведенных преобразований и темпы самого научно-технического прогресса. До сих пор еще типична картина: страна, несмотря на страшный недостаток валюты, покупает для того или иного предприятия новейшее оборудование, а оно годами простаивает в ящиках на складе или даже на заводском дворе, пока его, наконец, не растащат на части. Оказывается, покупая новое оборудование, завод не позаботился обеспечить кадры, способные освоить его. При умопомрачительной цифре общего количества рабочих, высококвалифицированных рабочих, знакомых с современными технологиями, у нас очень мало. Само понятие «квалификация» постепенно меняет свое содержание. В недалеком прошлом мы включали в него навыки ручного труда, эмпирический опыт, сейчас оно означает главным образом хорошее знание машин и механизмов, умение наладивать и ремонтировать их. И в первом, и во втором случаях высокая общая культура не обязательна для высококвалифицированного рабочего. Им может стать и не очень культурный человек. Но для новых технологий постиндустриальной цивилизации высококвалифицированный рабочий обязан хорошо владеть **основами наук**, обладать хорошей психологической подготовкой для быстрого принятия самостоятельного решения в нестандартных ситуациях, ориентироваться во всей системе производства. Это требует не просто формально высокого уровня образования, но и высокой общей культуры.

Думается, что огромная трудность дальнейшего развития НТР

даже тогда, когда страна преодолает тяжелейший экономический кризис, будет заключаться в том, что у нас нет развитого слоя «белых воротничков». А ведь и от них (а не только от ученых и инженеров) во многом зависят и темпы НТР, и ее достижения.

У нас уже с момента поступления в техникум молодого человека ориентируют на то, что после его окончания он войдет в слой специалистов, в интеллигенцию. Пора перестать обманывать себя и других: интеллигентом выпускник не становится, а идти в рабочие он психологически не готов. Нигде во всем мире нет столь резкого разделения квалифицированных рабочих и низшего слоя специалистов, которое до сих пор существует у нас. На деле и те и другие входят в один «средний слой» («белые воротнички»). В единый слой их объединила не прихоть того или иного социолога, а объективное развитие НТР. Соответственно, необходимо ориентировать среднее специальное образование на подготовку такого слоя. Задача социологов — проверить эту гипотезу.

Вероятно, следует обратить значительное внимание и на реальное образование. Может быть следует, как это было до революции в России, принимать в производственно-технические училища не после 8-го класса, как сейчас, а с 1-го, создав реальные училища. Большой и сложной задачей, стоящей перед социологией, является изучение общественного мнения об оптимальных формах во многом разрушенных ныне связей между научными учреждениями и производством, а также — между производством и высшей школой. Сегодня непрерывно растет наше отставание в технике и технологиях от передовых стран Запада. Когда мы выйдем из экономического кризиса, перед нами во всем объеме встанет задача наверстать упущенное, чтобы выйти через несколько лет на мировые рубежи НТР. Не сделав это, мы не сможем оставаться великой державой. Вот почему уже сегодня следует думать о создании условий, которые бы позволили со временем выйти на рубеж передовой техники и технологии.

Глава 4. ГОРОД И ДЕРЕВНЯ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРЫ

До последнего времени при господстве идеологемы о «единой социалистической культуре» культура города и деревни различалась лишь количественными показателями. Считалось, что городское население в значительно большей степени, чем сельское, приобщено к этой единой культуре. А если это так, то вся задача сводилась к тому, чтобы «подтянуть» сельское население по показателям его культурного развития к городскому.

Как известно, эта задача не была, да и не могла быть выполнена, поскольку во всем мире культура села представляла собой и остается сейчас особым типом культуры, значительно отличаю-

щимся от культуры города. Поэтому сама цель «ликвидировать существенные различия между городом и деревней в области культуры» принципиально неосуществима.

Различия между городской и сельской культурой существенны. Они вытекают отнюдь не из количественного уровня людей, имеющих среднее и высшее образование, и даже не из отсутствия на селе многих учреждений культуры, хотя это имеет немаловажное значение, а в первую очередь из особенностей самого крестьянского труда и связанных с ним своеобразных черт сельского образа жизни¹.

На съездах народных депутатов России, сессиях Верховного Совета не раз обсуждалось поистине катастрофическое состояние сельской культуры. Однако причины такого ее состояния раскрывались узко и односторонне. Их усматривали в общем «остаточном» подходе к культуре и игнорировании социальных нужд жителей села. Это, конечно, верно, но главная причина, по нашему убеждению, состоит в том, что за годы тоталитарного режима был разрушен **сельский тип культуры**, а нового никто создать не мог, поскольку такого типа в деревне нет и не будет.

Сельский тип культуры создавался на протяжении многих столетий и при всех его «недостатках» наиболее соответствует образу жизни деревенского населения. Крестьянский труд органично связан с **природными** процессами роста и развития растений и животных.

Связь труда с природными процессами обуславливает близость крестьянина к природе, которая для него не просто «фон» его деятельности, а настоящая «мать-кормилица».

Сельскохозяйственный труд **цикличен**. Эти циклы необратимы, особенно в природных условиях России с ее ярко выраженным чередованием времен года. Основным средством производства здесь являются земля и домашние животные. Крестьянин всегда в той или иной мере зависит от климатических условий, от погоды в данном году. Сельские поселения были и будут рассредоточенными, ибо каждое из них должно иметь свою часть земли, лугов и пастбищ. Большую роль в дислокации сельских поселений имеет вода — реки, пруды, озера, подземные воды. Все эти и другие особенности труда крестьянина определяют образ его жизни.

Социологу важно учесть принципиальное различие понятий «сельское население» и «крестьянин», которые часто смешиваются и в современных исследованиях. На селе (особенно в современный период) живет большое количество людей, непосредственно не занятых сельскохозяйственным трудом, который при любом уровне его механизации никогда не станет «разновидностью промышленного труда». Часть сельского населения занято работой на предприятиях

¹ В этой части главы использованы материалы А. Э. Мурзина о культуре села.

перерабатывающей сельскохозяйственную продукцию промышленности, в строительстве, на транспорте и предприятиях связи, в сфере культуры и управления. Нельзя относить к крестьянам и горожан-дачников, имеющих свои дачи в деревне. Наконец, в пригородных деревнях проживает большое количество людей, работающих на предприятиях соседнего города. Говоря о деревенской культуре, мы имеем в виду именно культуру крестьянства — основной массы сельского населения. При этом в понятие «крестьянин» мы включаем всех людей, профессионально занятых сельскохозяйственным трудом, независимо от форм собственности и организации их труда.

Каковы же основные особенности образа жизни крестьян?

1. Неравномерная загруженность сельскохозяйственным трудом в течение года, огромное напряжение в летнее время, весной и осенью и сравнительно меньшая загруженность зимой. Чрезмерная напряженность труда в период сева, сенокоса, уборки, не знающего выходных дней и фиксированного рабочего дня, компенсируется большим количеством **праздников**, приходящихся в основном на зиму и периоды межсезонья. Поэтому такую большую роль в старой деревне всегда играла **праздничная культура**.

2. Небольшие размеры деревни (села), рассредоточенность сельских поселений приводила к **персонификации** межличностных отношений между людьми (родственник, кум, сват, сосед и т. д.). В Сибири до сих пор есть деревни, где почти все жители состоят в прямом и косвенном родстве.

3. Для сельского образа жизни были характерны сильные традиционные внутригрупповые связи по национальному признаку (в смешанных по национальному составу деревнях), по религиозным убеждениям (скажем, староверы в уральских селах), по землячеству, старому месту жительства (для переселенцев из других регионов), по традиционным побочным промыслам (бондари, кузнецы, вязальщицы, кружевницы и др.). Эти внутригрупповые традиции были весьма устойчивыми, передавались из поколения в поколение.

4. Развитый **социальный контроль**. Вся жизнь сельского жителя, его труд и досуг проходит на глазах всей деревни. Это не только облегчает борьбу с преступностью, но и обеспечивает присмотр за детьми неработоспособными членами семей и соседями, когда родители ребенка находятся в поле, на сенокосе или ферме. Неписанные законы сельской этики и педагогики вели к тому, что воспитание детей и подростков становилось делом всей общины.

5. Деревенскому образу жизни присуща большая простота и открытость межличностного общения, меньшая зависимость людей от многочисленных культурных наслоений и условностей. Здесь преобладают патриархальные семьи с взаимной поддержкой и ответственностью. Особая роль в деревне принадлежит внутрисельской информации при меньшей, чем в городе, роли официальной

ной, государственной информации. В деревне складывается особый менталитет, здесь значительную роль играют слухи, местная информация и т. д.

6. В деревне вообще особенно важную роль играли традиции, поэтому деревенский образ жизни нередко называют «традиционным». Эта устойчивость образа жизни подтверждена временем.

Коллективизация в значительной мере подорвала сельский образ жизни. В эти годы негласно шло интенсивное распространение городского образа жизни в деревне. Сегодня перечисленные выше черты сельского образа жизни во многом подорваны, хотя определенные элементы их сохранились и дают надежду на возрождение прогрессивных черт сельского образа жизни и такой его неотъемлемой части, как сельская культура.

Прежде всего следует отметить, что речь идет не о какой-либо изолированной от городской, автономной культуре, которой в наш век интенсивного сближения и диалога культур просто не может быть.

Город и деревня связаны у нас неразрывными экономическими, политическими, культурными и просто человеческими связями. Большая часть деревенских семей имеет родственников в городах и наоборот. Судьбы города и деревни в государстве едины. Поэтому, говоря о сельской культуре, мы постоянно должны помнить, что между ней и культурой города идет не только постоянный диалог, но и постоянная диффузия, взаимопроникновение.

Глубоко ошибочна мысль, будто бы сельская культура должна «подтягиваться» к культуре города. Самовозрождение русского села принципиально невозможно без возрождения и развития сельской культуры. Нелья преувеличивать и абсолютизировать особенности сельской культуры, а тем более противопоставлять ее культуре городской, как это делают некоторые публицисты. В то же время не меньшей ошибкой оказывается недооценка, а тем более игнорирование особенностей сельской культуры.

В деревне всегда качественно иную роль, чем в городе, играла традиционная народная (фольклорная) культура, воспринимаемая не как исторический памятник, а как живая, действующая часть актуальной культуры. Народные медицина, педагогика, этика, спорт и т. д. реально использовались в повседневной деревенской жизни. Процесс разрушения деревенской культуры начался именно с отрицания этой фольклорной культуры. Преданы забвению многие народные промыслы. Редко сейчас в деревне можно найти молодых людей, знающих народные обряды, умеющих танцевать народные танцы, красиво петь народные песни, играть на национальных музыкальных инструментах, умеющих готовить старые народные русские блюда. Исчезли хороводы, игра в бабки, городки, лапту. Особенно тяжело сказался на культуре села подрыв народной этики и педагогики. Подросток начинает сквернословить, рас-

путничать, а подчас и воровать. Значительно ослаблен традиционный сельский контроль.

Обо всем этом пишут публицисты, сельская интеллигенция. Однако если обратиться к социологическим исследованиям культуры села; мы чаще всего не найдем ни слова о судьбах традиционной сельской культуры. И здесь, как в работах о культуре города, говорится преимущественно о состоянии и кадрах клубов и библиотек, о посещаемости «мероприятий» и фильмов. Важно в ходе социологических исследований выявить, в какой мере в разных регионах России сохраняется сельская культура и ее основа — народная, фольклорная культура, каково ее место в повседневной жизни сельского населения. Ряд черт традиционной культуры (роль праздников, коллективность общения, его персонификация, более значительная роль ментального слоя культуры, повышенная значимость общественного мнения и др.) остаются и сегодня и свидетельствуют о том, что сельская культура, несмотря на все попытки ее ликвидации, все же сохранила свои особенности и отличия от городской культуры.

Для сельской культуры сегодня характерна не только традиционность, но и ряд других особенностей. К их числу следует отнести:

1) более значительный удельный вес **коллективной** культурной деятельности. Даже просмотр телевизионных передач, как показало наше исследование «Телевизионная аудитория», осуществляется часто коллективно, всей семьей, дружеской компанией;

2) большее внимание **охране природы**. В целом экологическая культура в деревне выше, чем в городе;

3) значительно большая роль ментальности в культуре, выше влияние чувственно-эмоциональных элементов;

4) в сельской культуре выше, чем в городской, роль непосредственной культурной коммуникации, как в семье, так и вне ее (компании), здесь легче найти компанию, которая складывается в процессе межличностного общения, постоянного в сельской жизни;

5) для села значительно меньшее значение имеет проблема культурного выбора. Сельская молодежь не имеет возможности выбора фильма, она чаще всего смотрит подряд чуть ли не все фильмы, демонстрирующиеся в селе; редкие концерты и спектакли профессиональных артистов собирают чуть ли не всех жителей. Как правило, культурная деятельность молодежи в селе гораздо менее контролируется семьей, чем в городе;

6) значительно большую роль в культурном становлении молодежи играет овладение навыками профессиональной культуры. Еще до 15 лет более половины сельских школьников научились водить трактор, доить коров, почти все — запрягать лошадей;

7) постоянные занятия физическим трудом на воздухе изменяют в селе роль физической культуры: ей не характерны функ-

ции закаливания, оздоровления, на первый план выходят игровые, развлекательные и спортивно-состязательные функции;

8) культурные потребности в селе в целом развиты значительно ниже, чем в городе. Плохое состояние (в основной массе) сельской школы, отсутствие культурного выбора, недоступность для сельских жителей многих видов культурной деятельности, характерных для горожан (посещение театров, музеев, художественных выставок, лекций и т. п.), приводит к сравнительной ограниченности культурных потребностей и интересов. Вопреки распространенным мнениям неудовлетворенность культурной жизнью села не выступает главной причиной миграции сельского населения в город. Она значительно уступает по своему удельному весу таким причинам, как неудовлетворенность сельским трудом, его тяжестью и низкой оплатой, неустроенностью сельского быта. Социологические исследования, проведенные среди мигрантов в города, вчерашних жителей села, показывают, что они отнюдь не «набрасываются» на городскую культуру. Более того, весь период адаптации в городе они пользуются ею гораздо менее интенсивно, чем коренные горожане.

А в связи с ограниченностью культурного выбора на селе гипертрофированное значение (особенно в зимний период) приобретает **телевидение**. Больше, чем в городе, значение имеет и **художественная самодеятельность**, причем не только участие в ней, но и посещение самодеятельных концертов.

Сравнительно низкий уровень духовных потребностей, неразвитость культурных учреждений села, неудовлетворительные условия сельского быта ведут к гигантскому распространению пьянства и связанной с ним преступности (драки, поджоги, поножовщина). Теряется веками присущее крестьянину **трудолюбие**, любовь к земле и животным, к сельскохозяйственному труду. Это является одной из главных причин, препятствующих развитию фермерских хозяйств.

Долгое время считалось, что достаточно улучшить работу сельских клубов, создать «очаги культуры» по подобию города, увеличить финансирование сельской культуры, и ее отставанию придет конец. Однако вложения средств, которые делало государство и сами хозяйства, не привели к желаемому результату. Огромные деньги были, например, израсходованы на создание сельских «культурных центров» и «культурных комплексов». Но эти дорогостоящие проекты фактически не дали никаких положительных результатов, так как создавались без всякого учета особенностей сельской культуры, по подобию городских дворцов культуры. Ярким примером такого проекта стал «культурный комплекс» в с. Балтым около Екатеринбурга. Жизнь показала, что с особенностями сельского образа жизни и сельской культуры нельзя не считаться.

Большой шум был поднят относительно «культурного шефства» города над селом. Но его итогом стало только временное увеличение числа гастролей профессиональных артистов и выездов театров

со спектаклями на село. Однако сейчас, в период перехода к хозяйственному расчету, театры стремятся до самого минимума сократить невыгодные для них сельские гастроли.

Сегодня в село широко проникает самая низкопробная «массовая культура» — порнографические и примитивно-приключенческие видеофильмы, предприимчивые дельцы везут самые худшие образцы зарубежной кинопродукции. Подчас в распространении в селах таких произведений обвиняют город, забывая, что такая массовая культура — международное явление, равно присущее и городу и селу. Оградить село от ее влияния никакими запретами не удастся. Этого можно достичь только вытеснением ее подлинной, высокой культурой, которой на селе практически не существует.

Определенную долю ответственности за состояние сельской культуры несет и социологическая наука. Если прочитать книги и статьи 70-х гг., то создается впечатление, что сельская культура находится на подъеме и скоро ее отставание будет преодолено. Социологов интересовало в первую очередь количество «мероприятий», а не их реальное влияние на духовный облик сельского жителя. Особенности и традиции сельской культуры вообще игнорировались. Только сейчас становится очевидным, что без возрождения многих положительных традиций подъем культуры села не возможен.

Односторонне рассматривалась и культура города. Обычно под «культурой города» понимается культура крупного индустриального и административного центра. Между тем, между городом и селом есть целый ряд переходных типов поселений. Таков поселок городского типа. Чаще всего по своим размерам и облику он напоминает деревню, хотя его население (во всяком случае его основная часть) занято **несельскохозяйственным трудом**. Чаще всего уровень культуры населения такого поселка немногим отличается от деревни. То же самое может быть сказано и о культуре населения большого количества малых городов, созданных еще до революции. В Свердловской области такие города, как Красноуфимск или Талица, стоят ближе к крупным селам, чем к промышленным центрам. Существенно отличаются от старых городов по составу населения и его культуре молодые города, возникшие в послевоенный период из комсомольскихстроек. Свообразны так называемые «монофункциональные» города, например, города науки (Дубна, Обнинск, Жуковский и др.), города-курорты, «военные городки» — базы флота.

Поэтому изучение культуры города требует от социолога предварительного изучения особенностей данного конкретного поселения, степени его урбанизированности. Города не могут характеризоваться только количеством жителей. Орехово-Зуево или Иваново отличаются от других городов таких же размеров преобладанием среди населения женщин, а город горной промышленности Качканар страдает именно от их недостатка, ибо в нем нет достаточного количества женских рабочих мест. Словом, необходим кон-

кретный подход, учитывающий своеобразие каждого города. Ниже речь пойдет только о культуре крупного полифункционального города.

Современную урбанизацию нельзя ограничивать лишь количественным ростом городов, она представляет собой сложное социальное отношение, включающее: 1) отношения между городом и деревней, крупным центром и другими типами городских поселений; 2) отношения между различными сферами города — индустриально-бытовой и социально-культурной; 3) отношения между сельским и городским образом жизни в рамках самого города.

Культура, таким образом, выступает в качестве одной из сфер городского организма (системы), включающей в себя все учреждения культуры города. Но такое понимание культуры города было бы слишком узким. Культура города характеризуется прежде всего: а) культурой городской пространственной сферы: культурой улиц, дворов, общественных учреждений и т. д.; б) культурным уровнем населения города, его культурными потребностями, интересами, ориентациями. Соответствующий анализ дается обычно в сравнении с другими городами, имеющими такое же население. Так, в 1969—1970 гг. было проведено сравнительное исследование Нижнего Тагила и Таллина.

При различии культурного уровня крупных городов городской культуре присущи некоторые общие черты. В первую очередь следует назвать наличие возможности более или менее широкого выбора ценностей культуры. Он достигается, с одной стороны, имеющимся в крупном городе набором учреждений культуры (клубы, театры, кинотеатры, музеи, библиотеки, парки, выставочные галереи, танцевальные залы и т. д.). С другой стороны, выбор зависит от многообразия деятельности таких учреждений, учета интересов и потребностей разных групп населения. Таким образом, город предоставляет благоприятные возможности для культурного развития его жителей (другой вопрос, насколько они используются).

Особенностью города выступает сравнительная анонимность его жителей. В крупном центре горожанин обычно имеет более или менее узкий круг знакомых — родные, товарищи по работе или по интересам, друзья. Он встречается ежедневно с множеством незнакомых ему людей, испытывая чувство, названное западными социологами «одиначеством в толпе». Слабо развито соседское общение: человек может быть незнаком даже с соседями по подъезду. В отличие от села постоянные непосредственные контакты затруднены вследствие больших расстояний, их заменяет общение по телефону. Анонимность городской среды благоприятна для развития преступности: здесь легко затеряться.

Жизнь в крупном центре связана с большими нервными нагрузками. Они являются следствием не только постоянного шума, но и самого ритма городской жизни, водоворота людской массы на улицах, в городском транспорте, в магазинах. Даже во время

прогулки. человек невольно подчиняется этому бешеному ритму толпы. Сегодня у нас эти нервные нагрузки связаны также с очередями, ажиотажным спросом, дефицитом, митингами, демонстрациями, пикетами. Жизнь человека постоянно подвергается опасности вследствие плохого регулирования уличного движения.

Горожанин чаще всего отдален от природы, поэтому он стремится приобрести пригородный участок и дачу, где бы мог в непосредственной близости к природе отдохнуть от городских нервных нагрузок. Жизнь горожанина сокращается из-за плохой воды, загазованности и запыленности городской атмосферы.

Таким образом, современный крупный город (в особенности город-миллионер), с одной стороны, является центром культуры, образования, науки, а с другой — центром преступности, «спрутом», «молохом».

Все это накладывает отпечаток и на городскую культуру. Ее нельзя считать чем-то единым. Город представляет сложную иерархию культурных групп с разными потребностями и ориентациями. Трудно назвать такой фильм (спектакль, выставку, концерт), который нравился бы всем жителям города. Культурная дифференциация «накладывается» на дифференциацию имущественную, политическую, национальную, создавая весьма сложную, а подчас и запутанную, систему взаимоотношений горожан. Поэтому социолог, изучающий городскую культуру, должен, во-первых, возможно детальнее дифференцировать городскую культуру, определить типичные для данного центра культурные группы, а во-вторых, показать связь культурной дифференциации с дифференциацией населения по имущественным, политическим, национальным и иным признакам. К сожалению, такая задача в существующих исследованиях культуры не только не решалась, но даже не ставилась.

Городская культурная группа не совпадает ни с социальной, ни с демографической группами. Она рекрутируется из представителей разных слоев общества, имеющих близкие культурные потребности и интересы. Конечно, в одной из таких групп будет превалировать, скажем, гуманитарная интеллигенция, а в другой — неквалифицированные рабочие. Но чаще всего ни одной социально-однородной культурной группы в крупном центре не окажется.

Выделение культурных групп для социологии культуры имеет не только научное, но и сугубо практическое значение. Не зная состава и численности культурных групп невозможно удовлетворить духовные потребности всех слоев городского населения. Именно отсутствие такого изучения приводит к тому, что в полуторамиллионном Екатеринбурге, например, вообще не демонстрировался фильм Г. Панфилова «Мать», ибо кинопрокат считал, что «никто на него не пойдет». Без изучения потребностей культурных групп научного подхода к решению проблем повышения культурного уровня населения быть не может. Разумеется, определенные культурные группы есть и в деревне, но там они мало дифферен-

цированы и видны «невооруженным глазом» и без помощи социологических исследований.

В отличие от села в крупном городе имеет большое значение пространственное размещение учреждений культуры. Исследования показывают, что горожане предпочитают посещать учреждения, близкие к месту жительства. Особое значение это имеет в современный период в условиях роста преступности и плохой работы городского транспорта. В задачу социолога входят рекомендации по рациональному размещению учреждений культуры с учетом строительства новых микрорайонов.

Особое значение приобретает дифференциация учреждений культуры. Ныне все кинотеатры города, например, имеют одинаковый репертуар. Между тем, посещаемость их намного бы увеличилась, если бы имелись специализированные кинотеатры: повторного фильма и ретроспективы, «трудного» фильма, фильмов для детей и подростков и т. д. Такая дифференциация может быть разработана только социологами. Социологи должны участвовать в определении репертуарной политики театров и филармоний, видеосалонов.

Большой и чрезвычайно важной проблемой является создание в крупных городах новых типов учреждений культуры. Речь в первую очередь идет о фоно- и видеотеках, информационных центрах. Мы еще очень далеки от того, чтобы индивидуальный компьютер имела каждая семья. Поэтому нужны центры, где человеку может быть предоставлен компьютер для проведения необходимых ему работ. Потребность в таких учреждениях должны выявить социологи. Весьма важен для практики рейтинг тех или иных учреждений культуры (театров, клубов, библиотек, музеев) среди населения. Публикуемые в печати оценки деятельности станут важным стимулом улучшения их работы.

Следовательно, каждый крупный город должен иметь городскую службу социологов культуры, которая могла бы систематически обеспечивать городские власти и население необходимой информацией. Это особенно важно потому, что целый ряд учреждений культуры, находящихся ранее в республиканском или областном подчинении, перешли сейчас в муниципальное подчинение.

Особо следует сказать о непрерывно (и очень быстро) растущей сети хозрасчетных и приватизированных студий, объединений, центров. Все они пока испытывают огромные трудности, а многие из них закрываются. Конкуренция между ними — нормальное явление. Для завоевания ими места в культуре города чрезвычайно важна их оценка общественным мнением населения. Однако при анализе культуры города социологи пока ограничиваются только государственными учреждениями культуры, хотя всем уже ясно, что потребности всех многочисленных культурных групп населения одна государственная культура удовлетворить не в состоянии.

Наконец, важной для культуры города проблемой является изучение реальных соотношений между домашним удовлетворением

духовных потребностей и посещением учреждений культуры. Такие исследования могут стать основой для научных прогнозов тенденций сокращения (или увеличения) посещаемости тех или иных учреждений культуры города в ближайшем будущем. Никто, например, не верил уральским социологам, предсказавшим еще в 1968 г. значительное сокращение посещаемости кинотеатров, особенно городских (Кино и зритель. М., 1968). Однако эти прогнозы оправдались.

Различия городской и сельской культуры сегодня очень велики. Но это не значит, что между ними лежит непроходимая пропасть. Городская культура все более проникает в деревню. Это связано прежде всего с повсеместным распространением телевидения, которое часто несет в деревню далеко не лучшие образцы культуры города, подчас бездумно копируемые крестьянами. Определенную роль в распространении городской культуры в деревне играет и увеличение слоя сельских специалистов — врачей, учителей, агрономов, а также горожан-дачников.

Не менее интенсивно проникновение сельской культуры в города, которые росли главным образом за счет мигрантов из села.

Эти мигранты делятся на две большие группы. Большая их часть (как правило, малоимущая) селится в самом городе, в заводских и строительных общежитиях, на частных квартирах и т. д. Эти люди могут скорее адаптироваться к городской культуре и являются типичными маргиналами. Другая, состоятельная часть мигрантов (их явное меньшинство) лишь на первых порах живут в общежитиях. Переезжая в город, они стремятся сохранить привычные традиции сельской культуры. При любой возможности они мечтают построить свой дом на окраине города, иметь приусадебный участок, домашних животных. В любом крупном городе есть окраины, представляющие собой типичные «оазисы» деревенской культуры. Более того, эти традиции у мигрантов оказываются подчас более устойчивыми, чем в самой деревне. Характерно, что эти традиции передаются и новым поколениям. Таких мигрантов, особенно в первом поколении, трудно назвать маргиналами, настолько прочно сохраняют они старый образ жизни. Для части из них, как показывают исследования, основным источником дохода является торговля сельхозпродуктами со своего приусадебного участка.

Сельская культура проникает в город и иным путем. В последнее время резко возрос интерес горожан к отечественной народной культуре прошлого, по-преимуществу деревенской. Широкую популярность приобретают народные фольклорные ансамбли, исполнители народных песен и танцев. Они знакомят горожан с традиционной народной сельской культурой и находят многочисленных подражателей.

Таким образом, в современный период происходит интенсивная диффузия городской и сельской культур, имеющая исключительный

интерес для социолога. Разумеется, соотношение городской и сельской культур следует рассматривать в динамике, в постоянном изменении.

В более отдаленной перспективе и у нас в России появятся урбанизированные территории, охватывающие огромные площади с тысячами населенных пунктов — городов и деревень. При наличии хороших дорог и развитого общественного и личного транспорта центры таких мегаполисов будут не столько центрами индустрии, сколько административными и культурными центрами. В этих условиях крупнейшие города будут иметь огромную притягательную силу и для городского, и для сельского населения мегаполиса. Конечно, и тогда останутся различия между городской и сельской культурой, как вообще различия между городом и деревней, но они уже не будут источником социальной напряженности.

Глава 5. КУЛЬТУРА МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В современный период, когда распался Союз, культура отношений между нациями вышла на первый план и стала важнейшей проблемой, определяющей как современное состояние, так и будущее нашей страны. Речь идет не только об отношениях между суверенными государствами — бывшими республиками Союза, но и об отношениях между нациями и народностями внутри самой России, ибо и в ней все более зримо проявляются центробежные тенденции. Ныне не только в Татарстане или Башкортостане, но и в маленьких Карелии, Коми, Бурятии и других республиках парламенты серьезно обсуждают вопрос об отделении от России и провозглашении полной независимости.

Эти сепаратистские тенденции грозят не только неисчислимыми бедами для экономики России и каждой из республик, но и для российской культуры и национальных культур всех народов России.

Перед социологом встает вопрос, почему столь быстро смог разрушиться «нерушимый союз» республик и почему их независимость была санкционирована общественным мнением абсолютного большинства населения, выраженным в референдумах? Крупнейшие ошибки в национальной политике уже достаточно подробно проанализированы в литературе и на них нет смысла снова останавливаться. Гораздо слабее освещен вопрос о тех крупнейших просчетах и извращениях в теории, которые фактически определяли политику в национальном вопросе. Это тем более важно потому, что многие из таких догм живы и сегодня.

Начнем с самого определения нации. Сохраняющееся сегодня определение нации И. В. Сталиным принципиально ошибочно, ибо сводит нацию только к социологической категории, что

совершенно неверно. Нация уходит своими корнями в этнос, являющийся основой национальных образований. И. В. Сталин до крайности гипертрофировал такой признак нации, как «единство экономики». Это давало повод русского человека, живущего в другом государстве, не относить к русской нации, ибо он включен уже в другую экономическую жизнь. Пагубность такого подхода особенно ясно видна сейчас, когда в Закавказье, Средней Азии, Прибалтике, на Украине и в Белоруссии миллионы русских оказались включенными в экономику другого суверенного государства. Но перестали ли они вследствие этого быть русскими? Падение берлинской стены было по сути разрушением мифа о двух «немецких нациях», живущих в разных экономических системах.

Я не берусь судить о преимуществах точки зрения Ю. В. Бромеля или А. Н. Гумилева на природу этноса—это дело специалистов-этнографов. Мне только важно подчеркнуть, что все рассуждения о нации в отрыве от этноса по меньшей мере беспочвенны. Анализ национальной культуры требует знания исторически сложившегося национального характера, национального самосознания, национальных чувств, знания национальной психологии, получающей свое выражение в национальной культуре. Характерно, что в большинстве учебников и пособий по социальной психологии читатель не найдет даже такого термина.

Важно подчеркнуть, что особенности национальной психологии складываются и изменяются в ходе истории. Их нельзя представлять чем-то неизменным, раз и навсегда данным. Особенности национальной психологии есть у каждой народности и нации, большой или малой, но они ни в коем случае не могут служить основанием для деления их на «вышние» и «низшие». Надо прямо сказать, что ошибки такого рода есть и у основоположников марксизма. Нельзя не замечать глубоко неверные оценки ими славянских народов, оскорбительные по форме и неверные по существу. К. Маркс бездоказательно утверждал, что турки не имеют «ни темперамента, ни склонностей», необходимых для развития капитализма¹. Быстрое развитие капитализма в Турции в современную эпоху начисто опровергло это утверждение.

Как и у отдельных людей, у народностей и наций нет идеальных национальных характеров, ибо последние включают в себя как достоинства, так и национальные предрассудки. Естественно, изучение национальной психологии—предмет специалистов-психологов. Социологу она необходима в двух отношениях: во-первых, ни одно исследование в области национальной культуры не может быть полноценным без содружества социологов и психологов, во-вторых, социолог должен рассматривать национальную культуру данной народности или нации как проявление, воплощение ее национальной психологии. Задачи исследования национальной культуры в принципе те же, что ставились перед социологией культуры в це-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26, ч. 3. С. 467.

лом (см. гл. 1). Однако на некоторые специфические особенности изучения национальной культуры хотелось бы обратить особое внимание.

Начнем с самого, казалось бы, простого — национальной принадлежности данного человека. У нас более 13% родились в смешанной, многонациональной семье, где отец и мать, бабушка и дедушка принадлежат к разным национальностям. Естественно, в этом случае, став совершеннолетними, юноша и девушка сами определяют национальную принадлежность. Самостоятельность идентификации себя с данной нацией — неотъемлемое право каждого. Тем более это относится к самоидентификации с определенной национальной культурой. Нередко такая идентификация не совпадает с графой паспорта. Она зависит от того, какой язык индивид считает своим родным языком, на произведениях какой национальной культуры он воспитан. Пушкин и Гоголь, Лермонтов и Левитан, Айвазовский и Блок не могли бы похвастаться «чистотой» своего происхождения, но кто (кроме откровенных или маскирующихся расистов) сможет отрицать их роль в развитии русской национальной культуры? Выбор родного языка и родной культуры — тоже право каждого человека. Без этого права нет и демократии. Это обязательно должен учитывать социолог, изучающий проблемы национальной культуры.

Степень знания человеком национальной культуры складывается из нескольких компонентов: 1) знания прошлого этой культуры, ее традиций. Без социальной памяти нет и не может быть национальной культуры. Между тем, долгие годы тоталитарного режима были связаны с откровенно нигилистическим отношением к национальным традициям. Современная молодежь очень плохо знает гражданскую отечественную историю, а тем более, историю культуры, чаще всего не имеет даже элементарных сведений в области истории религии и церкви, плохо знает выдающихся деятелей культуры своего народа; 2) знания **народной** национальной культуры — народных обычаев и обрядов, народных игр, праздников, народных танцев, пословиц, сказок, народного этноса. Речь уже не идет о традициях народной педагогики, медицины, этики, народного спорта. Очень небольшое количество молодых людей умеют играть на национальных инструментах, знают, а тем более имеют, национальную одежду, обувь и т. д.; 3) знания роли национальной культуры в мировой культуре, вклада данной нации, ее великих людей в духовную жизнь всего человечества; 4) знания особенностей своей национальной культуры как выражения национальной психологии.

Названы самые элементарные, фундаментальные знания национальной культуры. Виноваты ли поколения, воспитанные в нашей стране в последние 70 лет, что таких знаний они чаще всего не имеют? Нет, в этом виновна вся наша система образования и воспитания. Возьмем, например, пятое переработанное и дополненное

издание учебника И. А. Федосова¹, по которому и сегодня изучают отечественную историю ученики 9-х классов. Из всех русских философов второй половины XIX в. в нем упомянуты только Герцен, Чернышевский, Добролюбов и Писарев. Тщетно было бы в нем искать даже упоминания о крупнейшем философе России В. С. Соловьеве, не говоря уж о Юркевиче, Михайловском, Бакунине. Все художники пореформенной России ограничиваются в учебнике «передвижниками», а композиторы — Чайковским и «Могучей кучкой». Революционной деятельности В. И. Ленина уделено в учебнике 12 страниц, а всей русской культуре с 60-х гг. до начала нового века — 18. Говоря о литературе этого периода, автор даже не упоминает Тютчева, Фета, Лескова, Короленко.

Что же «исправил» в своем учебнике И. А. Федосов? Что говорить о школьном учебнике, если даже в учебном пособии «История русской культуры», предназначенном для студентов-историков вузов, фигурирует все та же «обойма» имен и даже не упоминаются ни В. С. Соловьев, ни Фет (хотя есть Решетников и Помяловский), а Н. С. Лесков фигурирует только как автор «так называемого антинигилистического романа «Некуда»!² Оба учебника вышли в 1990 г. Стоит ли удивляться тому, что выпускники гуманитарных факультетов не получают самых элементарных сведений о русской национальной культуре.

Целые поколения воспитывались в духе вульгарного социализма в отношении к национальной культуре, не изжитого и до сих пор. В этом же учебном пособии по истории русской культуры трагический финал 6-й симфонии Чайковского понимается как музыкальное воплощение духовной атмосферы 80-х гг.³, а художники конца 80-х — начала 90-х гг. за исключением С. В. Иванова и С. А. Коровина, по мнению авторов, «не поднимались до широких идейных обобщений»⁴. Характерно, что великий Константин Коровин до таких обобщений, очевидно, «не дотянул», а его брат Сергей, автор средних картин из крестьянской жизни («На миру» и др.), оказывается «достиг». К сожалению, с таким вульгарно-социологическим подходом к культуре приходится непрерывно сталкиваться исследователю.

Ни одна национальная культура не развивалась и не может развиваться в отрыве от других национальных культур. Вопреки этому уже сегодня в ряде новых национальных суверенных государств начало проявляться нигилистическое отношение к культурам других наций и народов бывшего Союза и прежде всего — к русской культуре. Это мы видим и в Прибалтике, и в Средней Азии, и даже на Украине. Закрываются издания на русском языке. Пре-

¹ Федосов И. А. История СССР: Учебник для 9 класса средней школы. 5-е изд., перераб. и доп. М., 1990.

² См.: Зезина М. В., Кошман А. В., Шульгин В. С. История русской культуры. М., 1990. С. 229.

³ Там же. С. 241.

⁴ Там же. С. 241—242.

подавание в высшей школе (даже в Харькове, Луганске, Кривом Роге, где процент русского населения очень велик) переводится целиком на язык коренной нации. Однако возьмем, скажем, философский факультет в Казахском университете. При плохом знании русского языка студент не сможет ознакомиться с философской классикой, ибо на казахский язык она не переведена, а на языке оригинала она большинству студентов тоже недоступна, ее и нет в библиотеках. Русская культура открывает путь к знакомству со всей мировой культурой. Речь уже не идет о том, что без интенсивных связей с русской наукой наука государств Средней Азии успешно развиваться не сможет и обречена на застой. Надежды на помощь Ирана или Турции здесь по меньшей мере иллюзорны.

Отдельно следует остановиться на отношениях культуры Востока и Запада. Этот вопрос имеет сегодня отнюдь не только теоретическое значение, от его постановки и решения во многом зависит диалог между культурой России и культурами государств Средней Азии, Казахстана, Азербайджана. Полуторавековой спор «славянофилов» и «западников» разгорелся и в наше время, только на «новом витке спирали».

Россия по своему географическому положению и историческим традициям относится одновременно и к Европе, и к Азии. Европейское и азиатское тесно переплелись в русской национальной культуре, которая не может искусственно быть изолирована от диалога с культурами каждого из этих континентов. Явно утопичными являются высказываемые рядом публицистов мнения о необходимости переустройства России по западным моделям и образцам, по образу и подобию США, Англии или Германии. Механическое внедрение этих образцов в экономику, политическую практику, образ жизни и культуру невозможно, Россия вырабатывает свою модель цивилизации. С другой стороны, не менее утопичны планы вновь отгородить Россию «железным занавесом» от Запада, прекратить диалог с западными культурами.

Являясь историческим «мостом» между Европой и Азией, Россия всегда вела и будет вести диалог и с Западом, и с Востоком, что не только не повредит самостоятельности русской национальной культуры, но и будет способствовать ее возрождению и расцвету. Однако диалог предполагает двусторонность, и новые государства, выделившиеся из состава СССР, смогут успешно развивать свои национальные культуры лишь в тесном взаимодействии с русской. А для этого важно не сокращать, а наоборот, поощрять изучение русского языка. Возникает реальная опасность, что новые, выходящие сейчас, в условиях независимости, в жизнь поколения не будут знать русского языка.

В то время, как великий писатель современности Ч. Айтматов издает свои произведения и на русском, и на кыргызском языках, некоторые никому не известные писатели и поэты выступают «рев-

нителями национальной культуры» и ополчаются против русского языка и русской культуры. Такие глубоко порочные взгляды тоже имеют определенную теоретическую основу. В июне 1929 г. на встрече с украинскими писателями Сталин определил советскую культуру как «социалистическую по содержанию и национальную по форме». Эта противоречащая всему опыту мировой культуры формула рассматривалась как «выдающийся вклад» в марксизм. Еще Аристотель писал о единстве содержания и формы, по Сталину же форма оказывалась единственным носителем национальной культуры, а содержание — безнациональным. К чему же сводилась в этом случае форма? Сталин сам ответил — к языку. «Только на родном языке мы можем достигнуть этого», — говорил он¹. Если следовать этой глубоко неверной формуле, то Айтматов национален лишь в произведениях, написанных на кыргызском языке. Такой подход разобщал национальные культуры, препятствовал их диалогу.

На деле национальным в культуре прежде всего является содержание произведения. Причем это относится не только к художественной культуре, но и ко всем другим видам духовной культуры. Национальный характер содержания их зависит от следующих основных моментов: 1) способности творца культурных ценностей поставить в своем произведении проблемы особенно важные, актуальные для данного народа, данной нации; 2) умения использовать традиции национальной культуры, в том числе народной («фольклорной») — народного — мирозерцания, народной этики, педагогики, медицины, религии, искусства; 3) глубины раскрытия в работах по философии, общественным наукам, морали, теологии, в художественных произведениях особенностей национальной психологии — национального характера, национальных чувств, национального общения и т. д.; 4) опоры на имеющиеся национальные школы и направления в культуре. Это особенно важно для науки, в частности — для философии и этики.

Эти национальные моменты содержания пронизывают и форму произведения духовной культуры. Что же касается «языка» художественной формы, то его нельзя сводить лишь к литературному языку. Нация имеет свой язык символов, знаков, особый язык музыки, театра, живописи, религии. Он чрезвычайно значим для формы произведения.

Мы подробно останавливаемся на этом вопросе, ибо проблемы национального языка приобрели сегодня особенно важный и острый характер в межнациональных отношениях. Каждый человек должен иметь неотъемлемое право говорить на своем родном языке, учить на нем своих детей, развивать свою национальную культуру. Пример нашей страны (как и пример Индии) показывает, что насильственное принуждение говорить и мыслить на другом (не род-

¹ Стенограмма этой беседы впервые опубликована в журнале «Искусство кино». См.: Искусство кино. 1991. № 5. С. 134 (выделено мной. — Л. К.).

ном) языке никогда не приводило и не может привести к успеху. Овладение языком должно быть делом сугубо добровольным. В нашей стране постепенно складывается двуязычие — знание своего родного и русского языка. Если оно является результатом добровольного волеизъявления человека, его можно только приветствовать, ибо такое двуязычие способствует диалогу культур, открывает окно в необъятный мир русской и мировой культуры. Отход от сложившегося двуязычия был бы явным регрессом в культуре. Между тем, сейчас все громче звучат голоса ретроградов, требующих отказаться от него.

Разумеется, двуязычие предполагает необходимость овладения не только русским языком, но и языком коренной национальности для лиц, живущих в суверенном государстве или республике России. Это требование считаем совершенно справедливым. Жить в суверенном государстве или республике и не знать языка коренной национальности — значит проявлять явное высокомерие, пренебрежение к национальной культуре. Такое отношение к национальному языку среди русскоязычного населения еще очень сильно и вызывает законное возмущение коренной нации. Знание ее языка — своеобразный критерий уважения человеком коренной нации и ее культуры. Между тем, среди русскоязычного населения в республиках языком коренной нации, по данным 1989 г., владеет лишь 5—6 %.

Из рассмотренных теоретических положений вытекают крайне важные для социолога положения.

1. При исследованиях в районах со значительным процентом нерусского населения все инструменты исследования должны тиражироваться на двух языках.

2. Среди лиц, привлекаемых к проведению исследования, должно быть достаточное количество представителей коренной национальности, знающих оба языка.

3. При опросах важно выяснить не только знание русского языка и русской культуры лицами коренной национальности (а этим нередко и ограничивается исследование), но и знание русскоязычным населением языка и культуры другой компактно проживающей в данном регионе национальности.

4. При публикации результатов исследования необходимо использовать газеты, радио- и телепередачи и на языке национального меньшинства.

В современный период любое исследование, в котором затрагиваются национальные проблемы, вызывает обостренное (а подчас и болезненное) внимание. Поэтому в исследованиях по этой проблематике необходимы максимальная чуткость, тактичность, уважение к национальным чувствам и национальной культуре. Сегодня это условие соблюдается далеко не всегда.

До сих пор в исследованиях по национальной культуре абсолютизируется принцип классового подхода. Социолог обычно руко-

водствуется в этом случае ленинским «учением о двух культурах» в каждой национальной культуре. Подбор имен в рассмотренных выше учебных пособиях — характерный пример абсолютизации такого подхода. Конечно, культура всегда отражает интересы определенных классов, сословий, социальных слоев и групп. Но деление национальной культуры на «две культуры», одна из которых безоговорочно прогрессивна, а другая — столь же безоговорочно реакционна, до крайности упрощает действительное состояние национальной культуры.

Между крайними «полюсами» в культуре есть целый ряд переходных слоев, которые нельзя отнести только к «демократической» или «черносотенной» культуре. Следуя такому дихотомическому делению, уже упомянутые выше крупнейшие деятели русской культуры А. Фет, Ф. Тютчев, В. Соловьев, Н. Михайловский (этот список можно продолжить) до последнего времени считались у нас представителями реакционной культуры, что принципиально неправильно. Мы считаем, что давно уже пора отказаться от отжившей дихотомии «двух культур», которая и до сих пор проявляется в социологических исследованиях культуры. Начала проявляться другая ошибочная тенденция: если до последнего времени третировались религиозные и либеральные деятели русской культуры, то сейчас с неменьшим озлоблением некоторыми философами отрицается роль в национальной культуре революционной демократии — Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова и их соратников, революционных народников, и даже декабристов. Как видим, любая абсолютизация «классового подхода» неизбежно приводит к ошибочному анализу истории и современного состояния российской культуры.

Речь шла об общих теоретических проблемах национальной культуры. Но подавляющее большинство социологов имеет дело с изучением конкретного состояния межнациональных отношений в городе, районе, крае, республике. На этом уровне социологу приходится иметь дело с конкретными интересами людей разных национальностей, живущих часто на одной улице, в одном подъезде, работающих в одном трудовом коллективе. Исследование, проведенное екатеринбургскими социологами под руководством Б. Ю. Берзина, доказало, что такие работы могут играть значительную роль в предупреждении возможных межнациональных конфликтов. Задача социолога — выявить прежде всего самые «больные», «горячие» точки в межнациональных отношениях. Как оказалось, вопросы национальной культуры находятся здесь на одном из первых мест.

Опрошенные представители национальных меньшинств Екатеринбурга — татары, башкиры, немцы, евреи — сходятся в желании иметь свой клуб, свое национально-культурное общество, школы или классы с обучением на двух языках, родном и русском, газету. Характерно, что если люди старшего поколения, как правило,

не знают свой национальный язык и считают родным языком русский, то молодежь в большинстве уже знает или изучает национальные языки.

До революции в Екатеринбурге были католическая и протестантская церкви. В первые годы Советской власти их закрыли. До войны работал небольшой татаро-башкирский клуб, во время войны он был закрыт и до сих пор не возобновил свою работу. В послевоенные годы была закрыта и синагога. Так в городе не осталось никаких культурных учреждений национальных меньшинств. Оправдание похода против культуры национальных меньшинств искали в критике Лениным и Сталиным теории «культурно-национальной автономии». Согласно этой теории живущее на территории региона национальное меньшинство может сохранять свою культуру — иметь свои школы, клубы, детские сады, газеты и т. д. на своем родном языке. Эта теория австрийских марксистов О. Бауэра и К. Реннера (Шпрингера) считала возможным и существование национальных рабочих партий, что и было основным поводом для критики этой теории большевиками. Однако Сталин в работе «Марксизм и национальный вопрос» критиковал эту теорию отнюдь не только за разобщение рабочего класса по национальному признаку, но и за саму идею национально-культурной автономии.

Ей противопоставлялась территориальная автономия, т. е. автономия-определенной территории, распространяющаяся и на экономику, и на административное управление. Эта теория и была осуществлена после революции. Однако она совершенно не решала вопросов культурного развития национальных меньшинств, живущих на территории автономных республик. Более того, в значительной части республик представители некоренной национальности составляли не меньшинство, а большинство населения. Вопрос культурной жизни, прав человека на свою национальную культуру был совершенно не решен.

Очевидно, настало время пересмотреть отношение к теории культурно-национальной автономии, по крайней мере той ее части, которая касается не политических партий и движений (хотя сегодня фактически уже возникли молодые национальные политические движения и организации), а сферы культуры. Пока этот пересмотр идет недопустимо медленными темпами, что создает условия для появления очагов социальной напряженности в межнациональных отношениях. Необходимо учесть при этом, что границы национальных автономий создавались часто совершенно произвольно: районы с компактным армянским населением отошли к Азербайджану (часть Нагорного Карабаха с его столицей Степанакертом), осетинский народ оказался разделенным между Россией и Грузией, была создана Еврейская автономия в Хабаровском крае, где количество евреев никогда не превышало 5%. Произвольно был ликвидирован после войны целый ряд автономных республик, часть из которых (автономии немцев и крымских татар, например) до

сих пор не восстановлены. Крым одним росчерком пера был подарен Украине, неоднократно перекраивались границы между республиками. Все эти волюнтаристские акты создавали национальную напряженность, которая привела сегодня к ряду острейших национальных конфликтов, которые переросли в Нагорном Карабахе и Южной Осетии в гражданскую войну.

Исправить эти волюнтаристские акты сейчас очень трудно, а порой и невозможно. При этом важно не допустить новых очагов межнациональных конфликтов между суверенными государствами, бывшими республиками СССР.

С этой целью необходимо: 1) заключить Союзный федеративный договор в самой России; 2) договоры между суверенными государствами, бывшими республиками СССР, оговорив в каждом отдельном случае все спорные территориальные и иные проблемы; 3) неукоснительно соблюдать договор о создании СНГ; 4) систематически изучать состояние общественного мнения по вопросам межнациональных отношений, социальное самочувствие каждой нации и национальной группы в России в целом и в каждой из ее автономий. Решение последней из этих задач целиком ложится на социологов. Социолог выясняет потребности каждой из национальных групп на территории города или района.

Национальной группой можно считать лиц некоренной национальности, численность которых в исследуемой общности достаточна велика для создания собственных учреждений культуры (детские сады, клубы, школы), т. е. не менее 500—1000 чел. В нее войдут люди, идентифицировавшие себя с данной нацией или народностью. В ходе исследования выясняется¹: 1) социальное самочувствие в данном регионе (испытывают ли какие-либо ограничения вследствие своей национальной принадлежности, были ли случаи оскорбления достоинства по национальному признаку, испытывают ли страх, считая возможными различного рода межнациональные конфликты и эксцессы?); 2) степень знания национальной культуры и национального языка; на каком языке осуществляется внутрисемейное общение, приобретение книг, подписка на газеты и журналы на национальном языке, приобретение соответствующих записей (видеофильмов); 3) наличие родственных или дружеских связей с лицами данной национальности, живущими в этом регионе, в других регионах (автономиях) России, в других государствах. Наличие у опрашиваемого друзей — представителей других национальностей; 4) степень знания русского языка и русской культуры; 5) отношения к представителям других национальностей. Конечно, такие «лобовые» вопросы, совершенно неуместны. Можно получить косвенный ответ на этот вопрос, спрашивая, например, согласился бы реципиент с тем, чтобы его дети сочетались браком с представителями других наций, безразлична ли ему на-

¹ Используются методики екатеринбургского социолога А. Э. Гуцшиной.

циональность его коллег по работе, соседей по дому и т. д.; 6) наличие потребности в национальном культурном объединении, в детских садах и школах (классах) на национальном языке, концертов, телевизионных и радиопередач, газет и т. п.; 7) отношение к национальной политике государства, к распаду СССР, созданию независимых суверенных государств. Мнение о тенденциях дальнейшего развития межнациональных отношений.

Перечень этих вопросов — **сугубо примерный**. Очевидно, в каждом регионе есть свои специфические проблемы, общественное мнение по поводу которых и должен выяснить социолог.

В регионах, где существует острая напряженность межнациональных отношений, при местных Советах должны быть созданы специальные социологические исследовательские центры, которые еженедельно давали бы Советам сводки, характеризующие мнения и настроения представителей разных национальностей. Здесь необходимо отработать методику экспресс-опроса и иметь соответствующие репрезентативные выборки реципиентов.

* * *

Каждая национальная культура имеет ценности, находящиеся в непосредственном обращении в данную эпоху, и ценности, которые уходят в небытие или же составляют своеобразные «запасники» данной национальной культуры. Речь об этом пойдет в следующей главе.

Глава 6. АКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В 1988 г. в России только на русском языке издавалось 3759 журналов; в этом же году было издано 4510 наименований книг и брошюр. В стране существует 358 государственных театров, множество хозрасчетных, кооперативных и других студий, на территории бывшего СССР ежегодно выпускалось 270—280 только художественных фильмов. Этот перечень можно было бы продолжить. Заметим, что названы только новые, появляющиеся на свет творения культуры. А сколько находится «в обороте» старых, известных, но не умерших и по сей день! Ни один человек, даже самый любознательный и одаренный, не может освоить всю национальную культуру: буквально ежедневно появляются новые и новые произведения. Даже специалисты, изучающие историю культуры, вынуждены обычно ограничиться только одним ее видом (литература, религия, наука, мораль и т. д.) и одним ее периодом, при этом такие периоды имеют тенденцию ко все большему сокращению. Тем более избирательно осваивают культуру люди, не являющиеся специалистами по ее истории.

Но на чем должна основываться эта избирательность? Где ее критерии? Предположим, что социолог выяснил: один опрошенный не знает имени плодовитого русского писателя второй половины XIX в. П. Боборыкина, в другом же случае опрошенный не мог сказать, кто такой М. Мусоргский. Очевидно, второго мы заведомо назовем некультурным, а незнание Боборыкина еще ничего не говорит нам о культурном уровне человека. На чем же основывается такое суждение?

Именно в поисках такого основания и было введено понятие «актуальная культура»¹.

Актуальная культура прежде всего — временное (и в определенной мере пространственное) понятие. Оно призвано выделить те ценности культуры прошлого, культуры других стран и народов, которые реально функционируют в данном обществе, в данную конкретную эпоху. Образно говоря, это понятие помогает отделить «живую», находящуюся в реальном обращении культуру от культуры «мертвой» или «невостребованной» в данный период. Коль скоро идет речь об актуальной культуре, закономерно возникает вопрос — есть ли «неактуальная» культура? Да, такая культура существует. Кто-то назвал культуру «великим кладбищем», во всяком случае это сравнение не лишено смысла. Неактуально в культуре то, что перестало реально функционировать в культурной коммуникации, «умершие» ценности и нормы культуры. Попытки их искусственной реанимации бесперспективны. Ряд произведений культуры, не нашедших отзвука (вспомним Ф. Тютчева: «как наше слово отзовется?») в сердцах людей, неизбежно уходит со сцены, «умирает» и в лучшем случае, да и то не всегда, становится объектом изучения специалистов по истории этого вида культуры данного периода. При этом некоторые из них могут, казалось бы, неожиданно «воскреснуть» из небытия и снова оказаться в живом культурном процессе. Так «воскресла» в наши дни церковная музыка прошлых веков, «воскресли» из забвения стихи крупных поэтов русской эмиграции: Г. Иванова, В. Ходасевича, Н. Агнивцева, И. Северянина и многих других поэтов, преследовавшихся в годы тоталитарного режима. Таких примеров в истории культуры немало.

Изучающий культуру социолог должен учесть, что единой актуальной культуры в обществе не было и нет. В каждой из систем культуры общества есть своя актуальная культура. Так, скажем, для религиозно-мистической культуры актуальными сегодня стали произведения крупного мистика Е. Блаватской, хотя в актуальную культуру других групп общества они не входят. Ценности современной рок-музыки актуальны прежде всего для «молодежной» культуры и т. д. Следовательно, к актуальной культуре необходим

¹ Его современная интерпретация содержится в прекрасной статье В. Т. Шапко. См.: Шапко В. Т. Актуальная культура: (проблемы исследования) // Политика и культура, Свердловск, 1991.

конкретно-исторический подход, которого не было в работах по этой теме.

В актуальную культуру разных систем культуры данного общества прежде всего включаются **общечеловеческие ценности**, сближающие все системы культуры одного и того же общества. Практика показывает, что узкоклассовые ценности любого класса **преходящи** и рано или поздно уходят из «живой» культуры. Общечеловеческое же остается и становится непреходящим достоянием **мировой культуры**. Любая абсолютизация принципа классового подхода ведет к неверному пониманию актуальной культуры, ибо в этом случае в нее включаются прежде всего и главным образом **преходящие ценности**, выдвинутые идеологами этого класса, а общечеловеческие ценности либо вообще отрицаются, либо отодвигаются на второй план.

Подчас актуальную культуру ошибочно сводят только к гуманитарным ценностям, а иногда — только к искусству. Это неверно. В наш век НТР незнание сущности теории относительности — не меньшее невежество, чем незнание музыки Моцарта. В **каждом виде культуры** — науке, этике, религии, медицине и др. — есть **своя актуальная культура**, т. е. слей доступной каждому и необходимой для всех культуры. В каждом из этих видов актуальную культуру следует отличать от **профессиональной**. Скажем, общие понятия об атоме должны быть у каждого, но вот анализ мю-мезонов или спина электрона — проблемы профессиональной культуры и специальных знаний физика. Грань между актуальной и специальной, профессиональной культурами здесь очень тонка и подвижна: ведь еще в начале века та же теория относительности была известна лишь узкому кругу специалистов.

Уже из сказанного выше ясно, что актуальная культура имеет сложную **структуру**. Она состоит из нескольких слоев.

1. **Слой общечеловеческих, непреходящих ценностей**. Он сравнительно невелик по объему, однако имеет интернациональный характер и присущ различным культурам внутри культуры каждой страны. Гомер и Леонардо, Рафаэль и Шекспир, Пушкин и Гете, Гегель и Кант, Ньютон и Эйнштейн, Достоевский и Л. Толстой и др. — таков масштаб деятелей культуры, которых можно отнести к этому слою.

2. **Национальная классика**. В других странах она менее известна широким массам населения и является преимущественно достоянием специалистов. Из русских деятелей культуры сюда можно было бы отнести таких писателей, как Куприн, А. Андреев, Короленко, Брюсов и др., таких художников, как В. Маковский, Шишкин, Кустодиев и др., таких композиторов, как Бородин, Римский-Корсаков, Скрябин и др. Этот слой значительно шире и отношение к его ценностям значительно более избирательно.

3. **Произведения деятелей культуры прошлого и современности**, поддерживаемые одними культурами (направлениями, школами)

внутри страны, но отвергаемые другими. Назовем хотя бы имена таких современных публицистов, как Г. Попов, Ю. Черниченко, В. Бондаренко, И. Шафаревич и др., писателей В. Аксенова, Э. Лимонова, Ю. Бондарева, Е. Евтушенко и др. А какие баталии шли вокруг творчества В. Высоцкого, А. Галича, Ю. Визбора и др. Особенно четко такое размежевание касается ценностей политической культуры, но оно имеет место и в других видах культуры: В науке противостоят разные школы и направления, в теологии идет непрерывная борьба с неканоническими апокрифами и ересями. Правда той или иной стороны доказывается практикой времени. Ведь даже А. П. Чехову один из недоброжелательно настроенных к нему критиков предрекал, что он умрет в полной безвестности под забором.

4. Самым широким и мощным в любой культуре является тот непрерывно меняющийся слой, который мы называем современным «культурным потоком». Он окружает нас со всех сторон. В этом постоянно обновляющемся потоке могут оказаться и замечательные произведения, которые станут со временем классикой, но все же основная масса произведений этого потока обречена на забвение чуть ли не сразу после их появления. Этот «поток» всегда был, есть и будет. Его культурная ценность несомненна. Это тот незаметный процесс проб и ошибок, который прокладывает незримо, но твердо дорогу гению, готовит победу нового направления в культуре. Этот поток необходим: он создает «фон» для таланта и гения.

5. Наконец, особое место в актуальной культуре занимают те «невостребованные» ранее произведения, которые обогнали свое время и лишь сейчас получили свою аудиторию. Такова судьба творений Рембрандта, Гогена, Ван-Гога, русского поэта В. Хлебникова и мн. др. Великого казанского математика Н. Лобачевского даже Чернышевский считал сумасшедшим. Он создал неевклидову геометрию слишком рано и не дожил до ее триумфа. Причиной «невостребованности», как уже говорилось, могут стать идеологические догмы, цензура, инакомыслие автора. В каждой культуре, в каждую эпоху «воскресает» большее или меньшее количество таких «невостребованных» деятелей культуры и их произведений.

Границы между всеми указанными выше слоями весьма условны и подвижны. В своем единстве они и составляют актуальную культуру.

Пожалуй, все оказанное выше убеждает в том, что сам термин «актуальная культура» некорректен: точнее было бы говорить об **актуальной части** любой культуры. Ведь и в каждой профессиональной культуре тоже есть «живое» и ушедшее, «умершее». Однако термин «актуальная культура» уже получил права гражданства в культурологии и его можно употреблять, если вкладывать в него верное содержание.

Наиболее сложным является для социолога вопрос о **нормативности** актуальной культуры. Актуальная культура — тот минимум,

которым должен обладать каждый. Это, если так можно выразиться, требования социума, тех или иных культурных групп к каждому их члену. Но в этом и заложены внутренние противоречия актуальной культуры, с которыми неизбежно сталкивается социолог, изучающий культурный уровень различных слоев населения.

Во-первых, единой актуальной культуры в каждом современном обществе не существует. Следовательно, может показаться, что нет и единых требований общества к культуре каждого человека.

Во-вторых, как совместить эти требования со свободным выбором каждого человека? Ведь мы выбираем ценности культуры соответственно нашим индивидуальным вкусам, потребностям, ориентациям. О каких же общих требованиях актуальной культуры можно говорить в этом случае?

Остановимся подробнее на этих противоречиях.

Вернемся к тем слоям актуальной культуры, о которых речь шла выше. Бряд ли кто-либо будет оспаривать нормативность, общеобязательность освоения тех великих, непреходящих, общечеловеческих ценностей актуальной культуры, которые мы отнесли к первому из ее слоев. Можно ли считать себя культурным человеком (и быть им!) без освоения творчества Пушкина, Шекспира, Гете, Достоевского, Моцарта, Бетховена, Чайковского и др., без знания основ естественных наук, географии, логики — без освоения общечеловеческих ценностей культуры? Ответ на этот вопрос понятен. Потому эти ценности и являются общечеловеческими, что они должны быть достоянием всех и каждого. Если они не стали еще достоянием тех или иных людей, то это значит только то, что таких людей ни в коем случае нельзя считать культурными.

Понятно, что речь идет в данном случае отнюдь не о том, чтобы каждый знал все творчество Шекспира или Бетховена: это достояние специалистов. Мы имеем в виду освоение их основных произведений. Здесь на помощь приходят массовые издания избранных творений гения, отобранных знатоками его творчества. С них надо во всяком случае начинать освоение мировой классики. В христианской религии таким «началом» является Библия. Можно оставаться убежденным атеистом, но изучение Библии необходимо каждому культурному человеку, ибо в ней заложен ключ к пониманию всех пластов культуры христианских стран в последние два тысячелетия — искусства, философии, морали. В магометанской религии таким «началом» стал Коран. Подобные общеобязательные «начала» есть и в математике, и в химии, и в физике — в любой сфере культуры.

Этот критерий определен для всех живущих на Земле людей. Без него не было бы и мировой культуры — достояния всего человечества в целом и каждого человека.

Сказанное можно отнести и ко второму слою — ценностям национальной культуры, хотя и не получившим всеобщего признания во всем мире, но общеобязательным и нормативным для каждого

представителя данной нации. Что же касается третьего слоя, то его ценности, разделяемые представителями данной культуры внутри национальной культуры, разумеется, нормативны лишь для тех групп людей, которые поддерживают эту культуру. Вот почему знание произведений Ю. Бондарева или Д. Гранина, С. Куняева или А. Рыбакова я не считал бы общеобязательными для всех членов общества в отличие, скажем, от басен Крылова или от «Горе от ума» Грибоедова. Здесь и оказывается для социолога необходимым предложенное нами понятие **культурной группы**. У каждой из таких групп есть свои нормативные требования к культурному уровню своих членов. Они императивны и обязательны для данной культуры и ее групп и только для них.

Каждая из существующих в обществе культур предлагает свои нормативные требования к человеку. Игнорируя их, человек не найдет референтную группу среди представителей данной культуры. Вот почему в духовной жизни данного общества бывает так много «маргиналов», порвавших с одной культурой, но еще не освоивших другую, и «изгоев» — людей, попавших в своеобразные «ниши» между разными культурами. Каждая из культур внутри общества имеет и своих ревностных фанатичных сторонников и более критически относящихся к ней людей. Вот почему культурные группы обычно неустойчивы, непостоянны, их состав постоянно изменяется.

Говоря о разных культурах в рамках одного общества, одной национальной культуры, следует подчеркнуть, что какие бы ни были эти группы, их представители не могут нигилистически отрицать ни общечеловеческие культурные ценности, ни общие ценности национальной культуры. Группы, отрицающие их (а таких история знала и знает немало), вообще порывают с культурой, являя собой образцы дикости и мракобесия.

Короче говоря, в актуальной культуре есть ценности нормативные, общеобязательные: а) для всех людей на Земле, всего человечества; б) для данной национальной культуры; в) для представителей данной культуры внутри национальной культуры.

Так сочетаются наличие ряда культур в национальной культуре и нормативные требования актуальной культуры. Необходимо категорически отвергнуть попытки представителей одной из культур внутри страны «отлучить» представителей других культур от русской национальной культуры. А такие попытки непрерывно предпринимаются.

Перейдем к ответу на второй из поставленных выше вопросов: как сочетать нормативность актуальной культуры со свободой выбора духовных ценностей? В отношении первых двух слоев здесь преобладает **нормативность**. Конечно, один человек больше любит Достоевского или Чехова, чем Тургенева, а другой — наоборот. Но знать основные их произведения ~~должен~~ **должен** каждый — культурный человек. Предпочтение естественных наук гуманитарным и искусству отнюдь не освобождает от знания последних, точно так же,

как и прирожденного гуманитария — от знания определенного минимума естественных наук. «Чистый» физик и «чистый» лирик — в равной степени малокультурные люди. Свобода выбора проявляется здесь, очевидно, в том, что один человек ограничится неким минимумом общеобязательных знаний, а для другого этот минимум окажется явно недостаточным.

Что же касается произведений, отнесенных к третьему слою актуальной культуры, то здесь свобода выбора явно преобладает над нормативностью. Конечно, знание произведений, относящихся к другой культуре, в принципе желательно, ибо оно способствует общему развитию личности, но обязательным его назвать нельзя.

Могут сказать, что такая постановка вопроса ограничивает свободу выбора в культуре. Несомненно ограничивает. Но ведь неограниченной свободы, свободы «без берегов» ни в одной из сфер человеческой деятельности принципиально не существует. Ограничена она и в культуре. Не случайно еще Гегель подчеркивал, что овладение культурой не забава и развлечение, а тяжкий труд, требующий напряжения и усилий.

Так в актуальной культуре сочетаются необходимость и свобода, вечное и преходящее, общее, особенное и отдельное (общее — общечеловеческие нормативные требования, особенное — требования данной культуры, ее культурных групп).

Как видим, выделение актуальной культуры не только не противоречит плюрализму культур в нашем обществе, но и способствует ему.

Дело осложняется еще и тем, что актуальная культура — процесс, течение. В ней появляются новые лидеры, новые нормативные требования, а некоторые требования устаревают, сходя со сцены. Например, в послевоенные годы одним из самых любимых поэтов молодежи был Э. Асадов. Не знать его творчество считалось в молодежной среде признаком явной некультурности. Сейчас же его стихи известны лишь немногим и знание поэзии Асадова уже перестало считаться нормативным требованием даже в молодежной культуре.

Если современный исследователь молодежи возьмет перечень тех авторов и произведений, которые предлагались для выяснения культурного уровня молодежи конца 60-х гг.¹ и предложит их современным юношам и девушкам, он допустит большую ошибку: многие из наиболее популярных в то время произведений сейчас уже забыты. То же касается и наиболее популярных фильмов, артистов, певцов. Многие ли знают сегодня, скажем, имена самых популярных у молодых людей тех лет артистов С. Гурзо, П. Алейникова? Их место заняли новые лидеры. Тем более это можно отнести к исследованиям более ранних лет.

Из выдвинутых выше теоретических положений вытекает ряд

¹ См.: Коган А. Н. Искусство и мы. М., 1970.

важных для социологических исследований культуры выводов. Подробнее остановимся на них.

Для социолога крайне важно иметь отправную модель актуальной культуры в той ее части, которая является **общеобязательной** для всех и содержать те «начала», опираясь на которые человек может дальше успешно заниматься самообразованием. Во всем мире такой моделью является **школьная программа**.

Рассматривая ее как своеобразную первичную «модель» актуальной культуры, я никоим образом не отождествляю ее с актуальной культурой. Модель, как известно, никогда не может быть тождественной моделируемому объекту. Школьная программа, естественно, не может отразить все изменения актуальной культуры. Школа не может ограничиться только первыми двумя слоями актуальной культуры, она должна в какой-то мере знакомить учащихся и с современным «культурным потоком». В старших классах школа в какой-то мере по выбору учащихся дает и некоторые первичные основы профессиональных знаний. Однако при всем этом нигде, кроме общеобразовательной школы, ученик не может получить систематическое представление об основах мировой и национальной гуманитарной и естественно-научной культуры.

Сегодня надо прямо сказать, что у нас школьная программа моделью актуальной культуры **не является**. Это наносит непоправимый урон культурному развитию входящих в жизнь поколений.

Во-первых, в ней отсутствует даже самый элементарный материал по истории мировой культуры. Выпускники школ не получают самых элементарных представлений об истории **философии**. Например, о Платоне и Аристотеле даже отличники школ могли сказать только то, что один из них идеалист, а другой — материалист, но оба — «идеологи рабовладельцев». Имена Спинозы, Гегеля, Канта большинству школьников вообще неизвестны, а если известны, то только своими «ошибками и заблуждениями». Школьники не получают самых начальных представлений по истории мирового искусства и мировой науки. Они плохо знают иностранный язык, не имеют ни малейшего представления об этике, о логике и психологии, об истории религии. О какой же «модели» актуальной культуры в этом случае можно серьезно говорить! Односторонний физико-математический уклон средней школы привел к бездуховности целых поколений ее выпускников.

Сегодня в ряде школ положение начало изменяться, зато появилась новая опасность. Разделение школ, их специализация в области естественных или гуманитарных наук с начальных классов может привести к одностороннему развитию учащихся. Ознакомление с программами ряда лицеев гуманитарно-художественной направленности показывает, что их выпускники будут плохо знать основы математики и естественных наук. Здесь предстоит еще огромная работа ученых и педагогов, в которой не последняя роль отводится и анализу мнений самих учащихся и их родителей.

Во-вторых, в процессе исследований реального состояния духовной культуры различных групп населения необходимо учитывать слои самой актуальной культуры, а именно выяснить степень освоения ими минимума ценностей общечеловеческой мировой культуры, национальной культуры, ценностей современного «культурного потока», их принадлежность к той или иной из существующих в нашем обществе культур.

В зависимости от итогов такого исследования социолог может определить характерные именно для данного слоя населения, для тех или иных социальных и демографических общностей **культурные группы**. Сегодня же в ходе исследований эти различные по своему характеру и степени императивности элементы актуальной культуры непозволительно смешиваются.

В-третьих, в итоге исследования социолог сможет при таком подходе выяснить характерные черты актуальной культуры каждой из культурных групп. Пороком современных исследований культуры является именно отсутствие дифференцированного подхода к самой актуальной культуре. До сих пор еще не изжит миф о единой для всего нашего общества культуре и разной степени ее освоения представителями тех или иных социальных и демографических общностей людей.

В-четвертых, при изучении актуальной культуры любой из культурных групп важно выяснить степень **свободы** личности в выборе духовных ценностей, типичные для этой группы потребности, интересы и вкусы, проявляющиеся в этом выборе. При этом работа одной и той же бригады или студенты одного и того же курса института могут оказаться (и, как правило, оказываются) в разных культурных группах.

В-пятых, огромное эвристическое значение имеют полученные социологами данные о реальных изменениях актуальных культур общества. Например, сегодня наблюдается процесс политического и культурного сближения неомошэвизма с крайними правыми группами, проповедующими национал-шовинистическую культуру. Изучение тенденции изменения актуальных культур может явиться основой для определения общих тенденций изменения духовной жизни страны.

В-шестых, сами инструменты социологического исследования должны быть составлены так, чтобы реципиент имел необходимый **выбор** вариантов культурных позиций. Иначе говоря, важно выявить не только степень освоения общечеловеческих ценностей мировой культуры, но и **отношение** опрашиваемого к этим ценностям. Не секрет, что и сегодня встречаются люди, считающие всю западную культуру «культурой империалистической буржуазии» и отрицающие необходимость ее освоения. Тем более имеется немало людей, принципиально отвергающих необходимость для молодежи изучения истории религии, Библии, Корана.

В анкетах всегда надо дать возможность респондентам свободно

выбирать ценности, относящиеся к различным культурам. Нередко подбор имен и произведений, фигурирующих в анкете, сделан тенденциозно, односторонне и отражает личную культурную позицию социолога. Позиции человека по отношению к культуре отражает не только выбор имен и произведений, но и его мнения по вопросам культурной политики. На выбор респондента можно поставить противоположные альтернативные суждения. Приведем соответствующие примеры:

1. Некоторые считают, что порнографию и культ насилия надо категорически запретить законом и наказывать административными мерами людей, допускающих их пропаганду.

2. Другие полагают, что запреты в данном случае бесполезны. Порнография и проповедь насилия могут быть вытеснены лишь пропагандой высоких нравственных идеалов.

С каким из этих мнений Вы согласны?

Подобные альтернативные мнения можно дать и по другим проблемам: по отношению к культуре Запада, по отношению к ряду явлений российской национальной культуры, например, к наследию русских религиозных философов и т. д. Постановка в анкете таких альтернатив поможет более полно дать типологию актуальных культур.

Наконец, в — седьмых, социолог не может целиком взять на себя подбор имен и произведений, фигурирующих в анкете, равно как и интерпретацию полученных по каждой группе результатов. Поэтому для исследования актуальной культуры (актуальной части каждой культуры) необходимо привлечение экспертов-специалистов. Без их помощи и инструментарий, и выводы социологов могут оказаться субъективными.

Актуальную культуру следует выделять при анализе любой национальной культуры народов России, при изучении специфики культуры города и деревни. Национальный и поселенческий аспекты актуальной культуры у нас вообще еще никем не исследовались.

Глава 7. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Эта и последующая главы включают материал, относящийся фактически к самостоятельным социологическим научным дисциплинам. Социология образования, социология науки, морали, религии, искусства, социология общественного сознания обычно не включаются в социологию культуры, а изучаются параллельно с ней. Верно ли это? Ответить на поставленный вопрос можно словами известного русского философа Г. Шпехта: «Такие обнаружения культурного сознания, как искусство, наука, право и т. д. — не но-

вые принципы, а модификация и формы единого культурного сознания»¹.

Действительно, единая культура конкретно выражена в своих модификациях; культурной ценности вне этих модификаций не существует, есть ценности науки, искусства, религии и т.д. Конечно, никто не может оспаривать, что «Война и мир» А. Н. Толстого имеет глубочайшую философскую, нравственную и религиозную ценность. Однако неоспоримо и то, что это произведение прежде всего — ценность искусства.

Каждая из модификаций культуры имеет свой предмет, свои методы изучения, свою историю и т. д. Но не видеть того, что во всех этих случаях речь идет о ценностях культуры, значит за деревьями не видеть леса, за частью — целое.

Поэтому необходимо рассмотреть эти дисциплины в курсе социологии культуры, но под одним углом зрения, а именно — их культурного смысла и значения. В данном пособии мы остановимся лишь на социологии образования и социологии общественного сознания.

* * *

Гегель нередко вместо латинского слова «культура» употреблял немецкое «Bildung»², что в буквальном переводе означает «образование». Человек образует себя как особую индивидуальность.

Этим Гегель подчеркивал единство образования и культуры, рассматривая его как «просветительскую» культуру, как часть культуры. Однако современная система образования во всех странах отпочковывалась от системы культуры и представляет собой сравнительно самостоятельный социальный институт. Получение новых знаний, навыков, умений длится всю сознательную жизнь человека, продолжаясь до старости как **самообразование**. Социология образования в нашем веке повсеместно выделилась в особую социологическую дисциплину. В широком (гегелевском) смысле слова образование охватывает всю деятельность человека по освоению культуры. Так, например, выдающийся русский педагог Е. Н. Медынский, включал в образование и занятия искусством, и посещения театров, концертов, и даже занятия спортом³. В строгом смысле это, очевидно, верно, однако в мировой практике сферу образования и культуры обычно разделяют. Главный водораздел между ними проходит по следующей линии: образование не включает в себя созидание оригинальных культурных ценностей и связано преимущественно с освоением уже **накопленных ценностей**, совокупного социального опыта.

Социология образования призвана дать ответ на следующие

¹ Шпехт Г. Внутренняя форма слова. М., 1927. С. 37.

² См.: Гегель Г. Соч. М.; Л. 1934. Т. 7. С. 215.

³ См.: Медынский Е. Н. Внешкольное образование, его значение, организация и хроника. 5-е изд. М., 1918. С. 18—19.

вопросы: 1) в какой мере существующая система образования удовлетворяет общественные потребности в образованных, подготовленных людях, в том числе в специалистах в разных отраслях народного хозяйства; 2) в какой степени эта система удовлетворяет потребности и интересы самих обучающихся; 3) что является стимулом образования: практические, инструментальные нужды или же превращение потребности в знаниях в самоцель личности; 4) влияние образования на все системы общественной жизни; 5) перспективы и тенденции развития образования, пути достижения оптимальной взаимосвязи всех элементов этой системы.

Изучение системы образования, социологом может происходить по «горизонтали» — анализ его отдельных подсистем: средней и высшей школы, внешкольного образования, профессионально-технического обучения и т. д., и по «вертикали» — анализ кадров всех подсистем образования, преподавания русского языка во всех типах учебных заведений, состояния технических средств обучения и т. д.

Изучение социологии образования неразрывно связано с исследованиями **интеллектуальной культуры**. Этот термин, к сожалению, не получил еще права гражданства в нашей социологической литературе. Интеллектуальная культура ничего общего не имеет с многознанием. Это такое развитие интеллекта, которое дает возможность человеку сознательно и целенаправленно осваивать духовные ценности, не только нужные ему для профессионального труда, но и развивающие его интеллект, его духовное богатство. Интеллектуальная культура характеризуется не только (а может быть и не столько) объемом имеющихся у индивида знаний, но и отчетливым пониманием того, что он не знает, но должен узнать. В этом смысле интеллектуальная культура постоянно стимулирует **самообразование и саморазвитие личности**.

Интеллектуальная культура сближает образование и науку, способствующие ее обогащению. Образование, по нашему мнению, должно быть подчинено не столько процессу простого освоения знаний, сколько задаче развития интеллектуальной культуры. В настоящее время и средняя и высшая школа у нас плохо подготовлены к реализации этой важной задачи.

Социолог образования, разумеется, не должен подменять специалистов в области педагогики, которые сегодня все более широко проводят социально-педагогические исследования, он не должен заниматься вопросами дидактики, содержания учебных планов и программ или оптимизации учебных пособий, ибо эти вопросы не входят в его компетенцию.

Социология образования у нас, как правило, включает и **социологию воспитания**, хотя это представляется не вполне верным: скажем, семейное воспитание или воспитание в трудовом коллективе, воспитание в ходе клубной деятельности и т. д. выходят за рамки социологии образования. Нет сомнения, что социология вос-

питания не в меньшей мере связана с социологией культуры, чем с социологией образования.

Образование представляет собой самостоятельный **социальный институт** и одновременно является особым видом человеческой деятельности по получению знаний, навыков и умений, по формированию собственной личности. Соответственно, возможны два подхода к социологии образования — **институциональный** и **личностный**. В первом случае акцент делается на изучении учреждений образования; во втором — на потребностях, интересах и мотивах образовательной деятельности личности. Но в обоих случаях речь идет о формировании **интеллектуальной культуры** личности, группы и общества в целом.

Социология образования имеет ряд общих с социологией культуры закономерностей: ведь, в конце концов, образование составляет «почву» для культуры; культурный уровень народа, его слоев, зависит от состояния и эффективности образования. Современный кризис культуры в нашей стране во многом является непосредственным следствием кризиса образования. Образование практически реализует основную задачу культуры — формирование личности. Как и культура в целом, оно зависит от общего состояния общества, его экономической, политической и духовной жизни, хотя и имеет свои внутренние закономерности.

Эффективность системы образования зависит от целого ряда взаимосвязанных факторов: 1) степени сформированности у людей, особенно у молодежи, **внутренней потребности** в приобретении знаний, степени превращения этого процесса в **самоцель** личности; 2) ассигнований общества на образование, состояния **материальной базы** всех его учреждений; 3) подготовки **кадров** преподавателей для всех видов учебных заведений и внешкольных учреждений; 4) оптимальности взаимодействия всех элементов самой системы образования; 5) престижа образования в сознании общества; 6) качества господствующих методов обучения и состояния педагогической науки.

Анализируя состояние системы образования, социолог рассматривает каждый из перечисленных выше факторов, интеграция которых и определяет это состояние. Современный кризис образования в нашем обществе определяется тем, что ни один из факторов не удовлетворяет стандартам цивилизованного общества и не обеспечивает необходимый уровень образования населения. Сравнительно высокие цифры статистики не должны нас обманывать, ибо фактический уровень знаний далеко не всегда соответствует имеющимся аттестатам и дипломам. Как известно, в ряде стран Запада не признают дипломы наших медицинских, технических и других вузов, имея к тому достаточные основания.

Направления социологических исследований системы образования как раз и связаны с изучением каждого из перечисленных выше факторов, кроме последнего, изучаемого педагогической нау-

кой. В противоположность точке зрения ряда советских социологов, считающих основным, исходным пунктом социологии образования его учреждения (школы, ПТУ и т. д., мы, согласно изложенной выше концепции культуры, исходим из состояния **потребности** самих людей в овладении знаниями. В конце концов, можно добиться резкого улучшения материальной базы учебных заведений, перестроить подготовку педагогических кадров, повысить их заработную плату и т. д., но пока в сознании всех групп населения, прежде всего молодежи, образование не станет подлинной **ценностью**, самоцелью, коренного изменения в культурном уровне населения не произойдет. Можно заставить человека принудительно трудиться, но нельзя заставить принудительно развиваться, осваивать основы наук.

Соответственно, еще в начале 70-х гг. мы предложили различать **производственно-необходимые** требования и требования социально, **общественно-необходимые**, понимая под последними требования цивилизации к общему, политическому, нравственному, духовному развитию личности. А. И. Солженицын справедливо разделял людей, получивших высшее образование, на небольшую группу действительно интеллигентных людей и «образованцев», получивших узкие прикладные знания, но не обладающих подлинной интеллигентностью¹. Пока еще многочисленные перестройки школы не привели к упразднению такого разделения, ибо знания и культура еще не стали самоцелью в глазах значительной части общества. Однако термин «образованцы» далеко не всегда справедлив, наша молодежь не виновата в трагическом состоянии современной школы. К тому же, вопреки этому состоянию, из наших учебных заведений, как известно, вышло немало специалистов мирового класса.

Как бы ни улучшилось стационарное образование, школа (средняя и высшая) может дать человеку только **основы** знаний и **необходимые** навыки их получения. Основой приобретения нужных для жизни (а не только для работы по той или иной профессии) знаний всегда было, есть и будет **самообразование**. К сожалению, социология у нас совершенно не занималась этой проблемой, считая ее только объектом изучения психологии. Более того, у нас принято относить самообразование к периоду после окончания стационара (школы, техникума или вуза). Между тем, школьное или институтское обучение эффективно только в том случае, если образование сочетается с активным самообразованием, т. е. самостоятельной творческой работой ученика. Однако для этого учащийся должен быть заинтересован в процессе обучения, испытывать **внутренние потребности** в получении знаний.

Формы педагогической работы по формированию такой потребности — дело специалистов, а определить степень развития такой потребности может только социолог. Думается, что именно с этого

¹ См.: Солженицын А. Образованщина // Новый мир. 1991. № 5. С. 28—46.

и должен начинать свои исследования социолог образования. Если же такая потребность не выработана (что более типично для нашей действительности), то возникает задача выяснить причины, ее отсутствия. Может быть целый ряд причин: 1) низкий уровень преподавания, его авторитарный характер; 2) плохая материальная база обучения; 3) неудовлетворенность программой, учебниками; 4) общая атмосфера в классе, отрицательное отношение к желающим учиться и др. Социолог в данном случае выполняет свою образную диагностическую функцию.

Новой и весьма серьезной проблемой исследований является оптимальность новых типов школ со своими моделями образования (лицей, гимназии, технические, реальные школы, школы для одаренных детей и пр.). В какой степени эти модели обеспечивают формирование активного, творческого подхода к обучению? Такого сравнительного анализа еще не проводилось. Появление и развитие таких учреждений с социологической точки зрения — процесс бесспорно противоречивый. В целом его следует оценить положительно, ибо он необходим и неизбежен в современных условиях перехода к новым экономическим отношениям. Но при позитивной оценке нельзя не обратить внимания на ряд отрицательных его сторон.

Во-первых, он увеличивает социальное неравенство, неравенство «стартовых возможностей» человека. Даже менее способные дети, получая образование в таких специализированных учебных заведениях, могут обогнать в процессе социального продвижения людей, оканчивающих «обычную» (особенно сельскую) школу. Справедливо подчеркнуть, что такое неравенство было у нас всегда. Речь идет не о его возникновении, а о его усилении.

Во-вторых, среди приватизированных и хозрасчетных заведений есть немало таких, которые дают весьма урезанный по сравнению с государственной школой объем знаний, особенно по физико-математическому и естественно-научному циклам. Это существенно ограничивает свободу их выпускников при выборе профессии. Они оказываются недостаточно подготовленными для поступления в соответствующие высшие учебные заведения.

Во всяком случае, позитивные и негативные стороны появления новых типов учебных заведений нуждаются в специальных социологических исследованиях.

Социология должна помочь найти оптимальные формы сочетания различных типов учебных заведений с тем, чтобы в стране создалась единая система учебных заведений, а не конгломерат фактически не связанных друг с другом разных их типов.

Перед страной стоит сегодня и другая не менее сложная проблема — нужно ли по-прежнему добиваться получения полного среднего образования всеми вступающими в жизнь молодыми людьми? Не секрет, что получение такого образования частью учащихся имело у нас чисто формальный характер: ученика «тяну-

ли», насильно заставляя его переходить из класса в класс при полном отсутствии у него потребности в обучении. В результате полученный им аттестат об окончании школы совершенно не отражал фактический объем имеющихся у него знаний. Очевидно, окончание средней школы должно быть совершенно добровольным делом.

Однако уход части подростков из школы после окончания 9-го класса может привести к общему понижению и без того низкого культурного уровня населения. Такие люди не смогут освоить новую технику и технологию и могут оказаться со временем «аутсайдерами», потенциальными кандидатами в безработные.

К тому же практика говорит о том, что окончивший 9-й класс несовершеннолетний подросток не может устроиться на работу, а в профессионально-техническое училище идти не хочет. В результате появляется значительное количество подростков, которые не работают и не учатся. Такие подростки представляют собой весьма взрывоопасную среду, порождающую несовершеннолетних правонарушителей.

Только социология может найти выход из сложившегося острого противоречия. Не менее важно найти место в системе образования профессионально-техническим училищам и средним специальным учебным заведениям (техникумам). Нередко они дублируют друг друга, готовя кадры рабочих по одним и тем же специальностям. При этом ни те, ни другие чаще всего не знают действительной потребности производства в кадрах по этим профессиям. Уже давно предлагалось превратить современные техникумы в колледжи, окончание которых давало бы право поступления на 3-й курс высшего учебного заведения того или иного профиля. Целесообразно ли это? И здесь ответ должен дать социолог. Особенно остро стоит вопрос о сельской молодежи. Надо предполагать, что с внедрением фермерства и аренды на селе резко возрастет количество малых сел, а значит и потребность в малокомплектных сельских школах. Положение учителя в такой школе крайне тяжело: ему одновременно приходится вести несколько предметов в разных классах. Уровень образования детей, посещающих эти школы, как правило, очень низок. Такие школы невыгодны и в экономическом отношении. Однако без них не удастся ни заселить опустевшие «неперспективные» деревни и хутора, ни закрепить молодежь на селе. Мы снова столкнулись с антиномией, которую поможет разрешить социология.

Наконец, веское слово должна сказать социология и о принципах создания системы непрерывного образования. Последнее учреждение, которое, хотя и в очень малой мере, могло удовлетворять эту потребность, — народный университет — ныне не существует. Системы послешкольного образования в России вообще нет. Более того, с переходом на хозрасчет во многом разрушилась даже система повышения квалификации: с одной стороны, предприятия резко сократили ее финансирование, с другой — люди не хотят

идти на курсы, семинары и в институты повышения квалификации, ибо это связано с сокращением их реального заработка. С ликвидацией ряда министерств их институты повышения квалификации остались без хозяина. Все эти проблемы тоже встают перед социологией.

Мы назвали только некоторые из актуальных проблем совершенствования системы народного образования, которые не могут быть успешно решены без участия социологов.

Что касается **производственных** требований к образованию, то до сих пор ни ПТУ, ни техникумы, ни вузы не знают действительной потребности народного хозяйства в специалистах данной профессии и уровне их подготовки. В результате наблюдается перепроизводство специалистов одних профессий при остром дефиците специалистов иного профиля. Такое положение крайне нетерпимо в условиях перехода к рынку: оно может вести к росту безработицы и миграции молодых кадров на Запад. До сих пор отсутствуют и модели желаемого и нужного производству типа специалиста. А без таких моделей невозможно определить производственные требования к образованию кадров.

Новые условия хозяйствования могут привести к усилению следующих тенденций в сфере образования: а) повышение потребности в знаниях, связанных с новыми видами предпринимательской и коммерческой деятельности (знания в области конкретной экономики, биржевого дела, теории управления, программирования, менеджмента, иностранных языков и т. д.); б) вместе с тем, реальна опасность дальнейшего снижения интереса к гуманитарному знанию, к общественным наукам, к этике, эстетике и пр. А это в свою очередь может привести к уже намечающемуся узкому **практицизму** в образовании, к снижению числа действительно интеллигентных людей и увеличению доли узких специалистов. Повсеместно растет число краткосрочных курсов, семинаров и пр., не дающих прочных современных знаний, а «натаскивающих» людей по той или иной «модной» профессии. Важная задача социологии — глубокое изучение этих тенденций.

Сказанное выше свидетельствует о том, что столь долго готовящийся переход к рыночным отношениям все-таки оказался для народного образования России как бы неожиданным. Ни один тип учебных заведений фактически не готов к работе в новых условиях. Не готова к нему и социология образования: нет ни соответствующих исследований, ни апробированных методик.

Актуальна проблема **финансирования** образования, его материальной базы. Сегодня она не только экономическая, но и **социальная**. Ныне ясно, что правительство России обеспечить эту базу не может. Не сбывается и надежда на помощь предприятий: в условиях хозрасчета их шефство над школой постепенно сходит на нет. Какие же меры можно рекомендовать в этой ситуации? Пока же школы идут преимущественно по пути увеличения поборов с родителей.

Однако, как бы ни были остры и серьезны все указанные выше проблемы, первостепенным при всех обстоятельствах остается вопрос о степени развития **потребности** в образовании у учащихся. Сегодня и не проводя специальных исследований можно утверждать, что уровень ее развития в массе очень низок. Причины этого, очевидно, таковы: 1) большинство учащихся не представляют реальных требований рыночной экономики к образованию. Более того, среди школьников еще держится вера, что государство должно их обеспечить. Этой вере способствуют и безответственные обещания ряда политических лидеров; 2) господство авторитарной педагогики в школах убивает самостоятельность учащихся, тормозит формирование у них тяги к знаниям. Это во многом зависит от имеющегося состава учителей; 3) школа не дает учащимся представлений о рынке, не формирует у них стремления самостоятельно зарабатывать деньги. В условиях постоянного роста дороговизны жизни некоторые учащиеся стремятся получить деньги преступными способами; до сих пор во многих семьях родители стремятся уберечь своих детей от трудностей жизни, объективно способствуя этим формированию у детей иждивенческих настроений; 4) в условиях, когда большинство родителей в свободное время заняты дополнительным заработком, чтобы содержать семью, идет постоянное ослабление **социального контроля** за детьми, главную роль в формировании которых играет не семья и школа, а улица.

Проверить влияние этих (и, вероятно, других) факторов и должны социологические исследования. Здесь необходима совместная работа социологов и педагогов.

Пожалуй, самое сложное для социолога, изучающего проблемы образования, — анализ корпуса преподавателей школ, ПТУ, техникумов и вузов. Вряд ли социолог вправе выносить вердикт о профессиональных качествах и подготовке педагогов. Что же касается отзывов учащихся, их оценок деятельности педагогов, то, как известно, они далеко не всегда бывают справедливыми и компетентными.

Думается, что при анализе корпуса преподавателей социолог может изучать: а) удовлетворенность преподавателей материальными условиями их труда и быта, социальной атмосферой в коллективе, методической помощью в их работе; б) условия для повышения их профессиональной квалификации; в) наличие свободного времени учителя, повышение уровня его общей культуры; г) знание и освоение ими передового опыта, новых форм преподавания, современных средств обучения.

Положение учителя (особенно сельского) сегодня очень тяжело. Нельзя не согласиться с их требованиями, прежде всего — с требованием значительного повышения заработной платы. Без этого кризис образования преодолеть невозможно. Но отмечая справедливость этих требований, нельзя не видеть их односторонний характер: они практически никак не связаны с проблемой **улучшения**

качества преподавания. Об этом в многочисленных петициях учителей, увы, ничего нет. Но справедливо ли положение, при котором заработная плата учителя будет возрастать, а качество обучения будет оставаться прежним?

Очевидно, повышение зарплаты должно производиться дифференцированно, причем главным критерием такой дифференциации должен быть не стаж, а реальное качество преподавания. Найти такие критерии можно только в результате совместной работы педагогов и социологов.

Особо следует остановиться на социологических проблемах высшей школы, переживающей ныне тоже очень тяжелый период. В последние 15—20 лет объектом изучения социологов высшей школы явилось почти исключительно студенчество. Пожалуй, ни по одной социологической проблеме не появилось в этот период столько публикаций. Во всяком случае, количество социологических работ, посвященных студентам, значительно превысило количество социологических исследований российских крестьян. Такой подход к проблемам высшей школы наиболее прост, но явно односторонен.

Между тем, проблемы высшей школы сложны и многообразны. Отметим хотя бы некоторые из них.

Нуждается в серьезных социологических обоснованиях вопрос о многообразии типов высших учебных заведений, т. е. об «альтернативной» высшей школе. Будет ли она официально признана, т. е. будет ли давать своим выпускникам официальные дипломы о высшем образовании? Как может осуществляться переход студентов из них в государственную высшую школу и наоборот? В основательной социологической проработке нуждается вопрос «автономии» вузов. Сегодня такая «автономия» — не более чем красивая фраза, ибо основная часть финансирования высшей школы осуществляется государством.

В России в 1990 г. было 512 государственных высших учебных заведений. Не много ли это? Все ли они обеспечивают подготовку полноценных специалистов? Предпринятая правительственными органами аттестация вузов проводилась без участия социологов и пока не дала сколько-нибудь ощутимых результатов. Думается, что закрытие ряда вузов или перевод их на положение техникумов даст немалые средства для укрепления положения жизнеспособных институтов и университетов.

До сих пор не ясна и проблема дифференциации оплаты профессорско-преподавательского состава в зависимости от трудового вклада, вызывает острые споры порядок присвоения ученых степеней и званий и их влияние на оплату труда, дискусионен и вопрос о переходе на систему договоров с преподавателями по западному образцу. Словом, помимо изучения студенчества (которое, разумеется, должно продолжаться), перед вузовской социологией стоит целый ряд нерешенных проблем, которые вряд ли могут быть успешно решены без участия социологов.

Что же касается исследований студентов, то сегодня, когда нет государственного распределения и каждый имеет возможность свободного трудоустройства, по-новому встает вопрос о **жизненных планах и программах** студенческой молодежи. Как эти жизненные планы влияют на формирование потребности в получении знаний? Важен и интересен вопрос о влиянии типа среднего учебного заведения на процесс обучения в высшей школе. Пока, насколько известно, его никто не изучал. В многочисленных исследованиях студентов (как и учащейся молодежи вообще) проблемам досуга подчас уделяется больше внимания, чем их основному делу — приобретению знаний.

По нашим многолетним наблюдениям студент периода перехода к рынку стал иным, чем еще 10—15 лет назад. Он стал, если можно так выразиться, более прагматичным, уделяя внимание только тем предметам, которые, как он предполагает, будут особенно важными для его будущей работы и жизни (например, иностранные языки, экономические науки и т. д.). В этих условиях **гуманитаризация высшего образования** может быть связана с серьезными трудностями. Значительно понизился, по нашим наблюдениям, интерес части студентов к самостоятельной научной работе, особенно в сфере фундаментальных наук, но возросло внимание к прикладным исследованиям, способным дать быстрый доход.

В современный период особенно важным становится социологическое изучение эффективных форм **самоуправления** старших школьников и студентов, роли педагогического коллектива в его организации и направлении работы. В центре внимания социологов должен находиться блок понятий, характеризующих **самостоятельность и активность личности** в процессе образования — самовоспитание, самодисциплина, саморазвитие, самообразование и др. К сожалению, в нашей современной литературе по социологии образования эти понятия практически не встречаются.

В социологии образования применяются в принципе те же методы, что и в других частных социологических дисциплинах. Однако при этом могут быть рекомендованы и некоторые специфические методы: 1) своеобразные «социологические сочинения», которые пишет одновременно весь класс по предложенной социологом теме — метод позволяет получить развернутые и обоснованные мнения учащихся о новых типах и формах обучения; 2) проведение по этим проблемам дискуссий в педагогических коллективах школ или факультетов — дискуссии могут дать широкий материал, который вряд ли может быть получен путем «обычных» анкет или интервью; 3) социологический эксперимент, приобретающий ныне особо важное значение.

Так, например проводится сравнение по целому ряду интересующих социолога показателей класса лицея (реального училища, гимназии и т. д.) и контрольного класса «обычной» школы. Аналогично проверяются и новые формы организации работы в выс-

шей школе, проводится сравнение подготовки учащихся в средних ПТУ и техникумах.

Важнейшее значение в современных условиях приобретает и изучение организации системы образования в странах Запада. Этот опыт пока еще очень слабо используется в нашей стране.

Краткость анализа социологии образования объясняется тем, что по этой социологической дисциплине имеется весьма обширная литература. Поэтому автор считал своей задачей, не повторяя уже прочно установленных положений, сосредоточить внимание на новых, связанных с современным периодом перехода к рыночным отношениям.

Выше говорилось о неразвитой связи социологии образования и социологии культуры, но она не менее тесно связана с социологией науки, ибо общеизвестно, что образование (среднее, а особенно — высшее) представляет собой овладение основами науки.

Глава 8. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И СОЦИОЛОГИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

В отечественной социологической литературе далеко не всегда четко разделяются понятия: «духовная жизнь», «духовная культура» и «общественное сознание». Все они неразрывно взаимосвязаны, ибо характеризуют человека, его духовную и духовно-практическую деятельность. Однако их нельзя считать синонимами.

Наиболее широкий объем среди них имеет понятие «духовная жизнь», охватывающее все проявления человеческого духа во всех без исключения сферах общественной жизни. Разделить материальную и духовную жизнь общества можно только в абстракции, поскольку любые материально-практические действия людей имеют духовные стимулы и предпосылки, ибо план (проект) любого из них создается в голове человека. Разве не живет богатой духовной жизнью конструктор, создавая новый тип машины, новую технологию, или рационализатор, совершенствуя эти машины и технологические процессы?

Невозможно отделить материальное от духовного в многообразных бытовых ритуалах и обрядах (свадьба, похороны и пр.). Изучая любой социальный процесс, мы сталкиваемся как с материальными, так и с духовными процессами, ибо в «чистом» виде ни те, ни другие не существуют. Еще Гегель сетовал, что на душе лежит «проклятие»: «быть отягощенным материей». Поэтому, говоря о духовной жизни, мы рассматриваем не только сами идеи, но и ценности, призванные удовлетворять духовные потребности человека.

Отсюда становится ясным различие между «духовной жизнью» и «общественным сознанием», связанным именно с процессами

отражения и преобразования мира в сознании, в головах людей. Общественное сознание входит в структуру духовной жизни общества, но последняя отнюдь не ограничивается им. Духовная жизнь охватывает и духовно-практическую деятельность. Это различие должен учитывать социолог, изучающий субъективную сторону жизнедеятельности общества.

Понятно, что такое широкое явление, как духовная жизнь общества, изучается целым комплексом социологических дисциплин. Вообще не существует социологического исследования (в отличие, скажем, от конкретно-экономических исследований), которые так или иначе, прямо или косвенно не касалось бы духовной жизни общества. Если же и говорят о социологии духовной жизни, то подразумевают под ней: а) изучение общественного сознания, всех его видов и форм; б) социологию культуры. Но социология культуры не может полагаться частью, составным элементом социологии духовной жизни. Как известно, культура подразделяется на материальную и духовную, ибо раскрывает формирование и развитие человека во всей совокупности проявлений его социальной деятельности, материальной и духовной. В этом смысле предмет социологии культуры оказывается более широким, чем социология духовной жизни.

Главное же различие между ними состоит в том, что культура не ограничивается только сферой духа, сознания: она включает в себя и соответствующую духовно-практическую деятельность по реализации возникшего в голове человека замысла, и результаты этой деятельности (ценности культуры), и социальные институты, организующие эту деятельность. Например, художественная культура включает в себя художественное сознание, но отнюдь не сводится к нему. Ее элементами выступают: процесс художественного творчества (как часть культурной деятельности); сами художественные ценности; художественная критика, учреждения, занятые созиданием, сохранением и распределением художественных произведений (творческие союзы, театры, киностудии, музеи, выставки, художественные учебные заведения и т. д.). При этом следует учитывать, что культура представляет собой синтез многовекового развития человечества, начиная с самых древнейших времен. Она кристаллизует социальный опыт человечества, отбирая и сохраняя самые ценные его достижения. В «снятом» виде в ней содержится и история общественного сознания, которое представляет собой «сиюминутный» срез, включающий в себя великие и ничтожные идеи, взгляды и представления, и кратковременные вспышки общественных настроений, и многообразные социальные чувства и т. д.

Таким образом, культура и общественное сознание оказываются тесно связанными, но отнюдь не тождественными общественными явлениями и изучаются разными социологическими дисциплинами: социологией общественного сознания и социологией культуры.

О различных дисциплинах в системе социологии культуры речь

в данном пособии не идет. Здесь же мы попытаемся выяснить лишь специфику социологического изучения общественного сознания. Что же изучает эта социологическая дисциплина?

Предмет социологии общественного сознания

Из сказанного выше следует, что общественное сознание — чрезвычайно сложная по своей структуре система. Обычно выделяют:

- обыденное и научное (специализированное) сознание;
- сознание общества в целом, его больших и малых социальных групп, индивидуальное сознание;
- сознание эмпирическое и теоретическое;
- общественную идеологию и общественную психологию;
- виды (формы) общественного сознания: политическое, экономическое, правовое, нравственное, религиозное, экологическое, педагогическое, художественное, эстетическое;
- в последнее время особо выделяют массовое сознание (сознание «массового человека»).

Все эти структурные элементы тесно взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом. Нет никакого сомнения, что общественное сознание в его целостности, во всех его составных частях и элементах выступает объектом изучения **теоретической социологии**. Что же касается прикладной социологии, то однозначный подход здесь, вероятно, невозможен.

В составе социологии выделилась особая дисциплина — **социология науки**, которая изучает соотношение эмпирического и теоретического, обыденного и научного сознания. Социология общественного сознания и социология науки — тесно связанные между собой, но все же различные научные дисциплины.

Соответствующим образом складываются и отношения социологии общественного сознания и таких социологических дисциплин, как социология морали, социология права, политическая социология, социология религии и социология искусства. Каждая из них изучает соответствующую форму общественного сознания, но не ограничивается ею, исследуя политику, право, религию, мораль, искусство как особые социальные институты.

Рассмотрим искусство. Оно не сводится только к художественному сознанию, процессам, происходящим в голове человека, а включает и практическую деятельность, воплощающую замысел автора в словах, звуках, пластических движениях тела, архитектурных формах, камне, металле и пр. Для создания многих произведений искусства нужны материальные средства: музыкальные инструменты, краски, резцы и т. д. В религии, наряду с религиозным сознанием, существуют сложные культовые обряды и многочисленные учреждения — различные церковные организации.

Можно образно представить соотношение социологии общественного сознания и социологии политического сознания, науки, искусства, религии, морали как цветок ромашки. «Лепестки» его

уходят своими основаниями в социологию общественного сознания, имея с ней общий предмет изучения. Но необходимость размежевания с другими социологическими дисциплинами возникает и при анализе других структурных элементов общественного сознания, в частности при изучении такой традиционной для социологии проблемы, как групповое сознание. **Групповое сознание** может быть весьма различным в зависимости от того, какая группа является объектом исследования социолога. В разных группах по-разному будет сочетаться специализированное и обыденное, массовое и эмпирическое сознание, будут преобладать различные групповые ценности, установки, социальные ориентации.

Групповое сознание выступает предметом исследования как социологии, так и социальной психологии. Жестко разделить сферы исследования этих наук здесь, очевидно, невозможно. Социолога в первую очередь интересует место сознания данной группы в сознании общества в целом, отношение группы к принятым в обществе ценностям, нормам политической жизни, морали, религии и т. д. При этом изучение сознания группы для него обычно не самоцель, а часть комплексного изучения данной общественной группы как целого.

Для социальной психологии сознание группы, напротив — главный предмет исследования. Она сосредоточивает внимание на групповых установках и ориентациях, на социально-психологическом климате в данной группе, на межличностных отношениях людей, на степени развития группового «мы-чувства», на проблеме формального и неформального лидерства и т. д. Хотя на практике этими проблемами нередко занимаются социологи, на деле их исследование оказывается за пределами социологической науки и социолог подменяет обычно отсутствующего в исследовательском коллективе специалиста по социальной психологии. Мы не говорим уже о различии в методах исследования, применяемых этими науками. Поэтому всестороннее исследование группового сознания должно осуществляться в результате совместной работы в едином коллективе социологов и специалистов в области социальной психологии.

Что же касается **индивидуального** сознания, то мы согласны с мнением В. А. Ядова и ряда других советских ученых, считающих, что оно всецело является объектом изучения психологической науки. Социология всегда имеет дело с **массовыми** процессами. Иногда говорят о социологическом портрете того или иного политического деятеля, таковы, например, блестящие политические портреты И. Сталина и Л. Троцкого, выполненные Д. Волкогоновым. Однако, если речь идет о сознании, то вряд ли и «сталинизм», и «троцкизм» можно считать проявлениями индивидуального сознания Сталина и Троцкого. Д. Волкогонов убедительно показал, что этими терминами мы называем проявления сознания определенных слоев нашего общества, интересы и цели которых отражали, идеологически оформляли эти политические лидеры.

В последнее время в нашей стране выделилась в особую группу социологических дисциплин **социология пропаганды и идеологической работы**. Эта насквозь политизированная социологическая дисциплина прежде всего занималась анализом эффективности пропаганды и идеологической работы. Мы считаем, что выделение этой дисциплины не должно лишать социологию права и обязанности изучения идеологии как неотъемлемой части общественного сознания, не говоря уже о том, что само содержание этой дисциплины в современных условиях нуждается в коренном пересмотре. Об этом мы подробнее скажем ниже в связи с рассмотрением вопроса о **плюрализме общественного сознания**. Общественная же психология как часть общественного сознания в первую очередь, конечно, изучается особой наукой — социальной психологией.

Таким образом, создается парадоксальное, на первый взгляд, положение: общественное сознание как бы разделено, «расташено» по кусочкам различными социологическими дисциплинами. Это подчас вызывает сомнения в существовании особой социологии общественного сознания. Есть ли у нее оной собственный предмет, свое «поле» исследования?

Мы не сомневаемся в положительном ответе на этот вопрос. Специфическим предметом социологии общественного сознания являются: во-первых, зависимость сознания общества в целом и составляющих его общностей и социальных групп от **реальных** условий их общественной жизни. Долгие годы все эти социальные условия фактически сводились только к **экономическим** отношениям. Считалось, что единая социалистическая собственность обуславливает полное единство сознания всех слоев, общностей и групп. Такой подход выдавался за марксистский, на деле же это был вулгаризированный и извращенный Сталиным в духе «экономического материализма» тезис о решающей (но отнюдь не единственной!) роли экономики в формировании и развитии сознания. На деле же огромную роль в этом процессе играют национальные особенности, быт, образ жизни, религия, нравственное состояние общества и т. д.

Поэтому, во-вторых, социолог призван конкретно показать значение и проявления **относительной самостоятельности** сознания людей от социально-экономической жизни общества. Он изучает влияние традиций прошлого, опыта других стран и т. д.

Наконец, в-третьих, едва ли не основной задачей социолога является анализ влияния сознания социальной общности на всю ее общественную жизнь. Это, безусловно, самая трудная, но в то же время и самая важная задача, которую наша социологическая наука до сих пор не научилась сколько-нибудь удовлетворительно решать. Приближение к решению этой задачи во многом зависит от **профессионализма** социолога, от научности методов исследования общественного сознания. Ни социальная психология, ни социология религии, искусства, морали и пр. этих задач выполнить не

могут. Вот почему социология общественного сознания имеет все основания быть самостоятельной социологической дисциплиной. Она имеет свой предмет и свои специфические особенности.

Одной из важнейших задач социологической науки в современный переходный к рынку период с его массовыми катаклизмами становится изучение и прогнозирование развития массового сознания.

Массовое сознание как объект социологических исследований

Сам термин «массовое сознание» сравнительно недавно утвердился в нашей науке. Еще недавно этот термин, равно как и связанные с ним понятия «массовый человек», «массовая культура» и др., относили только лишь к буржуазному общественному строю.

«Массовое сознание» отнюдь не синоним «общественного сознания», а лишь его составная часть, его специфическое проявление. До сих пор нередко массовое сознание отождествляется с обыденным сознанием, что совершенно неверно. Поэтому необходимо, хотя бы кратко, остановиться на их различии.

Каждый специалист, являясь экспертом в своей области, вместе с тем выступает носителем обыденного сознания в большинстве других областей. Так, например, крупный архитектор или ученый-физик может быть совершеннейшим дилетантом в области ботаники или медицины. Увы, далеко не все физики, подобно А. Д. Сахарову, сочетают специальные знания в своей области с глубоким подлинно научным освоением общественных наук (права, истории, социологии). Обыденное сознание следует противопоставлять не теоретическому сознанию вообще (его «парной» категорией является эмпирическое), а именно научному, специализированному сознанию. Далеко не все в обыденном сознании является ложным: наряду с ложными антинаучными представлениями, мифами, слухами оно содержит и немало житейских эмпирических наблюдений, истин «здравого смысла», реальных фактов и т. д. Поэтому мы не можем согласиться с распространенным пренебрежительным отношением к обыденному сознанию, отождествляющим его с сознанием фетишистским.

Массовое сознание есть в любом обществе, однако особенно ярко оно проявляется в условиях тоталитарных режимов, в которых людям навязываются определенные незыблемые и обязательные для каждого догмы и идеологемы. Массовое сознание — результат манипулирования умами людей, низкого уровня их культуры, неспособности дать самостоятельную критическую оценку тех или иных фактов и событий действительности. Конечно, далеко не всегда массовое сознание — результат политического манипулирования. Сознанием людей манипулирует реклама, коммерческая пресса, мода и пр. Проявления массового сознания многообразны, но во всех случаях это сознание «массового человека», не умеющего и не желающего самостоятельно критически мыслить. Это

сознание человека-конформиста, полностью воспринимающего шаблоны и стереотипы, принятые в его группе. Оно представляет собой причудливую смесь, конгломерат расхожих идеологических штампов, обывательских житейских представлений, несистематизированных научных знаний, мифов и слухов. Это сознание обычно называют в западной социологии «менталитетом» («ментальностью»). Типичным примером массового сознания выступает неоленинизм с его набором обветшалых идеологических догм сталинско-брежневской эпохи, с его непрерывным поиском внешних, а особенно — внутренних «врагов», которых надо «разоблачать», «искоренять», с его страхом перед рынком, приватизацией, арендой как «реставрацией капитализма».

Массовое сознание подменяет анализ, научное знание верой. Как мы видим хотя бы на этом примере, менталитет весьма устойчив: если факты опровергают его, то «тем хуже для фактов». Сама проблема изучения различной групповой ментальности (с таким же основанием можно говорить о менталитете националистических и национал-шовинистических слоев, монархистов, «радикал-демократов» и др.) новая для советской социологии. Абсолютизируя принцип «классового подхода», советская социология изучала до последнего времени сознание социально-классовых (реже — социально-профессиональных) групп. Между тем, если продолжить наш пример, идеи «неоленинизма» разделяются не только значительной частью номенклатурного аппарата, но и определенными группами рабочих и колхозников, верхушкой армии, военно-промышленного комплекса, МВД, МБ РФ и т. д. Как видим, ни социально-классовый, ни социально-профессиональный подходы не подведут нас к пониманию менталитета.

Это говорит о том, что социолог должен исходить не из предвзятой схемы социальной структуры, на основе которой обычно создавались модели исследования, а из реальных типов сознания, сложившихся менталитетов, обнаруженных в ходе исследования из анализа социального состава реальных носителей этого сознания.

Более того, сегодня следует говорить о своеобразном менталитете самих социологов. Мы имеем в виду прочно укоренившиеся в сознании многих исследователей догмы и мифы. К их числу относятся:

- миф о едином, безраздельно господствующем у нас социалистическом сознании (при таком подходе разные социальные группы различаются только степенью освоения этого единого сознания);

- мнение будто бы все иные типы сознания представляют собой только проявления «отклоняющегося» сознания, связанные с «пережитками» или влияниями капитализма;

- миф о едином, наиболее развитом и передовом сознании рабочего класса, равно присущем всем его отрядам и слоям;

- миф о том, что все советские люди убежденно разделяют

положения марксизма-ленинизма в их извращенной сталинской интерпретации;

— миф о превосходстве любых форм социалистического сознания: его философии, экономической науки, научного коммунизма и т. д., над идеологией, философией и наукой «загнивающего» Запада и пр.

Эти предвзятые идеологемы, считавшиеся «методологической основой» советской социологии, привели ее к тяжелейшему кризису, к дезинформации о подлинном состоянии общества, к изоляции советской социологии от мировой социологической науки. Без освобождения от этого менталитета и критического пересмотра его основ дальнейшее развитие социологии в нашей стране принципиально невозможно.

«Неожиданности» в процессе выборов в Советы 1989—1990 гг. объясняются именно отсутствием анализа массового сознания в его многочисленных вариантах и проявлениях, ментальности разных групп населения, плохой подготовкой многих социологов на местах, оперирующих отжившими, ненаучными моделями.

Массовое сознание обладает рядом характерных признаков. Оно крайне неустойчиво, изменчиво в связи с изменением социальной конъюнктуры. Вчерашний общепризнанный лидер может очень быстро лишиться доверия, а аутсайдер — обрести наивысший рейтинг. Поэтому изучение феноменов массового сознания и обработка материалов этих исследований не могут затягиваться. При таких затяжках исследование оказывается посвященным уже **вчерашнему** дню массового сознания, которое с тех пор уже существенно изменилось. Поэтому изучение массового сознания требует ряда одномоментных срезов, панельных исследований, результаты которых обычно публикуются в наиболее оперативных органах информации (газеты, еженедельники — «АиФ», «Известия», «Неделя», «Собеседник», «Огонек» и др.). Целая серия таких срезов позволяет уловить тенденции изменений массового сознания и может стать темой научного исследования.

Массовое сознание чрезвычайно действенно, «заразительно». Идти против общего мнения, расходиться с окружающими в оценке явлений всегда трудно. В нашей поистине необъятной литературе по теме «коллектив и личность» влияние коллектива на личность односторонне рассматривается как положительное, развивающее. Между тем, это далеко не всегда так: все зависит от того, каков сам коллектив, каковы его господствующие установки и ориентации, его массовое сознание. Коллектив нередко стремится к нивелировке личности, пытается подчинить каждого своим общим установкам и шаблонам массового сознания, заставить принять их. В противном случае личность может подвергнуться изоляции в коллективе или даже быть изгнана из него. Подчас для того, чтобы сохранить хорошие отношения с коллективом, человек вынужден скрывать свое истинное мнение, говорить одно, а думать

другое. Даже отвечая на вопросы анкеты, люди иногда высказывают не свою оценку, а мнение, принятое в их коллективе. Это обязательно должен учитывать социолог.

Носителями массового сознания выступают как те или иные формальные группы и организации, так и «неформальные» группы. Типологию массового сознания дать очень нелегко, ибо один и тот же его вид может проявляться во множестве вариантов и разновидностей. Оно противостоит отнюдь не индивидуальному, а критическому сознанию. Сознание отдельного индивида, как и сознание группы, может быть массовым, а может быть и подлинно научным.

Каковы же пути преодоления штампов и стереотипов массового сознания и массовой культуры? На наш взгляд, основной путь — развитие широкого плюрализма и борьбы мнений не только в науке, но и в нашей повседневной жизни.

Плюрализм общественного сознания и социология

В условиях коренного обновления нашего общества и ликвидации последствий тоталитаризма особую роль играет плюрализм (многообразие) общественного сознания. Ушел в прошлое жесткий идеологический диктат КПСС и принудительное навязывание обществу единой идеологии. В условиях демократии каждый член общества может проповедовать любые взгляды и идеологические доктрины, если они не противоречат Конституции и законам России. Плюрализм общественного сознания создает принципиально новые условия для работы социологов, изучающих эти проблемы.

Новое политическое мышление, приоритет общечеловеческих ценностей требует преодоления абсолютизации классового подхода к явлениям жизни. Однако здесь нельзя впадать в другую ошибочную крайность. Не может быть никакого сомнения, что классы существуют и, следовательно, пока они существуют, они имеют и собственную идеологию. Однако, во-первых, далеко не все в общественном сознании классовое и имеет идеологический характер. Язык, естествознание, многое в морали, религии, искусстве и т. д. классовым не является. Во-вторых, классовое проявляется в общечеловеческом и через общечеловеческое. Явно ошибочным было бы разделение классового и общечеловеческого какой-то китайской стеной. Демократия невозможна без плюрализма сознания, как и последний, в свою очередь, возможен только при наличии демократии.

За годы, прошедшие с апреля 1985 г., мы уже столкнулись с реальным плюрализмом общественного сознания.

Известный западный социолог Н. Верт насчитывает пять основных направлений, по которым развивается «современная интеллектуальная мысль России»: 1) «марксистское» (люди, отстаивающие незыблемость принципов догматизированного марксизма, точнее — сталинизма); 2) «национал-большевистское» (близко к первому

направлению, однако на место интернационализма ставит национальную идею, полностью отстаивает номенклатурную административную систему); 3) «националистическое» (типичным выразителем является «Память»); 4) «экологически-славянофильское» (близко к предыдущему, но ставит во главу угла экологические проблемы); 5) «либеральное» (отстаивающее демократические принципы устройства страны)¹.

Думается, что детально рассматривая состав коалиции анти-демократических сил, Н. Верт явно недооценивал демократические направления общественного сознания. С другой стороны, он не видит, что, к сожалению, сами демократические силы по своим взглядам представляют весьма широкий спектр: от «Демократического Союза» до демократического направления внутри коммунистической партии, остающегося верным идеям социализма и марксизма.-

Отчасти такую позицию Н. Верта можно объяснить тем, что его классификация сделана в 1988 г., когда демократические силы были несравненно более едины, чем в настоящее время.

В чем же состоит **плюрализм** общественного сознания? Сущность плюрализма заключается, по нашему мнению, в наличии: а) различных **представлений** (образов, отражений) об одном и том же социальном явлении; б) различных **оценок** этих явлений; в) различных **программ действий**, вытекающих из этих оценок.

Плюрализм предполагает наличие как минимум одного из перечисленных моментов. Очевидно, следует различать плюрализм мнений в рамках единого мировоззрения и плюрализм **мировоззрений**, вплоть до противоположных друг другу.

Плюрализм начинается с самого процесса отражения объективных явлений природы и общества. Например, до сих пор среди астрономов идут споры о правомерности теории происхождения вселенной в результате «большого взрыва» какого-то первоначального (принципиально отличного от современного) состояния материи. Был ли такой «взрыв»? Единства взглядов по этому вопросу еще не достигнуто. В общественной науке до сих пор нет единства мнений по вопросу, было ли наше общество с конца 30-х гг. социалистическим (пусть «деформированным», «неполным» и т. д.) или же мы еще ни дня не жили в условиях социализма.

Диаметрально противоположны оценки таких явлений нашей современности, как рынок, приватизация, многообразие форм собственности, широкая гласность, свобода печати и т. д. Соответственно этим оценкам предлагаются и различные, во многом противоположные **программы действий** по выходу из современного социально-экономического кризиса нашего общества. Социолог не только отражает этот плюрализм в своих исследованиях, он сам как член общества стоит на определенной точке зрения.

¹ См.: Общественные науки и современность. 1991. № 3. С. 101.

Здесь мы сталкиваемся с одним из наиболее острых и сложных внутренних противоречий социологии как науки. Естественно, социологическое исследование является действительно научным и репрезентативным только при условии, что социолог строго объективно анализирует состояние общественных сил, особенности их сознания, их взгляды, цели, настроения и т. д. Однако социолог — живой человек, он сам симпатизирует тем или иным политическим партиям, организациям, движениям, взглядам. В идеале социолог должен быть чем-то вроде пушкинского Пимена: «добру и злу внимая равнодушно», он должен совершенно беспристрастно отражать объективное состояние общества. Но такого «идеального социолога» мы, очевидно, не найдем. Возникает нечто вроде известного «принципа дополнительности» великого физика Н. Бора: инструмент исследования атомного ядра нарушает его первоначальное состояние, производит в нем необратимые изменения. Точно так же и инструментарий социолога (например, анкета) служит не только для изучения общественного мнения, но и в какой-то мере сам воздействует на него. Приведем только один пример: накануне выборов президента России высказывались весьма различные прогнозы их результатов. При этом характерно, что социологи, стоящие на позициях, близких к партийному аппарату, чаще всего занижали возможный процент голосующих за Б. Н. Ельцина, а социологи, стоящие на иных позициях, обычно завышали их. Мы далеки от того, чтобы обвинять кого-либо в намеренном искажении данных. Дело в ином — сам инструмент, используемый исследователями, в какой-то мере предопределял его результаты. Вот почему мы являемся убежденными сторонниками полной и последовательной департизации всех социологических лабораторий и институтов. Конечно, это не приведет к деполитизации социолога (те или иные взгляды, политические симпатии и антипатии у него все равно останутся), но хотя бы освободит его от прямого давления политических организаций. Мы помним, что от социологов, работающих при партийных комитетах, требовали не реальной картины, не действительного положения дел, а желаемых этим комитетом данных и выводов.

Социолог должен быть максимально независимым, свободным от какого-либо давления на него, с чьей бы стороны оно ни исходило. С другой стороны, сам социолог, насколько это возможно, должен быть объективным и честным, подвластным лишь собственной совести. Только в этом случае он сможет более или менее точно отразить реальное состояние общественного сознания в условиях плюрализма и гласности.

По установившейся у нас традиции любое социологическое исследование должно было заканчиваться рекомендациями, адресованными «директивным», т. е. партийным и государственным органам, которые обычно не обращали на эти рекомендации ни малейшего внимания. Однако такие исследования заканчивались ими,

ибо в речах и докладах было принято использовать несколько цифр из отчетов социологов: это придавало докладу видимость научности. В условиях же плюрализма (если ему суждено жить и развиваться) социологические исследования состояния общественного сознания станут необходимы и не на словах, а на деле не только государству, но и другим организациям, а также профсоюзам, кооперативам, хозрасчетным объединениям, частным фирмам.

Мы с тревогой видим, как новые организации, объединения, фирмы стремятся создать «свои» маленькие лаборатории, иметь «своих» социологов. На наш взгляд, социологические исследования должны проводиться на договорных началах независимыми, не подчиняющимися ни государству, ни какой-либо партии, предприятию, фирме и т. д. хозрасчетными объединениями. Только в этих условиях социолог может действительно чувствовать себя в той или иной мере независимым от прямого начального, административного давления и вмешательства. Победа демократических сил создает благоприятные условия для такого развития социологии, теперь многое зависит от самих социологов.

Социологическое изучение социальных чувств

Общественное сознание подчас сводят только к идеологии или, в лучшем случае, к теоретическому, рациональному сознанию. Социальные чувства, переживания людей по поводу социальных явлений, их настроения, установки и пр. социологией чаще всего вообще не принимались во внимание. В нашей науке сложилось довольно прочное и устойчивое убеждение, что монопольным правом анализа социальных чувств обладает только социальная психология. Между тем, на Западе такого жесткого разделения нет, материалы о социальных чувствах можно найти в любом серьезном зарубежном исследовании общественного сознания. Во многом это связано с подготовкой социолога на Западе, где практически невозможно найти профессионального социолога, который не имел бы обширных знаний в области общей и социальной психологии. У нас же даже выпускники социологических отделений университетов часто очень слабо представляют себе эти науки. Что же в этом случае можно сказать о социологах-самоучках, не имеющих специального социологического образования, а ведь именно они преобладают в наших социологических лабораториях?!

Любая жесткая демаркационная линия между социологией и социальной психологией при изучении общественного сознания в принципе глубоко порочна. Дело в том, что общественное сознание представляет собой единую, целостную систему. Не бывает «чистых» взглядов и идей, существующих отдельно и независимо от эмоций, точно так же, как нет и эмоций, отделенных от взглядов человека. Здесь эмоциональное и рациональное взаимопроникают, пронизывают друг друга. Рассмотрим интернационализм и его

антипод — национализм. Это не только определенные идеологические концепции, но и соответствующие социальные чувства. Националист нередко доходит до открытой ненависти к любому представителю «враждебной» национальности, включая детей, стариков, женщин. Это, как известно, ярко проявилось в межнациональных конфликтах последних лет.

Между тем, до самого последнего времени изучению социальных чувств уделялось у нас крайне незначительное внимание. Надо сказать, что социальная психология в нашей стране не слишком далеко продвинулась в их изучении. Не случайно наши идеологи нередко оказывались в полной растерянности, сталкиваясь с бушующими страстями толпы.

Разумеется, при всей относительности грани между социологией и социальной психологией в изучении общественного сознания такая грань все же существует. Мы полагаем, что процессы зарождения и развития социальных чувств, средства их передачи: внушение, подражание, заражение, все же относятся к области социальной психологии, хотя пионерами их изучения были социологи Тард, Лебон, Михайловский. Что же в таком случае остается социологии?

Думается, что, изучая социальные чувства, социолог может ставить перед собой следующие основные задачи.

1. Изучение степени «эмоциональной насыщенности» тех или иных социальных теорий, взглядов, концепций. А эта степень не везде одинакова: она особенно велика в системах политических, религиозных, эстетических, художественных, нравственных теорий и взглядов; как правило, здесь она проявляется куда более ярко и непосредственно, чем в философских или экономических взглядах.

2. Влияние социальных чувств на социальную деятельность и поведение групп и отдельных людей. Подчас именно чувства, а отнюдь не взгляды оказываются здесь доминирующими (вспомним, например, Сумгаит, Тбилиси или Ош).

3. Источники распространения социальных чувств и настроений, конкретные организации и группы, стремящиеся «играть» на определенных социальных чувствах масс. Конечно, чаще всего эти источники имеют скрытый, латентный характер. Взгляды людей фиксируются в различных документах, а социальные чувства чаще всего фиксируются в косвенных формах: в религии, искусстве, морали. Поэтому здесь работа социологов особенно сложна и ответственна.

4. Самое главное, но и самое трудное в работе социолога — предвидение возможных взрывов социальных чувств и поиски мер, способных локализовать и уменьшить возможность таких взрывов. Такая профилактическая работа нашей социологией фактически не ведется. Мы уверены, например, что можно было избежать войны в Осетии, в Нагорном Карабахе и ряде других мест при своевре-

менном обнаружении взрывоопасной ситуации, выявлении её причин, групп, заинтересованных в ней, и т. д., принятии необходимых мер для предотвращения взрыва. Но, как известно, такой работой никто не занимался.

Напряженность в сознании, взрывоопасная ситуация в умах людей, обычно предшествует реальному общественному конфликту (забастовке, вооруженному столкновению и т. д.). Именно социологи и специалисты по социальной психологии способны первыми увидеть эту напряженность в духовной атмосфере общества, когда она еще не вполне ясна даже участникам назревающего конфликта. Здесь может ярко проявиться эвристическая роль социологического исследования, способного обнаружить латентные, скрытые от глаз руководящих органов социальные процессы. Эта аналитическая прогностическая работа социолога особенно важна в периоды социально-экономических кризисов в обществе.

Но даже и в сравнительно «благополучные» периоды жизни общества очень важно видеть возможные очаги возникновения социальной напряженности для того, чтобы своевременно не допустить ее возникновения. Для этого социологу важно иметь представление об общей социальной атмосфере в стране, регионе, на предприятии. Здесь необходимы специально подготовленные исследования. Естественно, «лобовые» вопросы типа: «Где Вы видите очаги социальной напряженности?» оказываются в этом случае недостаточно эффективными. Надо прямо сказать, что надежной методики изучения социальной атмосферы у нас нет. Однако, можно рекомендовать некоторые подходы к ее изучению:

- контент-анализ писем и жалоб в исполкомы Советов, заводоуправления и дирекции предприятий и учреждений, в редакции средств массовой информации, профсоюзные органы и т. д.

- изучение степени удовлетворенности теми или иными сторонами социальной жизни — трудом, материальными условиями жизни, бытом, образованием, здравоохранением, семьей, досугом и т. д. Опыт подобного исследования, осуществленный преподавателем Курганского сельскохозяйственного института Л. Цыбаевым в 1989 г., показал, что такое исследование в определенной мере дает возможность выявить главные «болевые точки» социальной напряженности;

- проведение ряда тестов, определяющих отношение людей к тем или иным социальным институтам, проводимым реформам к новым законам и т. д.;

- наблюдение (в том числе — включенное) за социальным поведением и деятельностью тех или иных социальных групп населения.

Подчеркнем, что речь идет именно об анализе **напряженности в сознании, в умах, которая, как уже говорилось, обычно предшествует напряженности в реальных социальных отношениях людей.**

Противоречия общественного сознания в зеркале социологии

Постоянным противоречием нашего общественного сознания оказывается вопиющее несоответствие идеала и реальной жизни общества. В 20—30-е гг. это несоответствие объяснялось тем, что мы еще не осуществили идеал — не построили социализм. В брежневскую эпоху нас пытались убедить, что идеал уже фактически достигнут и, если человек реально не чувствует этого, то повинны в этом «отдельные недостатки», замутняющие общую картину и не дающие ему в полной мере увидеть величие этого идеала («развитой социализм»). Сегодня же отмеченное несоответствие нередко объясняется деформацией самого идеала (социализма) и необходимостью коренной перестройки реальной модели его воплощения. Словом, противоречие идеала и действительности оказывалось основным противоречием всей истории общественного сознания на протяжении последних 70 лет. Оно разрешилось гибелью идеалов в сознании значительной части общества, прежде всего — молодежи.

Место этих утраченных идеалов заняла духовная пустота, секс, безудержное стремление к обогащению, «романтика» преступного мира. Это привело к крайне сложному и противоречивому состоянию общественного сознания в современный смутный период, ибо прав Ф. М. Достоевский, утверждая, что без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация.

Очень сложно и противоречиво идет становление нового демократического сознания, плюрализма, уважения к общечеловеческим ценностям. Десятилетия, начиная со школьной скамьи, людям внушали незыблемые догмы и штампы. Пересмотреть эти догмы не всегда легко, особенно пожилому человеку.

Людям трудно пересмотреть свое отношение не только к идеалам «светлого коммунистического будущего», но к реальным структурам власти, к государственной собственности, к лидерам большевизма и т. д. Пережить коренную ломку всего общественного сознания очень сложно. Здесь необходима долгая и терпеливая работа, зависящая прежде всего от радикальных социально-экономических преобразований общественного строя.

Социолог должен видеть, что в августовские дни 1991 г. кучка заговорщиков имела определенные корни и поддержку в некоторых слоях населения. Кто же стоял за их спиной? Это прежде всего:

- некоторые руководители военно-промышленного комплекса (армии, КГБ, МВД, оборонной промышленности);

- часть руководителей партийного, профсоюзного, комсомольского, государственного аппарата («номенклатуры»), директоров предприятий, председателей колхозов и т. д.;

- определенная часть отсталой, малоквалифицированной части рабочего класса, боящейся перехода к рынку, безработицы, свободного рынка рабочей силы;

- часть крестьян, отвыкших от земли и крестьянского труда,

не желающих перехода к аренде, приватизации собственности и т. д.;

— некоторая часть интеллигенции (точнее тех, кого А. И. Солженицын называл «образованцами»), не имеющая достаточной квалификации, не способная к самостоятельному творчеству и поэтому смертельно боящаяся перехода к рынку и новым экономическим отношениям;

— часть работников торговли и сферы обслуживания, боящихся потерять свои привилегии;

— деятели теневой экономики и преступного мира, не желающие установления порядка, социальной справедливости, демократии.

Конечно, речь идет о части людей, принадлежащих к этим группам. Однако их немало, и поэтому старые, отжившие идеи имеют в их лице поддержку и защиту.

Социология может и должна не только чутко фиксировать изменения общественного сознания разных социальных групп, но и прогнозировать такие изменения. Здесь необходимы и новые методики, и новые подходы. Особенно важны социологические исследования становления демократического сознания молодежи.

Однако было бы принципиально неверно противоречия в сознании нашего общества сегодня сводить к борьбе радикальных и консервативных идей. Сознание большинства, в том числе и убежденных сторонников демократии, сегодня весьма противоречиво. Прежде всего — у каждого из нас (может быть, за исключением небольшой группы людей) за годы тоталитарного режима в сознании укрепились отжившие догмы и стереотипы. Пожилым людям особенно трудно отрешиться от мысли о едином Союзе социалистических республик, о едином социалистическом лагере, о преимуществах социалистического строя. У части молодежи сложился «идеологический вакуум»: старые идеалы ушли, а новые не появились.

В последние годы социалистическая идея все более вытеснялась национальной. Думается, что в этом проявилась здоровая реакция на долгие годы национального нигилизма, насаждающегося административной системой. Однако этим возрождением национальной идеи сумели воспользоваться националисты, сеящие вражду и недоверие между нациями. Особенно ярко это проявилось в Закавказье, Молдове, Средней Азии и ряде регионов России. Национализм, равно как и шовинизм, антисемитизм, антидемократичен по своей сути, принципиально несовместим с гуманистическим, демократическим сознанием.

Противоречия в сознании связаны и с несовместимостью десятилетиями насаждавшейся примитивно-уравнительной идеологии с фактически непрерывно растущим в процессе перехода к рынку **социальным неравенством**. Многие люди не могут примириться с ростом материальных средств и доходов кооперативов, «малых

предприятий» и т. д. Конечно, некоторые кооперативы дают веский повод для таких взглядов, но это не может бросить тень на всех кооператоров.

В сознании людей еще прочно живет укоренившийся в годы тоталитаризма страх: люди боятся брать землю в аренду, ожидая нового «раскулачивания», боятся приватизации предприятий — отберут со временем, боятся новых попыток путча, новых межнациональных конфликтов, безработицы, роста цен, голода и пр.

Неудовлетворенность «витальных» (жизненных) потребностей тормозит развитие личности, порождает озлобленность и бездуховность. Все эти противоречия в сознании могут быть преодолены только в результате выхода из социально-экономического кризиса, повышения уровня жизни, ликвидации дефицита на самые необходимые потребительские товары. Социологи призваны объективно фиксировать сложившиеся противоречия и активно участвовать в выработке рекомендаций по их разрешению.

Глава 9. О СПЕЦИФИКЕ МЕТОДИКИ И ТЕХНИКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КУЛЬТУРЫ

Мы не будем говорить об общих для всей социологии методах, применение которых не требует учета специфики культуры. Однако в социологии культуры есть и некоторые особые методы, которыми должен овладеть социолог, решивший работать в этой сфере.

Социолог, приступая к исследованию, прежде всего должен собрать и систематизировать все имеющиеся по теме его исследования **статистические материалы**. Статистика по проблемам культуры очень бедна. Правда, в последнее время положение стало меняться к лучшему. Главным статистическим источником для социолога, занимающегося проблемами культуры, являются сборники «Народное образование, наука и культура в СССР». Первый такой сборник издан в 1977 г., последний под названием «Народное образование и культура в СССР» — в 1989 г. (Сборники по науке сейчас издаются отдельно.)

Определенный материал можно найти и в новой серии статистических сборников «Социальное развитие СССР» (последний выпуск — данные на 1989 г.). Можно надеяться, что статистические органы России продолжат выпуск этой серии и после распада СССР. Наконец, можно рекомендовать социологу и сборник «Молодежь СССР», впервые опубликованный в 1990 г.

Материалы по региону, на территории которого проводится исследование, частично имеются и в региональных (областных, городских, краевых, республиканских) статистических сборниках, издающихся повсеместно. В Свердловской области последнее издание сборника «Свердловская область в цифрах» вышло в 1991 г.

Однако этих данных социологу может быть недостаточно. Мест-

ные комитеты по статистике сравнительно немногое могут дать сверх опубликованных в сборниках материалов. Самостоятельные же поиски сводных статистических данных по городу, а тем более — по области, краю, республике, весьма затруднены. Дело в том, что культура раздроблена и не имеет единой статистики.

Государственные (министерства культуры и ведомственные) учреждения культуры дают показатели в расчете на количество населения, а профсоюзные учреждения культуры — на количество работающих на данном предприятии. Поэтому свести их данные воедино очень сложно. Учет также, цифрам о количестве посетителей бесплатных мероприятий, количестве членов бесплатных кружков и коллективов верить нельзя, ибо они завышаются вдвое, втрое, поскольку от количества посетителей зависит категория клуба.

Все клубные учреждения города (за очень немногим исключением) — профсоюзные, а большинство клубов села — государственные. Городские библиотеки разделены между государством, профсоюзами и ведомствами. В последнее время появилось немало кооперативных, арендных и частных учреждений культуры. Это еще более осложняет статистические расчеты, ибо наиболее точные данные о них могут быть получены лишь в районных Советах, где они зарегистрированы.

Большую помощь социологу могут оказать систематически издаваемые Главным вычислительным центром Министерства культуры России статистические сборники. В них содержатся прекрасные материалы о посещаемости и репертуаре театров. Социолог может на основе этих обзоров сказать, сколько человек посмотрело в России ту или иную пьесу, сколько раз она прошла, сколько театров ее поставили и т. д. Богатейшие статистические материалы содержатся в этих выпусках о клубах, библиотеках, парках, музеях. Взаимосопоставление выпусков разных лет по одной и той же теме дает возможность выяснить доминирующие тенденции развития тех или иных учреждений.

Надо сказать, что пока эти богатейшие, поистине уникальные материалы не были в достаточной мере обобщены и изучены ни одним ученым-культурологом. Однако серьезным недостатком всех этих выпусков является ведомственность: они охватывают только учреждения, находящиеся в ведении Министерства культуры России. Если по театрам они дают сравнительно полное представление о театральной жизни страны (в статистику не вошли лишь несколько ведомственных театров и, разумеется, все негосударственные театры, которых раньше было очень мало), то уже материалы по клубам, музеям, библиотекам нельзя распространять на всю Россию.

Работа над статистическим материалом — трудоемкий и ответственный этап социологического исследования культуры. Он подразделяется, в свою очередь, на 3 последовательных этапа: 1) сбор

статистических материалов; 2) сведение их в единую систему показателей (методика такого сведения должна непременно даваться в отчетах и публикациях результатов исследования); 3) обработка сводных цифр (составление графиков, таблиц, математическая обработка данных и т. д.).

К сожалению, в практике социологических исследований статистическому материалу уделяется крайне незначительное внимание. Возьмем, например, подготовленный отраслевой социологической службой Министерства культуры России выпуск «Филармоническая музыкальная деятельность в системе современной городской культуры» (М., 1989). Исследование выполнено на высоком профессиональном уровне, но никакой статистики об общем количестве концертов в 6 исследуемых городах и структуре концертов по видам и жанрам в отчете не содержится, что существенно обедняет его. Подготовка к проведению опросов требует максимально полного знакомства со статистикой. Заповедью социолога должен стать следующий принцип: ни в коем случае не ставить в анкетах и интервью вопросы, ответы на которые можно найти в статистике. Между тем, нередко в анкетах и сегодня встречаются совершенно ненужные вопросы, на которые реципиент часто вообще не может дать ответ. Например, опытные социологи Нижневартовска, изучая состояние культуры города, поставили в анкету для жителей микрорайонов два вопроса: почему уходят работники культуры из клубных учреждений и куда, в какие сферы народного хозяйства они уходят? Естественно, ответов на эти вопросы они не получали и получить не могли, ибо люди просто не знали ни причин увольнения, ни места дальнейшего трудоустройства клубных работников культуры.

Подобные вопросы попадают в анкеты, ибо социологи ленятся заглянуть в текущую статистику самих учреждений культуры, без которой исследование неизбежно окажется обедненным. Здесь без всяких анкет можно выяснить реальное состояние текучести кадров, основные причины увольнений. Огромный материал дает и работа с документами.

Например, прекрасная статья была написана на основе контент-анализа протоколов Правления клубных учреждений профсоюзов. Анализ показал, что эти Правления превратились в чисто формальный орган, всецело зависимый от воли директора клуба. В 1989 г. НИИ культуры России издал интересный отчет исследования Б. В. Перилы «Проблемы организации концертной работы в зеркале прессы (по материалам контент-анализа публикаций в газете «Советская культура»)». Отчет еще раз показал огромные возможности этого, к сожалению, еще редко используемого в нашей социологии метода.

Только когда все остальные методы уже использованы, необходимы данные, которые нельзя получить никаким другим путем, добываются путем анкетных опросов и интервью (свободных и

формализованных). Анкетный опрос провести значительно легче и дешевле, чем интервьюирование той же массы населения. Однако интервью имеет ряд неоспоримых преимуществ. В последнее время увеличился процент бракованных анкет, авторы которых явно хулиганят. При интервью намеченная заранее выборка может быть точно соблюдена. В процессе интервью дополнительными вопросами может быть уточнена позиция респондента. Интервьюер может объяснить суть непонятого реципиентам вопроса. Не случайно по тем же самым вопросам отказавшихся дать ответ при интервьюировании оказывается в 2—3 раза меньше, чем при анкетном опросе.

Если еще недавно в анкетном опросе привлекала анонимность, то сейчас, в период плюрализма мнений и гласности, эти преимущества анкеты уже не представляются столь ценными.

При организации анкетного опроса рекомендуется проведение пробных «пилотажных» исследований, необходимых для проверки, насколько точно заполняется анкета, все ли группы респондентов верно поняли ее вопросы.

Составление анкеты — сложный и ответственный этап исследования. Подчас ответы на, казалось бы, самые простые и предельно ясные вопросы анкеты на поверку оказываются дезинформацией, в которой чаще всего виноват отнюдь не реципиент, а сам социолог, непрофессионально составивший инструмент исследования.

Дело в том, что нередко реципиент сознает, что культурный уровень его низок, но ему стыдно признаться в этом и он даже в анонимной анкете хочет казаться более культурным, чем это есть на самом деле. Сделать это сравнительно легко, ибо десятилетия тоталитарного режима приучили человека говорить не то, что действительно думает, а то, что, по его мнению, от него хотят услышать, что надо сказать. У человека появляются готовые идеологемы на все случаи жизни.

Ставя «лобовой вопрос»: «Кто Ваш любимый композитор?» исследователь в 9 случаях из 10 услышит (или прочтает): «Чайковский». На вопрос: «Ваш любимый поэт?» ответ будет: «Пушкин», любимым художником назовут Репина. Проверка показала, что молодой человек, назвавший Чайковского своим любимым композитором, на предложение интервьюера перечислить оперы этого композитора ответил: «Борис Годунов».

Предположим, молодой человек увлекается детективами и предпочитает романы, скажем, Д. Х. Чейза. Творчество этого писателя он знает прекрасно. Но в анкете он назвал любимым писателем Л. Н. Толстого, из произведений которого он мог вспомнить только «Войну и мир» и «Анну Каренину». Зато Л. Толстого считать любимым писателем, в отличие от Чейза, престижно. Но дело не только в престиже. Пушкин, Л. Толстой, Чайковский, Репин — величайшие гении человечества. Их имена известны каждому мало-мальски грамотному человеку. Вот почему они первыми приходят

в голову реципиенту и он называет их в анкете или в интервью.

Перед социологом стоит задача: поставить вопрос таким образом, чтобы он исключал возможность шаблонных, стереотипных ответов. Здесь ему помогут так называемые игровые ситуации, точнее — небольшие тесты, включенные в анкету или в формализованное интервью. Остановимся на них подробнее.

Игровые ситуации. Предположим, социолог решил выяснить иерархию культурных потребностей и интересов той или иной группы населения. В большинстве случаев в анкетах (интервью) ставят вопрос: «Чем Вы предпочитаете заниматься в свободное время?» Однако такой вопрос по меньшей мере некорректен: вдумаясь, могли ли Вы, читатель, сами определить, что важнее для Вас — чтение книг или посещение кино, просмотр телепередач или, скажем, посещение концертов? Поэтому никакого научного или даже практического значения полученные на такой вопрос ответы иметь не будут. Гораздо точнее предложить респонденту некоторую заведомо условную гипотетическую ситуацию. Приведем пример из нашего опыта. Ставится вопрос: «Представьте себе, что в Ваш город (район) приехал симфонический оркестр и дает только один концерт. В то же самое время на стадионе состоится футбольный матч команд первой группы. Вам предложили бесплатные пропуска и на концерт и на стадион. Куда бы Вы пошли?»

Подобная фантастическая ситуация позволяет более точно выяснить действительные предпочтения респондентов. Отметим к тому же, что она делает анкету более интересной для опрашиваемого. Или другой пример: «Ваш товарищ хочет подарить Вам книгу и предлагает на выбор следующие произведения: «Избранное» А. Камю, детективный роман А. Кристи, «Триумф и трагедия» Д. Волкогонова, «Фаворит» В. Пикуля. Предположим, ни одной из этих книг у Вас нет, а взять Вы можете только одну. Какую книгу Вы бы выбрали?» Или: «Проводится референдум, что строить в Вашем городе — оперный театр или варьете? За что бы Вы проголосовали?»

Как видим, во всех этих случаях мы создаем фантастическую, нереальную ситуацию **культурного выбора**, позволяющую выяснить подлинные интересы респондента. Возможности постановки подобных ситуаций поистине безграничны и определяются целями и задачами исследования. Практика показывает, что респонденты весьма охотно втягиваются в такую «игру».

Известно, что научная и практическая ценность исследования значительно снижается при наличии большого процента неотвечивших на вопросы анкеты. Чаще всего этот процент говорит о низкой профессиональной компетентности социолога. Люди обычно не отвечают на вопрос, если: а) он превосходит их информационный «порог»; б) вопрос непонятен респонденту; в) содержит открытую «подсказку»; г) сформулирован столь нечетко или двусмысленно, что дать определенный ответ практически невозможно. В любом из этих случаев вина лежит на социологе.

Ретроспективный опрос. В последнее время ряд историков успешно занимается использованием социологических исследований при изучении истории. Огромную роль такие исследования играют и в изучении культуры страны. Еще и сегодня находятся среди нас люди, знающие сталинскую эпоху не по слухам, а по собственному опыту. Ретроспективные опросы очень сложны и ответственные. Социолог должен быть убежден, что опрашиваемые знают и помнят те события (факты, духовные ценности и пр.), о которых их спрашивают.

Человеческая память своеобразна: в старости подчас лучше помнят то, что было 40—50 лет назад, чем события пятилетней давности. Это и использует социолог. Мы опрашивали в 1975—1976 гг. рабочих Синарского завода (Каменск-Уральский), вышедших на пенсию, об их культурной жизни в дни молодости. Полученные ответы мы сопоставляли с ответами молодых рабочих, работающих ныне на предприятии. Такие сопоставления легли в основу нашей (с Б. С. Павловым) книги «Молодой рабочий: вчера, сегодня» (Свердловск, 1976). Однако ретроспективные исследования относятся не только к давно прошедшим временам, но и ко вчерашнему дню, неделе, месяцу. Сплошь и рядом в социологических исследованиях ставятся вопросы типа: «Сколько раз в неделю (месяц, год) Вы ходите в кино (театр, клуб, библиотеку и т. д.)?» Такие вопросы превышают информационный «потолок» реципиента. Он отвечает фактически совсем на другой вопрос, а именно: сколько раз он хотел бы посещать эти учреждения. Бывает ведь, что в неделю человек несколько раз посетит кинотеатры, если в них идут интересные фильму, а иной раз он несколько месяцев подряд не бывает в кино.

Точный ответ можно получить лишь на вопрос, какие учреждения культуры респондент посетил в последний месяц, предшествующий опросу? Конечно, этот месяц может быть для респондента нетипичным (болезнь, занятость на работе и т. д.), однако закон больших чисел уравнивает возможные отклонения.

При проведении ретроспективных исследований социолог должен учитывать и их ограниченность: во-первых, их результат нельзя механически экстраполировать на будущее, особенно в современной ситуации резкого повышения платы за билеты в учреждения культуры. Во-вторых, следует учитывать, что частое посещение кинотеатров (при их репертуаре) еще не говорит о культурном развитии человека. Наоборот, в кинотеатры и клубы сегодня чаще других ходят люди с невысоким культурным развитием. Это можно отнести и к некоторым драматическим театрам и ряду театров оперетты.

Короче говоря, количественные показатели (в данном случае — количество посещений) еще мало о чем говорят, если они не сопровождаются анализом качества потребляемых духовных ценностей, их содержательной стороны.

Фиксированные перечни произведений. Респондент не в состоянии ответить и на вопросы типа: «Какие книги Вы читаете?» Гораздо корректнее дать ему в анкете список наиболее популярных в данное время книг и выяснить, какие из них он читал и понравились ли они ему? Здесь возможна и оценка этих книг в баллах.

Точно также можно дать респонденту список фильмов, прошедших на экранах в последние 1—2 месяца, с просьбой указать, какие из них он видел, и дать им оценку по 5-балльной системе. Аналогично может быть получена информация о посещении и оценке реально имевших место спектаклей, концертов, телевизионных (радио) программ, выставок, клубных мероприятий и т. д. Опять-таки мы предоставляем в этом случае респонденту самостоятельность в выражении его культурных предпочтений. Можно использовать определенный перечень возможных поступков в данной ситуации и предложить реципиенту выбрать наиболее приемлемые для него. Особенно большую роль такие методы играют в анализе **нравственной культуры**. Человек постоянно находится в ситуации морального выбора. Некоторые модели таких ситуаций можно предложить респонденту.

При проведении исследований очень важно учитывать **конкретные условия и время** их проведения. В современный период многие имеют дачи, приусадебные участки, сады. Поэтому не следует проводить исследований летом и ранней осенью. Наиболее благоприятен для исследования зимний период. Важно учитывать и конкретные обстоятельства. Например, исследования, связанные с посещением театра, нельзя проводить в дни приезда в город гастролирующих театральных коллективов: естественно, в этих условиях частота посещений спектаклей у всех любящих театр людей значительно возрастает. Явно смещенные данные получили бы мы, если бы стали изучать частоту посещений художественных выставок в дни работы в Екатеринбурге выставки картин И. Глазунова. Выбор времени и условий для исследований, связанных с культурой населения, как видим, имеет весьма существенное значение.

Определенное значение в изучении уровня культуры населения и содержания культурной деятельности имеют **тесты**, редко употребляющиеся в других социологических дисциплинах. Строго говоря, те «игровые ситуации», о которых речь шла выше, тоже можно отнести к тестам. Однако в исследованиях рекомендуется употреблять и развернутые социально-психологические тесты с последующим подсчетом суммы баллов. Методику их составления и проведения здесь излагать нет возможности, а потому отсылаем читателя к соответствующей литературе по психологии.

Метод картографирования широко используется при анализе культурной деятельности населения региона. Вследствие отсутствия какого-либо научного планирования размещения учреждений культуры, распределения кадров их работников и снабжения предметами долговременного культурного пользования условия культур-

ной деятельности населения разных районов одной области (края, республики) оказываются существенно различными. На основе статистических данных выясняется обеспеченность населения местами в кинотеатрах, школах, концертных залах, клубных учреждениях, обеспеченность книгами в библиотеках и пр. в расчете на 10 тыс. человек. Аналогично рассматривается процент работников культуры, имеющих высшее и среднее специальное образование. Дается посещаемость учреждений культуры (на каждые 10 тыс. населения в среднем в год) по каждому виду учреждений.

Данные таблиц классифицируются: по каждому показателю определяются группы районов высшей, средней и низшей обеспеченности. Соответственно, на контурной карте региона с районным делением каждая группа районов закрашивается одним цветом. Атлас таких карт гораздо более наглядно, чем таблицы, покажет диспропорции в условиях культурной деятельности населения и даст возможность обоснованного **планирования** удовлетворения потребностей населения на перспективу.

Метод наблюдения применяется сравнительно редко. В нашей стране он впервые использован замечательным режиссером В. Э. Мейерхольдом в его театре. Текст пьесы делится на определенное количество эпизодов. Наблюдатели, сидящие в различных местах зрительного зала, по заранее продуманной и хорошо известной им шкале фиксируют реакцию зрителей на каждый эпизод (смех, аплодисменты, сосредоточенное внимание или разговоры, кашель, отсутствие внимания и т. д.). Такие наблюдения дают возможность театру четко представить, какие эпизоды спектакля не вызывают желаемой реакции публики и нуждаются в доработке. Использование этого метода требует опытных наблюдателей, хорошо знающих пьесу и уже предварительно знакомых со спектаклем, в противном случае в отчетах будут превалировать весьма субъективные оценки.

За рубежом предпринимались эффективные наблюдения за реакцией публики на ту или иную картину во время художественных выставок при помощи съемки зрителей скрытой камерой. Последующий анализ киносъемки позволяет объективно выяснить впечатления от той или иной картины.

Билет-анкета. К каждому билету на спектакль, концерт, фильм, в цирк, на стадион и т. д. прилагается отрывной талон, в котором фиксируется пол, возраст, социальное положение (или какие-либо специальные данные, нужные исследователю) каждого зрителя, покупающего билет. Отрывной талон заполняется кассиром при продаже билета и остается у него. Таким образом, исследователь получает исчерпывающее представление о составе зрительного зала. Этот метод широко использовался в ряде западных стран. Он требует дополнительных типографских расходов, специальной оплаты труда кассиров и, естественно, замедляет процесс продажи билетов. Однако, как считают продюсеры, эти расходы окупаются

благодаря точному знанию аудитории данного зрелища. В США и Англии проводились выборочные исследования аудитории телепередач. За счет телекомпаний к телевизорам респондентов подключалось устройство, автоматически фиксирующее каждое включение и выключение телевизора и дающее сигнал на студию. Таким образом, при условии хорошо подготовленной выборки, компания имела точное представление об аудитории каждой передачи.

У нас широко практикуются коллективные посещения спектаклей, фильмов, концертов учащимися школ и ПТУ. Эффективность таких посещений во многом возрастает, если после них учитель (или исследователь) проводит письменный или устный опрос их участников о впечатлении от спектакля, фильма, концерта. Этот метод особенно ценен тем, что, наряду с важной для театра, студии, филармонии информацией, он приучает молодых людей критически оценивать произведения.

Аналогичный эффект дают зрительские и читательские конференции. Зрительские конференции обычно проводятся сразу же после окончания спектакля, фильма, концерта. Выступления на них по «горячим следам» позволяют иметь оперативную информацию о реакции зрителей. Недостатком метода является то, что на подобных конференциях выступают, как правило, лишь наиболее культурные и образованные люди, мнение же основной части публики остается неизвестным.

В социологии культуры особую роль приобретает метод экспертных оценок. Предположим, социолог выявил, что части изучаемой совокупности особенно нравится фильм «Рембо», а части — «Унесенные ветром» и «Ночной портье». Социолог предполагает, что у второй группы зрителей более развит художественный вкус, чем у первой. Однако, всегда ли социолог может доверять собственным суждениям и вкусам? Поклонники «Рембо» легко смогут опротестовать выводы социолога, обвинив его в том, что он в их основу положил свои сугубо личные, субъективные вкусы и пристрастия. Для того, чтобы избежать подобных обвинений, социолог должен опереться на мнение экспертов, специалистов в данной области искусства. В качестве экспертов могут выступать художники и критики, при этом желательно так подобрать экспертов, чтобы в экспертной группе были представлены сторонники разных школ и направлений. Пропорции и количественные квоты экспертов описаны в специальной литературе по методике и технике исследований.

При изучении духовных потребностей социологи нередко поддаются «магии большинства». Считается, что чем больше людей высказалось за то или иное произведение или чем выше массовые оценки того или иного деятеля культуры (артиста, писателя, художника, композитора и т. д.), тем значительнее его культурная ценность.

Глубокая ошибочность такого подхода состоит в его исходной

позиции — социолог предполагает при этом, что В. Пикуль и А. Платонов, А. Пугачева и А. Шнитке, Б. Гребенщиков и Д. Шостакович рассматриваются в рамках одной, единой культуры. Само сравнение указанных выше деятелей культуры изначально некорректно, ибо они принадлежат к разным системам культуры. Можно быть убежденным сторонником одной из этих культур, но это не дает права для отрицания другой культуры. А. Пугачева рассматривается как один из лидеров эстрадной музыки, А. Шнитке — музыки «серьезной». Можно ли сравнивать их и определять, кто «выше», а кто «ниже»? Рейтинг А. Пугачевой при массовых опросах оказывается значительно более высоким, чем Шнитке. Но о чем это говорит? Только о том, что представленная ею культура имеет несравненно более широкое распространение, чем симфоническая и камерная музыка, относящаяся пока к «элитарной» культуре. Аналогично, сторонников и читателей В. Пикюля, конечно, больше, чем А. Платонова или Б. Пастернака. Но и здесь мы говорим о несравнимых явлениях разных культур.

Гегеля читали очень немногие, а философские эссе современных философов-публицистов — миллионы, но это отнюдь не умаляет величия Гегеля, который никогда не предназначал «Науку логики» для миллионов.

Ясно сознавать ту систему культуры, к которой относится данное произведение или все творчество данного автора, — одна из важнейших задач социологов культуры.

В этой главе мы основываемся прежде всего на опыте собственных ошибок. Так, в книге «Кино и зритель» мы в один ряд поставили такие фильмы как «Председатель», «Пепел и алмаз», «Нюрнбергский процесс», с одной стороны, и «Гангу и Джамну», «Цветок в пыли», «Черные очки» — с другой. Этим мы уподобились продюсеру, который подбирал бы боксирующие пары, не обращая внимания на весовую категорию боксеров. Тяжеловес может состязаться с боксером, равным ему по весу, а не со спортсменом в весе «пера». Но ведь мы допустили именно такую (увы, распространенную!) ошибку. И до сих пор в популярном киножурнале ставят в один ряд все фильмы года и предлагают выбрать «самый лучший». Да можно ли вообще сравнивать «10 негрят» и «Мать», «Ангелочка» и «Цареубийцу»? Эти фильмы имеют разные цели, относятся к разным системам культуры, рассчитаны на разную аудиторию. И если «Мать» или «Цареубийца» будут уступать по зрительской аудитории или оценкам «Мужу собаки Баскервиль», то это говорит не о фильмах, а о реальной культуре публики.

В. Леонтьев, выступая на «Телеринге», очень верно и тонко заметил, что он поет для другого зрителя, чем И. Архипова, и их просто нелепо сравнивать. Добавим к его словам, что он относится и к другой культуре. Социолог, проводя сравнение разных произведений, авторов, исполнителей, не должен выходить за рамки той

культуры, к которой они принадлежат, «сталкивать лбами» представителей разных, несоизмеримых культур.

Исследования культуры должны учитывать ее многослойность. Скажем, зрителю понравился спектакль, однако он не может обобщать свое общее впечатление. Беседа с ним убеждает интервьюера, что понравился ему не спектакль (о нем он ничего сказать не может), а пьеса. Этот слой зрителей вообще идентифицирует пьесу и спектакль, актера и героя пьесы. Общеизвестно, что артиста Тихонова отождествляли с Штирлицем, а Броневого — с Мюллером.

Более высокий уровень культуры зрителей дает возможность уже отделять пьесу от спектакля и судить, насколько верно театр трактует пьесу, а актер — свою роль в ней. Наконец, зрители с более высокой культурой и более значительным театральным опытом («театралы») могут судить уже о режиссуре спектакля, его сценографии, решении тех или иных мизансцен и пр.

Так в восприятии любых ценностей культуры идет движение от сущности менее глубокого порядка — к сущности более глубокой.

В ходе исследования «Кино и зритель» мы столкнулись с тем, что часть респондентов, высоко оценивших фильм А. Байдя «Пепел и алмаз», увидели в нем всего лишь детектив с элементами «клубнички». Другие — почувствовали, что герой фильма, стрелявший в «наших», вызывает сочувствие и поэтому отрицательно отнеслись к нему. И только небольшая часть зрителей поняли художественную информацию картины и стали ее сознательными сторонниками.

Подчас основанием для оценки произведения является не его идея, не все произведения как целое, а лишь какой-либо его эпизод. Так, нашлось большое количество врагов фильма «Маленькая Вера», осудивших одну сексуальную сцену. Фильм как целое их не интересовал. Социолог должен учитывать подобную возможность и стараться выяснить основания той или иной оценки произведения реципиентом. Иными словами, необходимо выяснить **степень восприятия культурной информации**. Увы, пока еще мы обычно ограничиваемся лишь самым общим и поверхностным ее слоем. Одной из причин этого является явная абсолютизация метода **анкетного опроса**. В массовом сознании социолог предстает именно как «человек с анкетой». Остальные методы обычно остаются в тени, отходят на второй план. Между тем, в социологии культуры сфера применения этого метода, пожалуй, более ограничена, чем в любой другой социологической дисциплине.

Анкета обычно не дает возможности всестороннего анализа взглядов реципиента, мы узнаем его оценки, но чаще всего не знаем оснований этих оценок. Здесь анкетный опрос должен дополняться хотя бы выборочными беседами-интервью с участниками анкеты. Анкета, например, мало приспособлена для выяснения причин той или иной оценки фильма, книги, спектакля и т. д.

Мы остановились подробнее на методике исследований художественной культуры. Однако не меньшей спецификой обладает изучение любого другого вида культуры.

Например, до сих пор в исследованиях степени религиозности населения преобладают «лобовые» дихотомические вопросы типа: «веришь — не веришь». Кроме оскорбления чувств верующих и жалоб на нарушения закона о свободе совести, ничего иного такие вопросы дать не могут. Представим себе в качестве респондента Ивана Карамазова, мог ли он однозначно ответить на такой вопрос? Ведь он сам еще не решил его для себя. Недавно по телевидению выступал крупный ученый-естественник. На подобный вопрос тележурналиста он ответил, что верит в наличие Высшего Разума во вселенной. Считать ли его верующим? Вера — сугубо интимная сфера сознания личности, здесь множество субъективных нюансов, оттенков, которые обычно не может учесть анкета.

Крайне сложно составить надежную анкету и для исследований по вопросам морали. Во всяком случае пока использование анкетного опроса в таких работах не давало желаемого эффекта. Здесь основным, очевидно, должен стать метод тестирования — выбора наиболее приемлемой для человека альтернативы выхода из предлагаемой сложной ситуации, выбора альтернатив предпочитаемых нравственных качеств и т. д. Такие исследования требуют активного участия психологов. Попытки использования массовых анкетных опросов при изучении нравственности пока нельзя назвать удачными.

Еще раз следует отметить, что при изучении проблем духовной культуры исследователь стремится проникнуть в самую сложную из всех возможных структур — во внутренний интимный мир человека. Большинство людей осознанно или инстинктивно сопротивляются, когда социолог грубо вторгается в этот тонкий и хрупкий мир. Это естественное, вполне понятное сопротивление подчас возмущает и раздражает социолога, хотя сердиться он должен только на самого себя, на свой непрофессионализм.

Составление инструмента исследований в этой сфере — одновременно и наука, и искусство. Социолог ни в коем случае не должен полагаться только на свой опыт и интуицию, хотя без интуитивного чувства особенностей опрашиваемой аудитории хорошего инструмента исследования он не составит.

У нас почему-то не принято говорить о таланте социолога, хотя талант здесь имеет не меньшее значение, чем, скажем, в математике или физике. Талант социолога проявляется не только в интуитивном «чувстве аудитории», ее реальных информационных возможностей, но и в умении оценить достоверность полученных данных, найти наилучшие средства для их обобщения и обработки и т. д.

Социолог не рождается с готовым талантом. Этот талант, творческая фантазия формируются и развиваются в ходе исследований, приобретения профессионального опыта.

Ни одно учебное пособие не сможет предусмотреть заранее те подчас неожиданные конкретные ситуации, трудности, противоречия, с которыми может столкнуться социолог, ибо они зависят от конкретных задач исследования и от условий его проведения. Однако чем лучше социолог будет представлять себе теоретические проблемы, стоящие перед данным исследованием, чем тверже он усвоит, хотя бы самые общие принципы методики и техники его проведения, тем больше шансов на успех. Именно такая цель и была поставлена в этом учебном пособии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обычно в заключении к книге стремятся дать основные выводы, предложения или суммировать главные положения исследования. Автор не видит надобности идти по такому пути: все предложения и выводы даются в соответствующих главах. В заключении к пособию хотелось бы остановиться только на создании **организации социологических исследований** по проблемам культуры.

Сейчас такой организации не существует. В России сохранился ряд центров в разных городах, которые работают без какой-либо связи друг с другом, не имея ни общей программы, ни единого руководства. Социологи, занимающиеся изучением культуры, разобщены и обычно даже не знают, какие исследования проводятся в других городах и регионах. В результате эффективность таких исследований близка нулю. Дальше такое положение сохраняться не может, ибо оно приведет к полной ликвидации социологии культуры в стране.

Какой же выход можно предложить в современных сложных условиях? Прежде всего думать не об увеличении числа социологов, работающих в этой сфере (этот вопрос при наличии ряда социологических отделений в России решить сравнительно легче), а об их объединении и координации исследований. Осуществить эту задачу может только НИИ культуры России. Находясь в двойном подчинении (Академии наук и Министерства культуры) он имеет все возможности для соединения теоретической работы и создания типовых методик и инструментария исследований. Необходимо заново учесть все местные центры, работающие в этой области. К ним относятся: 1) кафедры социологии, а также кафедры теории и истории культуры, ведущие прикладные исследования; 2) социологические отделы (группы) научно-методических отделов министерств республик, управлений культуры краев и областей; 3) специализированные социологические подразделения, занятые изучением чтения, кино, радио и телевидения.

Речь идет не только об организации широких исследований в масштабе всей России, но и о координации региональных исследований, опорными базами на местах могут быть социологические центры в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Томске, Новосибирске, Челябинске, имеющие значительный опыт проведения социологических исследований. Следовало бы провести конференцию социологов культуры России.

Вероятно, одной из центральных проблем исследований в сфере культуры является вопрос о сочетании рыночных отношений с задачами резкого подъема культурного уровня народа, становления цивилизованности, высокой нравственности и духовности. Сразу же скажем, идея прибыльности культуры и даже ее самокупае-

мости является изначально утопичной. Во всем цивилизованном мире развитие культуры не может обойтись без дотаций со стороны государства, негосударственных организаций и отдельных лиц. Ассигнования на культуру поступают у нас из четырех источников: 1) государственный бюджет; 2) платные услуги населению; 3) отчисления от прибыли предприятий, кооперативов и частного предпринимательства; 4) личные пожертвования граждан.

Последние два источника у нас пока еще составляют ничтожную долю в общем бюджете культуры: поскольку государственных ассигнований явно не хватает, платные услуги населению занимают все большее место в этом бюджете. Происходит явная коммерциализация культуры. С одной стороны, из года в год растут цены на билеты в кинотеатры, театры, цирки, музеи, на выставки, концерты, спортивные соревнования и т. д. С другой стороны, платными стали большинство кружков и клубных объединений, в том числе детских; растет плата за обучение в музыкальных, художественных, спортивных и других школах. В условиях дороговизны и резкого понижения жизненного уровня населения блага культуры становятся все более недоступными для низко- и даже для среднеоплачиваемых слоев.

До немислимых пределов возросли цены на книги, газеты, журналы, грамзаписи. Семья среднего достатка уже не может приобрести цветной телевизор, а тем более видеоаппаратуру. Все это ведет к духовному обнищанию народа и ставит под сомнение все наши планы движения к цивилизованности. Между тем, в современных условиях (не говоря уже о ближайшем будущем) можно было бы, если не избежать, то хотя бы уменьшить эту коммерциализацию культуры. Главным средством для этого должны стать, по нашему мнению, необлагаемые налогом, а потому выгодные для предприятий и кооперативов города и деревни, отчисления на культуру.

Социологи совместно с экономистами культуры должны провести соответствующие расчеты. Сегодня таких расчетов пока еще никто не делал. Особо следует сказать о кооперативах в сфере культуры, организующих низкопробные концерты и владеющих целой сетью видеосалонов. Социологические исследования этой деятельности могли бы оказать огромную помощь руководящим органам культуры, отделить кооперативы, действительно способствующие росту культуры масс, и беззастенчивых дельцов, заботящихся только о собственной наживе.

Другая важная проблема, выдвинутая самой жизнью, — анализ действительных потребностей масс. Не секрет, что многие руководители кинопроката не пускают на экраны психологические отечественные и зарубежные фильмы, во многих филармониях практически исчезли симфонические и камерные концерты, концерты народной музыки, в театрах периферии вытесняется классика и т. д. В результате значительная часть интеллигенции почти перестала

посещать кинотеатры, многие театры, концерты и т. д. Важно выяснить действительные потребности населения, разных его социальных и демографических групп. На основе подобных исследований можно было бы верно планировать репертуар всех учреждений культуры. В этом случае директора театров, кинотеатров и т. д. не смогли бы волевыми решениями определять, «что надо и чего не надо» народу.

Известно, что определенное количество крупных деятелей культуры различных регионов в последнее время эмигрировало на Запад. Наша культура уже понесла и еще может понести поистине невосполнимые потери. Задачей социологов является изучение положения и деятельности работников культуры с тем, чтобы принять неотложные меры по их улучшению и предотвратить возможную эмиграцию.

Наконец, в последнее время почти совершенно прекратились социологические исследования культуры детей и подростков. Повсеместная пропаганда секса и насилия уже сегодня оказала пагубное влияние на становящееся сознание детей. Если не обратить достаточного внимания на коренное изменение такого положения, это неизбежно приведет к усилению преступности и социальной напряженности в обществе. Чрезвычайно важны и интересны в современной ситуации исследования степени распространения среди современной молодежи различного рода суеверий, мистики, псевдонаучных взглядов и пр. Мы перечислили некоторые актуальные, по нашему мнению, темы социологических исследований в области культуры. Разумеется, таких проблем значительно больше, многие из них возникнут перед социологом в ходе самого процесса исследования.

Положение в социологии культуры сегодня очень серьезно. В полном смысле слова ныне стоит вопрос о том, быть или не быть в стране этой научной дисциплине. Однако мы все-таки уверены, что молодое поколение социологов сумеет вывести эту научную дисциплину из затянувшегося кризиса и внесет весомый вклад в скорейшее возрождение культуры русского и других народов России.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Темы рефератов

Список тем для рефератов составлялся с таким расчетом, чтобы студент: а) не повторял в реферате материал, содержащийся в лекционном курсе и в рекомендованной литературе; б) мог проявить максимальную самостоятельность, овладевая навыками научного поиска; в) представить реферат для обсуждения на семинарских занятиях по курсу; г) использовать его как основу для курсовых и дипломной работ.

Разумеется, этот список является сугубо примерным и может варьироваться с учетом реальной культурной ситуации в регионе, а также с учетом интересов самих студентов и их научных руководителей.

1. Социология и философия культуры.
2. Социология культуры и культурология.
3. Социальная статика и социальная динамика в социологии культуры.
4. Культурная группа: генезис, сущность, признаки *.
5. Социальный портрет работников культуры (научных работников, преподавателей, культработников, артистов, художников, писателей, музыкантов и т. д. — по выбору студента) *.
6. Социальные функции и деятельность книжного издательства. Социологический анализ *.
7. Спрос и предложение в книжном магазине *.
8. Духовные потребности группы (школьники, студенты *, рабочие, учителя, врачи, деятели искусства, крестьяне и т. д. — по выбору студента).
9. Соотношение потребностей, интересов и установок в духовной культуре.
10. Отдел критики в научном (или художественном) журнале. Опыт контент-анализа *.
11. Место массовой коммуникации в культурной коммуникации.
12. Непосредственная и опосредованная коммуникация в культуре. Особенности диалога.
13. Актуальная культура группы (по выбору студента) *.
14. Видео в системе культуры *.
15. «Видео» в жизни современного российского села *.

* Этим знаком отмечены рефераты, которые могут выполняться на основании самостоятельных эмпирических исследований, проведенных студентом.

16. Кинорепертуар и зрительская аудитория кинофильмов в крупном городе *.
17. Публика симфонического и камерного концерта *.
18. Социология кино в России. (1917—1930).
19. Народные промыслы региона. Опыт социологического анализа *.
20. Народные музыкальные инструменты в духовной жизни современного села *.
21. Теория национально-культурной автономии и современность.
22. Национальная форма культуры.
23. Проблемы культуры на страницах журнала «Большевик» (1928—1935). Опыт контент-анализа *.
24. Роль наблюдения в социологических исследованиях культуры.
25. Телевидение как организатор и пропагандист социологических исследований.
26. Современная культурная антропология.
27. Структурный функционализм Т. Парсонса и социология культуры.
28. Педагогическая антропология и социология образования.
29. Проблемы социологии культуры в трудах Х. Ортеги -и-Гассета.

Список рекомендуемой литературы

1. Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. Разд. 4.
2. Бердяев Н. А. Кризис искусства. М., 1990.
3. Библер В. С. От науковедения — к логике культуры. М., 1991. Ч. 2. С. 257—384.
4. Вебер М. Критические исследования в области логики науки о культуре // Вебер М. Избр. произведения. М., 1990. С. 416—485.
5. Великий П. П. Духовная жизнь советского села. М., 1982.
6. Вопросы социологии искусства. М., 1979.
7. Вопросы социологического изучения театра. М., 1980.
8. Гидденс Э. Социология: учебник 90-х гг. Челябинск, 1991. С. 25—33.
9. Давидович В. Е., Жданов Ю. А. Сущность культуры. Ростов н/Д., 1979.
10. Духовное производство: Социально-философский аспект проблемы духовной деятельности. М., 1981.
11. Иконникова С. Н. Диалог о культуре. Л., 1981.
12. Кино и зритель. М., 1968.
13. Книга, общество, перестройка. М., 1990.
14. Коган А. Н. Цель и смысл жизни человека. М., 1984. Гл. 4.

15. Коган А. Н., Сесюнина И. Б. Духовное производство. Томск, 1987.
16. Коган А. Н., Ханова О. В. Культура в условиях НТР. Саратов, 1987.
17. Кон И. С. Социология личности. М., 1967.
18. Культурная деятельность: Опыт социологического исследования. М., 1981.
19. Левада Ю. А. Лекции по социологии. М., 1969. Ч. 1—2, лекции 2, 16, 17.
20. В. И. Ленин о культуре. М., 1980.
21. Маркс К., Энгельс Ф. Об искусстве. М., 1983. Т. 1—2.
22. Межуев В. М. Культура и история. М., 1977.
23. Мольт А. Социодинамика культуры. М., 1973.
24. Орлова Э. А. Современная городская культура и человек. М., 1987.
25. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991.
26. Перов Ю. В. Художественная жизнь общества как объект социологии искусства. Л., 1980.
27. Соколов В. М. Социология нравственного развития личности. М., 1986.
28. Сорокин П. Социокультурная динамика // Сорокин П. Человек, цивилизация, личность. М., 1991.
29. Социология, атеизм, религия. Горький, 1972.
30. Социология сегодня: Проблемы и перспективы. М., 1965. Гл. 2.
31. Трушков В. В. Город и культура. Свердловск, 1976.
32. Телевизионная аудитория: Структура, ориентации, культурная активность. Свердловск, 1973.
33. Филиппов Ф. Р. Социология образования. М., 1980.
34. Филиппов Ф. Р. Школа и социальное развитие общества. М., 1990.
35. Фирсов Б. М. Пути развития средств массовой коммуникации. Л., 1977.
36. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990.
37. Цукерман В. С. Музыка и слушатель. М., 1972.
38. Эскарпи Р., Баркер Р. Жажда чтения. М., 1979.
39. Яблоков И. Н. Социология религии. М., 1979.
40. Яхиял Н. Социология науки. М., 1977.

Методические указания

Как видно из списка рекомендованной литературы, учебных пособий, а тем более учебников по этой научной дисциплине пока еще в отечественной литературе нет. Бросается в глаза явное несоответствие поистине необъятной литературы по философии и

истории культуры (в списке она не указана) и крайне мизерный выбор работ по социологии культуры. Естественно, в предложенном списке даны далеко не все работы по этой специальности. Опущены малотиражные брошюры и сборники, которые вследствие их малого тиража почти не доступны студентам, явно устаревшие работы, а также исследования, посвященные очень узким вопросам (круг чтения у разных групп населения, изучение концертной деятельности и т. д.). Отсутствие общих работ по социологии культуры в отечественной литературе может быть восполнено обращением к доступным студентам важнейшим трудам иностранных ученых.

Предлагаемая в курсе лекций концепция культуры близка к концепции английского социолога Энтони Гидденса, с которой читатель может ознакомиться по изданному в 1991 г. подробному реферату книги [6]. Гидденс считает главными проблемами социологии культуры вопросы, связанные с сущностью человека и его природой. Он особо выделяет материальную культуру, подчеркивая ее жизненную важность для бытия человека. В структуре культуры, которая пронизывает весь жизненный путь человека, он выделяет ценности, нормы и материальные вещи. Последние Гидденсом не относятся к ценностям культуры, которые, в отличие от предложенной в наших лекциях структуры, сводятся им только к «абстрактным идеалам». Думается, что Гидденс явно преувеличивает и роль социобиологии в культуре. Это показывает трактовка им культурных универсалий — общих черт разных типов культуры. К ним, по Гидденсу, относятся: 1) грамматические структуры языка; 2) типы семьи; 3) институт брака; 4) религиозные ритуалы и церемонии; 5) регулирование половых отношений системой запретов. Вряд ли к этому могут быть сведены общечеловеческие «универсалии» в культуре. Разве меньшую роль играют общечеловеческие нормы морали, законы науки, единые принципы международного права? Но прежде всего культурными универсалиями выступают сами великие, вечные ценности культуры, о которых подробно говорилось в главе об актуальной культуре.

При работе над учебником Гидденса советуем обратить внимание на прекрасно изложенные им особенности традиционного и современного индустриального общества.

Лучшим из доступных студенту пособий по социологии культуры является глубокая и обстоятельная книга французского социолога Абраама Моля «Социодинамика культуры». Изданная во Франции в 1967 г. она и до сих пор в основных своих положениях ничуть не устарела [7]. Я очень рекомендую эту книгу всем, избравшим социологию культуры своей специальностью. Конечно, цифровой материал, а также анализ культурной ситуации в странах Запада сейчас уже устарели, однако для социолога особенно важна методология изучения культуры и методика ее эмпирических исследований.

А. Моль является сторонником институционального подхода

к социологии культуры. Поэтому главное внимание в его труде уделено социальным институтам культуры, которые весьма полно и подробно освещаются в книге. Моля кладет в основу социологии культуры изучение **культурной коммуникации**, рассматривая ее как процесс реального функционирования культуры в обществе. В книге дается и обзор основных концепций социологии культуры к середине 60-х гг. Достоинства и недостатки труда А. Моля подробно проанализированы в содержательном предисловии к книге, написанном профессором С. Н. Плотниковым.

В антологии «Социология сегодня. Проблемы и перспективы» [9] содержатся интересные статьи Н. Гросса «Социология образования», Ч. Глока «Социология религии» и Д. Барнетта «Социология искусства». Хотя материал их существенно устарел (особенно последней из них), они интересны и сегодня. В антологии «Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы» [3] рекомендуется обратить особое внимание на статью Р.-М. Белла «Социология религии».

Естественно, я не имел возможности указать в списке большое количество кратких рефератов книг и статей, которые можно найти в реферативных журналах, а также — статей российских социологов в научных журналах и периодической печати. При работе над рефератом студент может найти нужные ему статьи и рефераты, воспользовавшись помощью библиографических отделов научных библиотек.

Для желающих более глубоко изучить методику и технику социологических исследований в культуре я мог бы рекомендовать книгу Р. Пэнто и М. Гравитца «Методы социальных наук» (М., 1972), переведенную с французского языка. В этой книге социолога культуры особенно заинтересует третий раздел. Для изучения методики и техники исследований в этой сфере рекомендуемая книга даст больше, чем другие известные мне пособия. Из обзорных работ по методике и технике исследований можно рекомендовать книгу «Методология изучения общественного мнения: зарубежный опыт» (М., 1989). К сожалению, она вышла крохотным тиражом и ее можно получить только в крупных научных библиотеках.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Предмет, место и задачи социологии культуры	5
Глава 2. Культурная коммуникация	21
Глава 3. НТР и культура	33
Глава 4. Город и деревня в системе культуры	41
Глава 5. Культура межнациональных отношений	52
Глава 6. Актуальная культура: социологические проблемы	62
Глава 7. Социология культуры и социология образования	71
Глава 8. Социология культуры и социология общественного сознания	82
Глава 9. О специфике методики и техники социологических исследований культуры	98
Заключение	111
Приложение	114

Лев Наумович Коган
СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ
Учебное пособие

Редактор Ю. А. Варва

Корректор Т. А. Сасина

Технический редактор Э. А. Максимова

Темплан 1992

Сдано в набор 17.04.92. Подписано в печать 12.08.92.
Формат 60 x 90 1/16. Печать высокая. Гарнитура «Светлана».
Объем уч.-изд. л. 7,5. Усл. печ. л. 7,5. Тираж 1500 экз.
Заказ 913. С-92-5.

**Уральский ордена Трудового Красного Знамени государственный универси-
тет им. А. М. Горького. Екатеринбург, пр. Ленина, 51.**

Типолаборатория УрГУ. Екатеринбург, пр. Ленина, 51.